

ПОПУЛЯРНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Александр Твардовский

Александр Твардовский

ПОЭМЫ

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Александр Твардовский

ПОЭМЫ

БК 84Р7
Т 263

Серия «Популярная библиотека»
формируется на основе
изучения читательского спроса
социологами Института книги НПО ВКП.
Основана в 1987 году

Твардовский А. Т.

Т263 Поэмы.— М.: Издательство «Книжная палата», 1987.—
336 с.
ISBN 5—7000—0003—2

В эту книгу вошли четыре поэмы Александра Трифоновича Твардовского — «Василий Теркин», «За далью — даль», «Теркин на том свете» и «По праву памяти». Написанные поэтом в разные годы, они читаются как одно произведение о судьбе народа, об историческом пути, пройденном нашей страной, о русском народном характере.

БК 84Р7

Т 4702010200-030 Без объявл.
008(01)-88

ISBN 5—7000—0003—2

© Состав, вступительная статья,
художественное оформление.
Издательство «Книжная палата», 1988

К читателю

Поэмы Твардовского переиздавались много раз, однако в предлагаемом составе сборник его поэм появляется впервые.

Дело в том, что судьба двух последних крупных произведений поэта оказалась трудной и драматичной. Поэма «Теркин на том свете» в первоначальном своем варианте была сдана в печать весной 1954 года. Тем не менее прошло целых девять лет, прежде чем она увидела свет — в новом варианте, сочетавшем прежний антибюрократический пафос с оптимизмом, обусловленным изменениями, происшедшими за это время в стране. Поэма, напечатанная в 1963 году в «Известиях», в «Новом мире» и отдельным изданием, была горячо принята критикой, однако вскоре снова оказалась в длительной опале. Что касается поэмы «По праву памяти», то, будучи закончена в 1969 году и тогда же набрана в «Новом мире», она и вовсе не была опубликована и пришла к советскому читателю только нынче, через восемнадцать лет после своего написания и через полтора десятилетия после смерти автора.

Во всем этом сказались, конечно, как боевая направленность обоих произведений, политическая их острота, так и положение литературы в период общественного застоя.

И вот теперь все три поэмы Твардовского 50—60-х годов — «За далью — даль» и обе названные выше — впервые собраны под одной обложкой.

Почему это важно? Не только потому, что восстанавливается целостность и полнота творчества крупнейшего поэта эпохи, но и потому, что в той же полноте (особенно если учесть и «лирику этих лет») воссоздаются тем самым итоги духовного саморазвития человека, которому суждено было сыграть особую роль в общественной жизни нашей страны шестидесятых годов.

Исток же того внутреннего процесса, который привел Твардовского к трем его поздним поэмам, лежит, несомненно, в «Василии Теркине». В демократизме и человечности этой книги, в той глубоко народной и общечеловеческой по своей сути философии жизни, которая составляет ее нравственную основу, наконец, в овевающем ее духе свободы и правды. Рожденные особой духовной атмосферой величайшей из войн, впервые в истории человечества шедшей «ради жизни на земле», а затем как бы скрепленные печатью ни с чем не сравнимой популярности «Книги про бойца», названные ее качества навсегда остались для автора своего рода заветом самому себе, некоей внутренней мерой, которую он уже

не мог для себя понизить. И в смысле масштабности новых творческих задач, и твердости убеждения в своем праве и долге поэта говорить только правду, отвечая за свой труд лишь перед народом и собственной совестью, и в смысле остроты этого чувства ответственности, неоплатной «задолженности» людям.

Не следует думать, будто верность этим заветам легко далась автору «Теркина», и отнюдь не из-за одних только внешних помех. Сохранить ее можно было лишь развитием. Потребовалось пройти через глубокий внутренний кризис (обусловленный, в конечном счете, кризисным состоянием самого нашего общества к началу 50-х годов), чтобы тяжелой работой ума и души заново открыть для себя, а тем самым и для всей литературы, чего именно ждет от поэта народ на нынешнем этапе своего пути. Результатом и проявлением такого прорыва в новое духовное состояние стали, с одной стороны, тревожные вопросы и раздумья, насыщающие «За далью — даль», путевой дневник поэта-гражданина, шаг за шагом выращивающего в себе и в своем читателе суверенную демократическую личность. С другой — гневный сарказм поэмы «Теркин на том свете», с беспощадной убедительностью представившей бюрократическую машину в виде зловеще-смешного царства мертвых, где нет места живой человеческой душе. А в 60-е годы, на новом этапе борьбы, теперь уже против контрастности сил, попытавшихся реставрировать эту пошатнувшуюся систему, те же «теркинские» заветы, обогащенные опытом последующих лет, определили собой ту энергию неуступчивой гражданственности и правды, которой заряжена поэма «По праву памяти», где социально-историческая мысль поэта сделала еще один крупный шаг вперед.

Кажется, ни одно из писательских имен не звучит сейчас так часто, как имя Твардовского. На его безусловный авторитет опираются (и задним числом присоединяют себя к нему) даже его бывшие противники. Это естественно: история доказала его правоту, и нет в нашем литературном прошлом другого человека, чей опыт был бы более современен, более созвучен направлению наших сегодняшних преобразований и надежд. Отсюда — особая нужда в полном, «неурезанном» Твардовском, первой ступенью к которому служит настоящий сборник.

Ю. Бургин

Василий Теркин

1945

Книга про бойца

От автора

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда,—
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой,—
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей,—
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щак.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,—

Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.
А всего иного пуше
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж еще?.. И все, пожалуй,
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так — без начала?
Потому, что срока мало
Начинать ее сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

На привале

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте.—
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой,—
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый,
В первом взводе сон пропал,

Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с середины
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?
— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тот проймет тебя поглубже,—
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй,
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маета:
Вдруг как сослепу задавит,—
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или, попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иванович...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей-бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:

Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля,
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впóкат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:

Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой-героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему,—
Спрашивать не стали,—
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим

Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

Перед боем

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно, и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полям шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,

Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.

Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
— Брось ты думать,— говорю.
Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался — не поспеть.

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.
Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...

— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечить.

Дети спят. Жена хлопочет
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И немалые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей.
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену неизвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.

Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх,— и все — шинель.

*Эх, суконная, казенная,
Военная шинель,—
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.*

*Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага*

*Да своей рукой защитая,—
Кому не дорога!*

*Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.*

*А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!*

*Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...*

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.

— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.

Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.
А под свет проснулись дети,
Поглядят — пришел отец.
Поглядят — бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доныне плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы
Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там идти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.

Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит,—
«Полагаю,— жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому — хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,

Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,

Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом,—
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пыльцой лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, гряда,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?
— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маета.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спустать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться?
— Братцы,— он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой,— добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.
— Молодец! — сказал полковник.—
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О войне

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,

Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину, —
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, —
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить, —
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Раз война — про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.

И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

Теркин ранен

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы — дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груди,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней

На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит — он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом — гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота,—
Жизнь как жизнь.
И опять война — работа:
— Становись!

* * *

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,

Разворачивает снасть,—
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам укладкой:
Мол, у нас да не пойдет,—
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку,—
Голос в горсточку, как спичку,
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? — Деревушку.
Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод — за валом огневым,
Теркин с ходу — вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом,—
Чох! — снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег — ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий — сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит — не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся — глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним — сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:

— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится,— говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше — поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали *они*.

Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полаты,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:

Тобаку, одежи, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче — я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут — один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целься. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне — убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на зад...
Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь, — имей в виду.

За секунду до разрыва,
Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер — из пистолета,
Теркин — в мягкое — штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь,— чужая иль своя?
Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.
«Это — наши,— понял парень,—
Наши бьют,— теперь какюк».

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

* * *

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженных ребят.

И пускай в бою впервые,
Но ребята — свет пройди.
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят — вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром
Вниз — с гранатой — вдоль стены.
Тишина. — Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира,—
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашний, родной:
— Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Теркин,
Как там хочешь, так зови.

Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец — башенный стрелок.

Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди,— нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

О награде

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно все же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай.
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет,— сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова:— Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.
Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Гармонь

По дороге прифронтóвой,
Запоясан, как в строю,

Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышку нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:

— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернешь немного,
Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.

Наклонился над баранкой,—
Смолк шофер,
Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалищей нет гармонии,
А мороз — ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток...—
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.
— В чем же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так...— С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же — посудите —
Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что,— сказал водитель,—
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.

— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы,—
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому,—
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощеный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.
— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.
— Это точно...
— А гармонь-то,
Знаешь что,— бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего,— сказал водитель,—
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдаленной
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон...
Едет дальше Вася Теркин,—
Это был, конечно, он.

Два солдата

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха.—
Или скажет:
— Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика.

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!..—
Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка...—
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин шурится:
— Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:
Завалившая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами,

Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально,—
Все ж часы, а не пила,—
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутри куда-то дунул, плюнул,—
Что ты думаешь,— пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час — другой, вперед — назад.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
— Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такую каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши! А где сушить?

Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик-солдат.

— Эти штуки в жизни нашей,—
Дед расхвастался,— пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.
— Это верно, тут наука,
Тут напротив не погрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?

— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...

— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.
Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрост,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — все ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери

И сказал:
— Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе — старуха.
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

О потере

Потерял боец кiset,
Заискался,— нет и нет.

Говорит боец:
— Досадно.
Столько вдруг свалилось бед:
Потерял семью. Ну, ладно.
Нет, так на тебе — кiset!

Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот — кiset.

Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Все на свете — и кiset.

Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета, как без рук.

В неприятном школьном доме —
Мужики, не детвора,
Не за партой — на соломе,
Перетертой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:
— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
Вот судьба, товарищ Теркин.—
Теркин:
— Что там за судьба!

Так случиться может с каждым,—
Возразил бородачу,—
Не такой со мной однажды
Случай был. И то молчу.

И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого
Теркин шапку достает.

Просто шапку меховую,
Той подругу боевую,
Что сидит на голове.
Есть одна. Откуда две?

— Привезли меня на танке,—
Начал Теркин,— сдали с рук.
Только нет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.

И не то чтоб очень зябкий,—
Просто гордость у меня.
Потому, боец без шапки —
Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
В этом деле зелена.

— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду! — Вот дела.
Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была. .

А она, девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:

— Шапки вашей,— молвит,— нету,
Я вам шапку дам свою.

Наклонилась и надела.
— Не волнуйтесь,— говорит
И своей ручонкой белой
Обколосась: был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок
Я носил уже — не счесть,
Но у этой даже запах
Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.
— Слышал звон издалека.
— А зачем ты шапку эту
Сохраняешь?
— Дорога.

Дорога бойцу, как память.
А еще сказать могу
По секрету, между нами,—
Шапку с целью берегу.

И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор...»

Сам привстал Василий с места
И под смех бойцов густой,
Как на сцене, с важным жестом
Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,
За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь, какие знает речи,
Из каких политбесед:
«Разрешите вам при встрече...»
Вон тут что. А ты — кiset.

— Что ж, понятно, холостому
Много лучше на войне:

Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

— Холостому? Это точно,
Это ты как угадал.
Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому
Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет.

Что пройдет она потопом
По лицу земли живой
И заставит рыть окопы
Перед самою Москвой.
Что ты знал!..

— А ты постой-ка,
Не гляди, что с виду мал.
Я не столько,
Не полстолько,—
Четверть столько!—
Только знал.

Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошел.
Жаль, гармонь моя в обозе,
Я бы лекцию прочел.

Разреши одно отметить,
Мой товарищ и сосед:
Сколько лет живем на свете?
Двадцать пять! А ты — кисет.

Бородач под смех и гомон
Роет вновь труху-солому,
Перещупал все вокруг:
— Без кисета, как без рук...

— Без кисета, несомненно,
Ты боец уже не тот.
Раз кисет — предмет военный,
На-ко мой, не подойдет?

Принимай, я — добрый парень.
Мне не жаль. Не пропаду.
Мне еще пять штук подарят
В наступающем году.

Тот берет кисет потертый,
Как дитя, обновке рад...

И тогда Василий Теркин
Словно вспомнил:
— Слушай, брат.

Потерять семью не стыдно —
Не твоя была вина.
Потерять башку — обидно,
Только что ж, на то война.

Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить,—
Я не спорю,— тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак,
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.
Сколько лет живем на свете?
Тыщу?.. Больше! То-то, брат!

Сколько жить еще на свете,—
Год, иль два, иль тыщи лет,—
Мы с тобой за все в ответе.
То-то, брат! А ты — кисет...

Поединок

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко шшит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

Сытый, бритый, береженный,
Дармовым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не страшая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была, как кость большая,
В русской varejke рука...

Не играл со смертью в прятки,—
Взялся — бейся и молчи,—
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленье — ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли саяк,
В наступленье — натошак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хрястнул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,
Автоматы — к черту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь,—
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы забережь.

Но покуда Теркин санки,
Сколько мог,
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,

Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо, думает боец.
Хорошо, что легок телом —
Отлетел. А то б — конец...

Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Черт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счет,
Но и немец левым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка!
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он — в полвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный —
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть?

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,

Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий,
Или добрый человек —
Заблудился
По дороге,
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь —
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам, —
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит, —
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолеты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов

Держит фронт Василий Теркин,
В забвении глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:
— Герой!

Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б. А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —
Так, как бьются на войне.
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,
В драке зоркий,
Утирает кровь и пот.
Изнемог, убится Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
Словно яблоко-полявка,
Что иначе есть нельзя.

Кровь — сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд.
И Теркин горд.

— Раз ты пес, так я — собака,
Раз ты черт,
Так сам я — черт!

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!

Кто одной боится смерти —
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперед.

Ах, ты вон как! Дратся каской?
Ну не подлый ли народ!

Хорошо же! —
И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца — с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжело,—
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору —
В батальон идти обратно
Из разведки поутру.

По земле ступать советской,
Думать — мало ли о чем!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

«Языка» — добычу ночи, —
Что идет, куда не хочет,
На три шага впереди
Подгонять:
— Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный — это свой.
Не знаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят, —
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
Ляг, поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

От автора

Сто страниц минуло в книжке,
Впереди — не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку

Сказку длинную одну
Все про то же — про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
Рыбаку лишь о путине,
Печнику дудят о глине,
Леснику о древесине,
Хлебопеку о квашне,
Коновалу о коне,
А бойцу ли, генералу —
Не иначе — о войне.

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
При победе над врагом.

Учинив за все расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всем,
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза
И о чем, друзья, покамест
Все равно — всего нельзя...

Мерзлый грунт долби, лопата,
Танк — дави, греми — граната,
Штык — работай, бомба — бей.
На войне душе солдата
Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?

Да война ревет, как море,
Грозно в дамбу упершись.

Я одно скажу, что нам бы
Поуправиться с войной,
Отодвинуть эту дамбу
За предел земли родной.

А покуда край обширный
Той земли родной — в плену,
Я — любитель жизни мирной —
На войне пою войну.

Что ж еще? И все, пожалуй,
Та же книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Впрочем, правде не во вред.

На войне сюжета нету.
— Как так нету?
— Так вот, нет.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат — не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!..— Вперед.
Есть приказ: умри!..— Умрет.

На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа,
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.

Ни жениться, ни влюбиться
Он не может,— нету прав,
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поется,
Разве можно брать в расчет,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,
Будет случай подвернется,
Чью-то долю ущипнет?

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака,
От любой дурацкой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся,— точка, брат.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Угадать вперед нельзя.

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкой иной.

Пушки к бою едут задом,—
Это сказано не мной.

«Кто стрелял?»

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.

В полверсте, в кустах — противник,
Тут шагам и пядям счет.

Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет.

По следам страды вчерашней,
По немислимой тропе;
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой, густой траве;

По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опаленных у краев...

И откуда по пустому
Долетел, донесся звук,
Добрый, давний и знакомый
Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

И такой тоской родною
Сердце сразу обволокло!

Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на «пяточок».

Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак.
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...

И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе

Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
Ноет, воет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
Ведь — согласно поговорке —
Это малый сабантуй...

Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится под стать.

С удивительной заботой
Подсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнет. И жизни даст.
Жизни даст!

Со страшным ревом
Самолет ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть. Ее прихода
Все мы ждем по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко,
И вступает в полный цвет
Все кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать картине,
В сон идет природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой — земля, как камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками,—
Нет уж, ну ее — зимой.

А весной, весной... Да где там,
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,
Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка,
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,
И далек, далек, далек
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег.

И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.

Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идет.
Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет.

Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.

Накренья, пошел по кругу,
Кувьркается над лугом,—
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо.

— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял — звонят из штаба.—

Кто стрелял, куда попал?

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.

Кто стрелял? —

А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —

Не зенитчик и не летчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.
Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант просто:
— Вот что значит парню счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Парень сдачу подает:
— Не гоюй, у немца этот —
Не последний самолет...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешел в герои Теркин,—
Это был, понятно, он.

О герое

— Нет, поскольку о награде
Речь опять зашла, друзья,
То уже не шутки ради
Кое-что добавлю я.

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок.
Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать,— мальчишка,
Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идет меж нами,
И спроси я с первых слов:
— Вы откуда родом сами —
Не из наших ли краев?

Смотрит он:

— А вы откуда? —

Отвечаю:

— Так и так,

Сам как раз смоленский буду,

Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:

— Ну что вы,

Что вы,— вскинул головой,—

Я как раз из-под Тамбова,—

И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,

Подчеркнуть хотел он мне,

Что таких, как он, не может

Быть в смоленской стороне.

Что уж так они вовеки

Различаются места,

Что у них ручьи и реки

И сама земля не та,

И полянки, и пригорки,

И козявки, и жуки...

И куда ты, Васька Теркин,

Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать,— не знаю,

Только мне от мысли той

Сторона моя родная

Показалась сиротой,

Сиротинкой, что не видно

На народе, на кругу...

Так мне стало вдруг обидно,—

Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый

По характеру, а все ж

Вот теперь, когда я орден

Нацеплю, скажу я: врешь!

Мы в землячество не лезем,

Есть свои у нас края.

Ты — тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.

Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

*Заведет, задует сивая
Лихая борода:
Ты куда, моя красивая,
Куда идешь, куда...*

*И ведет, поет, зарывает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.*

*И за ту одну старинную
За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
Сто раз бы я прошел.*

*Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!*

Генерал

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опясал фронт страну.
Где-то Ладога... А где-то
Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед...

Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...

Где-то, будто на задворке,
Будто знать про то не знал,
На своем участке Теркин
В обороне загорал.

У лесной глухой речушки,
Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастерку и штаны.

На припеке обнял землю,
Руки выбросил вперед
И лежит и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.

И речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моеет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

*Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою родимую,
Может, где-нибудь свернешь.*

*Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдешь туда
И под проволокой колючею
Проберешься без труда.*

*Меж немецкими окопами,
Мимо вражеских постов,
Возле пушек, в землю вкопанных,
Промелькнешь из-за кустов.*

*И тропой своей исконною,
Протечешь ты там, как тут,
И ни пешие, ни конные
На пути не переймут..*

*Дотечешь дорогой кружную
До родимого села.
На мосту солдаты с ружьями,—
Ты под мостиком прошла.*

*Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.*

*Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.*

*Помороженный, простуженный,
Отдыхает он, герой,
Битый, раненый, контуженый,
Да здоровый и живой...*

Теркин — много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке,—
Слышит:
— Теркин, к генералу
На одной давай ноге.

Посмотрел, поднялся Теркин,
Тут связной стоит.
— Ну что ж,
Без штанов, без гимнастерки
К генералу не пойдешь.

Говорит, чудит, а все же
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежду

Спешно пялит на себя.
Приросла к спине — не стронет...

— Теркин, сроку пять минут.
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют.

Подзаправился на славу,
И хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет, —
Все ж у главного порога
В генеральском блиндаже —
Был бы бог, так Теркин богу
Помолился бы в душе.

Шутка ль, если разобраться:
К генералу входишь вдруг, —
Генерал — один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на сорок верст вокруг.

Генерал стоит над нами, —
Оробеть при нем не грех —
Он не только что чинами,
Боевыми орденами,
Он годами старше всех.

Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вел.

И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто, как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай немалою,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою.

Знай: за дело, за заслугу
Жмет тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
Богатырь. Орел. Ну, просто —
Воин! — скажет генерал.

И пускай ты даже ростом
И плечьями всего не взял,
И одет не для парада, —
Тут война — парад потом, —
Говорят: орел, так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Понимай, в душе имей:
Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей —
И к бойцовской гимнастерке
Прикрепил немедля сам.
И ладонью:
— Вот, брат Теркин, —
По лихим провел усам.

В скобках надобно, пожалуй,
Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красоты.

На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...

Есть привычка боевая,
Есть минуты и часы...
И не зря еще Чапаев
Уважал свои усы.

Словом — дальше. Генералу
Показалось под конец,
Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...

И не каждый день сбивают
Из винтовки самолет.
Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой.

— Вот что, Теркин, на неделю
Можешь с орденом — домой...

Теркин — понял ли, не понял,
Иль не верит тем словам?
Только дрогнули ладони
Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,
Теркин тихо отвечал:
— На неделю мало сроку
Мне, товарищ генерал...

Генерал склонился строго:
— Как так мало? Почему?
— Потому — трудна дорога
Нынче к дому моему.
Дом-то вроде недалечко,
По прямой — пустяшный путь...

— Ну а что ж?
— Да я не речка,
Чтоб легко туда шмыгнуть.
Мне, по крайности, вначале
Днем соваться не с руки.
Мне идти туда ночами,
Ну, а ночи коротки...

Генерал кивнул:
— Понятно!
Дело с отпуском — табак.—
Пошутил:
— А как обратно
Ты пришел бы?..
— Точно ж так...

Сторона моя лесная,
Каждый кустик мне — родня.
Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня!

Мне там каждая знакома
Борозденка под межой.
Я — смоленский. Я там дома.
Я там — свой, а *он* — чужой.

— Погоди-ка. Ты без шуток.
Ты бы вот что мне сказал...

И как будто в ту минуту
Что-то вспомнил генерал.
На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:
— Ну-ка, где твоя деревня?
Покажи по карте мне.

Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно,— молвит,— это можно.
Вот он Днепр, а вот мой дом.

Генерал отметил точку.
— Вот что, Теркин, в одиночку
Не резон тебе идти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути...

Отпуск точно, аккуратно
За тобой прошу учесть.
И боец сказал:
— Понятно.—
И еще добавил:
— Есть.

Встал по форме у порога,
Призадумался немного,
На секунду на одну...

Генерал усы потрогал
И сказал, поднявшись:
— Ну?..

Сколько он, над картой сидя,
Словом, подписью своей,
Перед тем в глаза не видя,
Посылал на смерть людей!

Что же, всех и не увидишь,
С каждым к расстаням не выйдешь,
На прощанье всем нельзя
Заглянуть тепло в глаза.
Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,
И по имени назвать,
И удачи пожелать,
И, помедливши минутку,
Ободрить старинной шуткой:
Мол, хотя и тяжело,
А, между прочим, ничего...

Нет, на всех тебя не хватит,
Хоть какой ты генерал.
Но с одним проститься кстати
Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом,—
Генерал — с любимым сыном,
А боец — с родным отцом.

И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону,
Прямоком через войну.

О себе

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной —
Меж иных любых тревог —

Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берег.

Да и не было помехи
Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Лес — ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть,
Не порубленный без толку,
Без порядку как-нибудь;
Не корчеванный фугасом,
Не поваленный огнем,
Хламом гильз, жестянок, касок
Не заваленный кругом;

Блиндажами не изрытый,
Не обкуренный зимой,
Ни своими не обжитый,
Ни чужими под землей.

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаши,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...

Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.

Лист к листу, листом прикрытый,
В сборе листовенном густом
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.

И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.
И в спокойной чаще хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

И в истоме птицы смолкли...
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,
Как легко все это было
Взять и вспомнить год назад.

Вспомнить разом что придется —
Сонный полдень над водой,
Дворик, стежку до колодца,
Где песочек золотой;
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
Вновь обнять старуху-мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать.

Чтоб со взрослой грустью сладкой
Праздник встречи пережить —
Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить.

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день —
Не нужда была, как вору,
Под стеною прятать тень...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену!
Я приду — лишь дня не знаю,
Но приду, тебя верну.

Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын,—
Вместе с нашею победой
Я иду, и не один.

Этот час не за горюю,
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:
— Где же про героя?
Это больше про себя.

Про себя? Упрек уместный,
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:
Что ж, а я не человек?

Спорить здесь нужды не вижу,
Сознавайся в чем в другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил,— за той чертой.

Друг мой, так же не легко мне,
Как тебе с глухой бедой.
То, что я хранил и помнил,
Чем я жил — за той, за той —
За неписаной границей,
Поперек страны самой,

Что горит, горит в зарницах
Вспышек — летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою,—
В этой книге там ли, сям,
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.

Я за все кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.

Он земляк мой и, быть может,
Хоть нимало не поэт,
Все же как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну — нет.

Теркин — дальше. Автор — вслед.

Бой в болоте

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро..
Да и вспомнят ли о нем?

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нем осталось ровным счетом
Обгорелых три трубы.

Там с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,
И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,
В щепки каждое бревно.
Называлось там Борками
Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат.

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеко,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки?

И у той черты недалёной,
У земли многострадальной,
Что была к тебе добра,

Влился голос твой в печальный
И протяжный стон: «Ура-а...»

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого, бывало,
Там попробуй поищи.

Артиллерия толково
Говорит — она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласье все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота.
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянет болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть.

И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:
— В своем болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.

У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя — в тылу ль, на фланге,—
Сам не знаешь, как силен,—
Бронебойки, пушки, танки.

Ты, брат, — это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —
Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили!
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И разрыв!

За ним другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.

— Он такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рваный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,
Уходи, беда вот-вот...
Только Теркин:
— Брось, ребята,
Говорю — не попадет.

Сам сидит как будто в кресле,
Всех страхует от огня.
— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно
Рассуждаю о войне.

Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать, ни взять,
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,
Той, где ты нашел приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют, худые черти,
Сам слышал: «Москва моя».

Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно, — печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда

Эту песню,— ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает.

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул:
— Ого, сынок!

Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел,— ну, ну! — сказал,—
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый.
И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...
— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,
Сыпь еще назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.
До бомбежки берегу.
Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час.

ЗаклЮчить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.
— Но позвольте, — скажут снова, —
Так о чем тут речь идет?

Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счет, не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков, —
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

О любви

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Не подарок, так белье
Собрала, быть может,
И что дольше без нее,
То она дороже.

И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь попробуй.

Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.

Он у каждого из нас
Самый сокровенный
И бесценный наш запас
Неприкосновенный.

Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться,
Потому — он мой, он весь —

Мой, святой и скромный.
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.

И не принято родной
Сетовать напрасно,—
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены,—
Кто не знал — проверьте,—
На войне сильнее войны
И, быть может, смерти.

Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама
То письмо писала?

При каком на этот раз
Примостилась свете?
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети,
То ль болела голова
Тяжко, не впервые,
Оттого, брат, что дрова
Не горят сырые?..

Впряжена в тот воз одна,
Разве не устанет?
Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?

Жены думают, любя,
Что иное слово
Все ж скорей найдет тебя
На войне живого.

Нынче жены все добры,
Беззаветны в досталь,
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.

Смех — не смех, случалось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.

Чем томиться день за днем
С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнем
Или под бомбежкой.

Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки...
Впрочем, это только так,
Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены,—
Сотню раз проверьте,—
На войне сильнее войны
И, быть может, смерти.

И одно сказать о ней
Вы б могли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?

Но, бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.

Как война на жизнь ни шла,
Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок ее немалый.

И не даром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже.

И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.

Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо.
Генералу ли, бойцу
Это — как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви — далекий.

И ее большому дню
Сроки близки ныне.
А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
Что остался в стороне
Теркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.
Полюбите вы его,
Девушки, ей-богу!

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.
Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте!

Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И, однако, на войне
Первый ряд — пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете,
Отстрелялся — не гордись,
Дела суть — в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдете:
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите!

Отдых Теркина

На войне — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,—
Там, где случай приведет,—

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть... Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне

Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.

Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,
Что, мол, рай с передним краем
Это — смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.
Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка.
Все, что надо. Чем не рай?

Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьями у теплой печи
На свободе поведи.

Осмотришься вокруг детально,
Вот в ряду твоя кровать.
И учти, что это — спальня,
То есть место — специально
Для того, чтоб только спать.

Спать, солдат, весь срок недельный,
Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты помимо сна обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как? — вопрос.

Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.

Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.

И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корезить хлеб штыком.

И такая установка
Строго-настрого дана,
Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И в ущерб своей привычке
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или — так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь еще, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки
Разобрав, поняв путем,
Принял в счет Василий Теркин
И решил:
— Не пропадем.

Вот обед прошел и ужин.
— Как вам нравится у нас?
— Ничего. Немножко б хуже,
То и было б в самый раз...

Покурил, вздохнул и на бок.
Как-то странно голове.
Простыня — пускай одна бы,
Нет, так на, мол, сразу две.

Чистота — озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
Будто в госпитале вновь.

Бережет плечо в кровати,
Головой не повернет.
Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.
А она, как королева:
Мол, одна, а сколько вас.

Теркин смотрит сквозь ресницы:
О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтовой полосе.

Хороша, при смутном свете,
Дорога, как нет другой,
И видать, ребята эти
Отдохнули день, другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
У объезда где-нибудь!

Как прохватывает ветер,
Как луна теплом бедна!
Ах, как трудно все на свете:
Служба, жизнь, зима, война.

Как тоскует о постели
На войне солдат живой!
Что ж не спится в самом деле?
Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,
С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся — не выходит.
Все храпят, а ты казись.

То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна все нет.
— Да надень ты, парень, шапку,—
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:

— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
Поначалу наши нервы
Спать без шапки не дают.

И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землей, как говорят,—

Тот, обношенный на славу
Под дождем и под огнем,
Что еще колючкой ржавой
Как-то прорван был на нем;

Тот, в котором жизнь проводишь,
Не снимая,— так хорош! —
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идешь,—

Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чем резон:
Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше —
И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока
С чувством редкостным — точь-в-точь
Словно где-нибудь далеко
Побывал за эту ночь;

Словно выкупался где-то,
Где — хоть вновь туда вернись —
Не зима была, а лето,
Не война, а просто жизнь.

И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,

Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:
Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.

Тут обвыкнешь — сразу крышка,
Чуть покинешь этот рай.
Лучше скажем: передышка,
Больше время не теряй.

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.
Грузовик идет, — слышал,
Голосует:
— Подвези.

И, четыре пуда грузу
Добавляя по пути,
Через борт ввалился в кузов,
Постучал: давай, крути.

Ехал — близко ли, далеко —
Кому надо, вымеряй.
Только, рай, прощай до срока,
И опять — передний край.

Соскочил у поворота, —
Глядь — и дома, у огня.
— Ну, рассказывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Неохота знать тотчас,
Как там, что в раю у вас...

— Хорошо. Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз...

Хорошо поспал, богато,
Осуждать не станем зря.

Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдем до той границы
По Варшавскому шоссе,
Вот тогда, как говорится,
Отдохнем. И то не все.

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Где нам случай приведет, —
Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь плотней друг к дружке,
Отдохнуть.
А там — вперед.

В наступлении

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.

И на весь тот лес обжитый,
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песий лай.

И прижившийся на диво,
Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане — пару не жалея —
Секлись вениками люди
Вязки собственной своей.

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Теркина» читали

На досуге.

Вдруг — приказ...

Вдруг — приказ, конец стоянке.

И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

И уже обыкновенно
То, что минул целый год,
Точно день. Вот так, наверно,
И война, и все пройдет...

И солдат мой поседелый,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу внучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят...

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.
Там посмотрим.

А покамест

Далеко до той поры.

* * *

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идет Василий,
Под огнем идет в село.

И до отчего порога,
До родимого села
Через то село дорога —
Не иначе — пролегла.

Что поделаешь — иному
И еще кружнее путь.
И идет иной до дому

То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнет в дугу.

Цепь идет, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Теркин тут.

Хорошо — хотя ознобцем
Пронимает под огнем —
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нем.

Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берет разбег,
Теркин так же ждет разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,—

До вот этой борозденки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждет...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал;

Хлопнул крышкой, точно дверкой,
Поднял шапку, вытер пот...
И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти —
Клич у смерти на краю —
Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою,—

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой;

С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, казак,
Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперед со взводом,
Обходя село с задов.
И пролег уже далеко
След его в снегу глубоко —
Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:

— Молодцы! Вперед, ребята! —
Крикнул так молодцевато,
Словно был Чапаев сам.

Только вдруг вперед подался,
Оступился на бегу,
Четкий след его прервался
На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен! Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,
С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперед, ребята!
Я не ранен. Я — убит...

Край села, сады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот...
И увидел, понял Теркин,
Что вести его черед.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.

— Шли саперы молодцом.

— Артиллерия подавно

Не ударит в грязь лицом.

— А пехота!

— Как по нотам,

Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит:
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,
Но не смог явиться лично,
Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имен —
Теркин — вырвалось — Василий!
Это был, конечно, он.

Смерть и воин

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
— Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись? —
Смерть подумала.

— Ну что же,—

Подпишись, и на покой.

— Нет, уволь. Себе дороже.

— Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль.—
Смерть подвинулась к плечу.—
Все равно стянулись губы,
Стынут зубы...
— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.

Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.

— Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего светло.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

— Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

— Шутишь, Смерть, плетешь тенета.—
Отвернул с трудом плечо.—
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало,—
Продолжала Смерть, смеясь.—
А и встанешь — все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь...
Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

— Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат, в придачу:
Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу —
Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Все в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.
— Дом разрушен.
— Я и плотник...
— Печки нету.
— И печник...
Я от скуки — на все руки,
Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калеккой,—
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моем условии,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?

Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных?
И как выйдут на крылечко,—
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду,— подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.

— Где, чужак?

— Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:
— Из команды похоронной.
— Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.
Об лопату звякнул лом.

— Вот еще остался воин.
К ночи всех не уберем.

— А и то: устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натошак.

— Кабы, знаешь, до затяжки —
Щец горячих котелок.

- Кабы капельку из фляжки.
- Кабы так — один глоток.
- Или два...

И тут, хоть слабо,
Подав Теркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно, — жив солдат.

— Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело, —
Рассуждают не спеша. —
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле...
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...

— Не толкуй. Жаждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.

А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врете, мыслит, растрясете —
И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.

— Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок. —
Норовят, чтоб меньше тряски,

Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога, —
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек, —
Говорит земляк толково, —
Не тревожься, не жалея.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:
— Оно известно.
А еще и то учесть,
Что живой спешит до места, —
Мертвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке, —
Закljučают земляки. —
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:

«До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

Теркин пишет

...И могу вам сообщить
Из своей палаты,
Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.

И хотя натер бока,
Належался лежнем,
Говорят, зато нога
Будет лучше прежней.

И намерен я опять
Вскоре без подмоги
Той ногой траву топтать,
Встав на обе ноги...

Озабочен я сейчас
Лишь одной задачей,
Чтоб попасть в родную часть,
Никуда иначе.

С нею жил и воевал,
Курс наук усвоил,
Отступая, пыль глотал,
Наступая, снег черпал
Валенками воин.

И покуда что она
Для меня — солдата —
Все на свете, все сполна:
И родная сторона,
И семья, и хата.

И охота мне скорей
К ней в ряды вклиниться
И, дождавшись добрых дней,
По Смоленщине своей
Топать до границы.

Впрочем, даже суть не в том,
Я скажу точнее:
Доведись другим путем
До конца идти,— пойдем,
Где угодно, с нею!

Если ж пуля в третий раз
Клюнет насмерть, злая,
То, по крайности, средь вас,

Братцы, свой последний час
Встретить я желаю.

Только с этим мы спешить
Без нужды не станем.
Я большой любитель жить,
Кақ сказал заране.

И, поскольку я спешу
Повстречаться с вами,
Генералу напишу
Теми же словами.

Полагаю, генерал
Как-никак уважит,—
Он мне орден выдавал,
В просьбе не откажет.

За письмом, надеюсь, вслед
Буду сам обратно...
Ну и повару привет
От меня двукратный.

Пусть и впредь готовит так,
Заправляя жирно,
Чтоб в котле стоял черпак
По команде «смирно»...

И одним слова свои
ЗаклЮчить хочу я:
Что великие бои,
Как погоду, чую.

Так бывает у коня
Чувство близкой свадьбы...
До того большого дня
Мне без палок встать бы!

Сплю скорей да жду вестей.
Все сказал до корки...
Обнимаю вас, чертей.
Ваш

Василий Теркин.

Теркин — Теркин

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся — дело свято,
Тому надо обогрев.

Дело свято — чья там хата,
Кто их нынче разберет.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
Задремалось, так ложись.
Не у тещи и не дома,
Не в раю, однако, жизнь.

Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
Всю ощупывает строго,—
Узнает — его иль нет.

Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.

— Не один ты, братец, здесь.
— Отклонитесь, хлопцы. Темень...
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче немец сам не тот.

— Ну, брат, он еще дает,
Отпускает, не скупится...
— Все же с прежним не сравнится,—
Снял сапог с одной ноги.
— Дело ясное,— беги!

— Охо-хо. Война, ребятки.
— А ты думал! Вот чудак.
— Лучше нет — чайку в достатке,
Хмель — он греет, да не так.

— Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врешь.
— Эй, не ставь к огню винтовку...
— А еще кулеш хорош...

Опрокинутый истомой,
Теркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
Та ли, сяк ли, Теркин дома,
То есть — снова на войне...

Это раненым известно:
Воротись ты в полк родной —
Все не то: иное место
И народ уже иной.

Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...
— Где-то наш Василий Теркин? —
Это слышит Теркин вдруг.

Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.
Никому он не знакомый —
И о нем как будто речь.

Но сквозь шум и гам веселый,
Что кипел вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя? —
Без оговорки
Тот опять:
— Само собой.
— Почему?
— Так я же Теркин.

Это слышит Теркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Теркину. К тому.

Люди вроде оробели:
— Теркин — лично?
— Я и есть.
— В самом деле?
— В самом деле.
— Хлопцы, хлопцы, Теркин здесь!

— Не свернете ли махорки? —
Кто-то вытащил кисет.
И не мой, а тот уж Теркин
Говорит:
— Махорки? Нет.

Теркин мой — к огню поближе,
Отгибает воротник.
Поглядит, а он-то рыжий —
Теркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки
Теркин выкурил второй,
И не встрял бы, может, Теркин,
Промолчал бы мой герой.

Но поскольку водит носом,
Задается человек,
Теркин мой к нему с вопросом:
— А у вас небось «Казбек»?

Тот помедлил чуть с ответом:
Мол, не понял ничего.
— Что ж, трофейной сигаретой
Угощу.—
Возьми его!

Видит мой Василий Теркин —
Не с того зашел конца.
И не то чтоб чувством горьким
Уколело молодца,—

Не любил людей спесивых,
И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув лениво:
— Все же Теркин — это я...

Смех, волнение.

— Новый Теркин!

— Хлопцы, двое...

— Вот беда...

— Как дойдет их до пятерки,

Разбудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь,— отвечает

Теркин тот, поджав губу,—

Теркин — я.

— Да кто их знает,—

Не написано на лбу.

Из кармана гимнастерки

Рыжий — книжку:

— Что ж я вам...

— Точно: Теркин...

— Только Теркин

Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,

Тот ответил моему:

— Ты пойми, что рифмы ради

Можно сделать хоть Фому.

Этот выдохнул затяжку:

— Да, но Теркин-то — герой.

Тот шинелку нараспашку:

— Вот вам орден, вот другой,

Вот вам Теркин-бронбойщик,

Верьте слову, не молве.

И машин подбил я больше —

Не одну, а целых две...

Теркин будто бы растерян,

Грустно шурится в огонь.

— Я бы мог тебя проверить,

Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:

— Гармонь найдется,

Есть у старшего.
— Не тронь.
— Что не тронь?
— Смотри, проснется...
— Пусть проснется.
— Есть гармонь!

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно: гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припал щекою,
Строг и важен, хоть не брит,
И про вечер над рекою
Завернул, завел навзрыд...

Теркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь,— говорит,—
Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Теркину нейдет.

— Рыжих девки больше любят,—
Отвечает Теркин тот.

Теркин сам уже хохочет,
Сердцем щедрым наделен.
И не так уже хлопочет
За себя,— что Теркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Теркин:
— Сделай милость,
Будь ты Теркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...

А тот:
— Зачем?..

— Кто же Теркин?
— Ну и лихо!..—
Хохот, шум, неразбериха...

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!

Что вы тут не разберете,
Не поймете меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Теркин свой.

Слышно всем? Порядок ясен?
Жалоб нету? Ни одной?
Разойдись!

И я согласен
С этим строгим старшиной.
Я бы, может быть, и взводам
Придал Теркина в друзья...

Впрочем, все тут мимоходом
К разговору вставил я.

От автора

По которой речке плыть,—
Той и славушку творить...

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придется ты по нраву,
А иным войдешь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Теркин, на Руси.

Теркин? Кто такой? А ныне
Теркин — кто такой? — спроси.

— Теркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.

— Словом, Теркин, тот, который
На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишний,
На работе — хоть куда...

— Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Теркиным беда?

— Не могло того случиться.
— Не похоже.
— Враки.
— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофер.

В том бою лежали рядом,
Теркин будто бы привстал,
В тот же миг его снарядом
Бронебойным — наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо.
А слышали так, что мина...

— Пуля-дура...
— А у нас
Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —
Все равно, не в том вопрос.
А слова перед кончиной
Он какие произнес?

— Говорил насчет победы.
Мол, вперед. Примерно так...

— Жаль,— сказал,— что до обеда
Я убитый, натошак.
Неизвестно, мол, ребята,
Отправляясь на тот свет,
Как там, что: без аттестата
Признают нас или нет?

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Теркин в ту минуту:
«Мне — конец, войне — конец».

Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомек:
Не подвержен Теркин смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.
Правда правдой остается,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою,
Столько ляжку протащив,
Выходить теперь из строя? —
Извините! — Теркин жив!

Жив-здоров. Бодрей, чем прежде.
Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживет.

Все худое он изведal,
Он терял родимый край
И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай!

С первых дней години горькой
Мир слышал сквозь грозный гром,—
Повторял Василий Теркин:
— Перетерпим. Перетрем...

Нипочем труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Теркину теперь?!

Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Снова воду привелось
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колеса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал с рассвета
Или ночь не спал, солдат,
Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмосковья
И от Волжского верховья
До Днепра и Заднепровья —
Вдаль на запад сторона,—
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет, то наша хата,
Где ни дым, то наш костер,
Где ни стук, то наш топор,
Что ни груз идет куда-то,—
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
Где гони, гони машину,—
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.

Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной заповяске,

Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

Но покуда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.
В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт!

Праздник близок, мать-Россия,
Оберни на запад взгляд:
Далеко ушел Василий,
Вася Теркин, твой солдат.

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Разносись, молва, по свету:
Объявился старый друг...
— Ну-ка, к свету.
— Ну-ка, вслух.

Дед и баба

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждет весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,

Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены:

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной,—
Как-никак цветной металл.

Шла зима, весна и лето.
Немец жить велел живым.
Шла война далеко где-то
Чередом глухим своим.

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой.
На твоём сидел крылечке
С непокрытой головой.

И кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной.

И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей,—
Уберегся ненароком,
Жить живи, дышать не смей.

Так и жили дед да баба
Без часов своих давно,
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.

На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка? —
Спросят люди.— Срок не мал...

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:
— Перегруппировка...—
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрек,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берег.

Словно думал подороже
Запросить с души живой.
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Буденный твой?

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявлял, что грянул срок.

Отличал тотчас по слуху
Грохот наших батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
— Дай еще! Добавь! Прогрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар.

И уже казалось деду,—
Сам хотел того иль нет,—

Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
И угадывал причину,
И придумывал резон.

Но когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену.

* * *

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
А война — не стороной,
Нет, над головами.

Довелось под старость лет:
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать часы приема.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошел солдат
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой!

Просвисти над головой,
Но вблизи не падай,

Даже если ты и свой,—
Все равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи:
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
— Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо.
— Ну, старик, не выйти нам
Из готовой ямы.

Но старик встает, плюет
По-мужицки в руку,
За топор — и наперед:
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг ни горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу глухо
Осыпается окоп.
Обмерла старуха.

Все же вроде как жива,—
Наше место свято,—
Слышит русские слова:
— Жители, ребята!..

— Детки! Родненькие... Детки!..—
Уронил топорик дед.
— Мы, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца.
И старшой у аппарата,—
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Верти, папаша.—
Дед садится, вытер лоб.
— Ну, ребята, счастье ваше —
Голос подали. А то б...

И старшой ему кивает:
— Ничего. На том стоим.
На войне, отец, бывает —
Попадает по своим.

— Точно так.— И тут бы деду
В самый раз, что покурить,
В самый раз продлить беседу:
Столько ждал! — Поговорить.

Но они спешат не в шутку.
И еще не снялся дым...
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

Молодец ему при этом
Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-знакомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
Погляди скорей, старуха!
Узнаешь его, орла?

Та как глянула:
— Сыночек!
Голубочек. Вот уж гость.
Может, сала съешь кусочек,
Воевал, устал небось?

Смотрит он, шутник тот самый:
— Закусить бы счел за честь,

Но ведь нету, бабка, сала?
— Да и нет, а все же есть...

— Значит, цел, орел, покуда.
— Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда,
А теперь, гляди, кто буду,—
Вроде даже офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно,—
Дед кивает головой.—
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
На попятный ходу нет.

Откажи мне в черствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Теркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю! Как получше,
На какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты старик,
За два года с господами
К обращению привык...

Дед — плевать, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склоняясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Все смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси еще,— просила,—
Закуси, поешь пока...

И спешил, а все ж отведал,
Угостился, как родной.
Табаку отсыпал деду
И простился.

— Связь, за мной! —
И уже пройдя немного,—
Мастер внимателен и тут,—
Теркин будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?

— Как не так! — и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу.

На Днeпре

За рекой еще Угрою,
Что осталась позади,
Генерал сказал герою:
— Нам с тобою по пути...

Вот, казалось, парню счастье,
Наступать расчет прямой:
Со своей гвардейской частью
На войне придет домой.

Но едва ль уже мой Теркин,
Жизнью тертый человек,
При девчонках на вечерке
Помышлял курить «Казбек»...

Все же с каждым переходом,
С каждым днем, что ближе к ней,
Сторона, откуда родом,
Земляку была больней.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне

В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!

Здравствуй, пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Мать-земля моя родная,
Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль!

Мать-земля моя родная,
Дымный дедовский большак,
Я про то не вспоминаю,
Не хвалюсь, а только так!..

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной.
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!..

Так в пути, в горячке боя,
В суете хлопот и встреч
В нем жила сама собою
Эта песня или речь.

Но война — ей все едино,
Все — хорошие края:
Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя.

Через реки и речонки,
По мостам, и вплавь, и вброд,
Мимо, мимо той сторонки
Шла дивизия вперед.

А левее той порою,
Ранней осенью сухой,
Занимал село героя
Генерал совсем другой...

Фронт полнел, как половодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И в пыли, рябой от пота,
Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идет пехота,
Раз колеса отстают.

Нипочем, что уставали
По пути к большой реке
Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Вновь сильны святым порывом,
Шли вперед своим путем,
Со страдальчески-счастливым,
От жары открытым ртом.

Слева наши, справа наши,
Не отстать бы на ходу.
— Немец кухни с теплой кашей
Второпях забыл в саду.

— Подпереть его да в воду.
— Занял берег, сукин сын!
— Говорят, уж занял с ходу
Населенный пункт Берлин...

Золотое бабье лето
Оставляя за собой,
Шли войска — и вдруг с рассвета
Наступил днепровский бой...

Может быть, в иные годы,
Очищая русла рек,
Все, что скрыли эти воды,
Вновь увидит человек.

Обнаружит в илах сонных,
Извлечет из рыбьей мглы,
Как стволы дубов мореных,
Орудийные стволы;

Русский танк с немецким в паре,
Что нашли один конец,
И обоих полушарий
Сталь, резину и свинец;

Хлам войны — понтона днище,
Трос, оборванный в песке,
И топор без топорщица,
Что сапер держал в руке.

Может быть, куда как пуще
И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днепре;

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.

Но о чем-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне еще с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче,—
Я ступал в тот след горячий.
Я там был. Я жил тогда...

Если с грузом многотонным
Отстают грузовики,

И когда-то мост понтонный
Доберется до реки,—

Под огнем не ждет пехота,
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота;
Доски, бревна — за ладьи.

К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.

Подплывай, хватай за гриву,
Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

Не беда, что с гимнастерки,
Со всего ручьем течет...
Точно так Василий Теркин
И вступил на берег тот.

На заре туман кудлатый,
Спутав дымы и дымки,
В берегах сползал куда-то,
Как река поверх реки.

И еще в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

Впрочем, всякое привычно,—
Срок войны, что жизни век.
От заставы пограничной
До Москвы-реки столичной
И обратно — столько рек!

Вот уже боец последний
Вылезает на песок
И жует сухарь немедля,
Потому — в Днепре намок.

Мокрый сам, шуршит штанами.
Ничего! — На то десант.
— Наступаем. Днепр за нами,
А, товарищ лейтенант?..

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

Но уже не разминуться,
Теркин строго говорит:
— Пусть на левом в плен сдаются,
Здесь пока прием закрыт.

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки...

И еще меж берегами
Без разбору, наугад
Бомбы сваи помогали
Загонять, стелить накат.

Но уже из погребушек,
Из кустов, лесных берлог
Шел народ — родные души —
По обочинам дорог...

К штабу на берег восточный
Плелся стежкой, стороной
Некий немец беспорточный,
Веселя народ честной.

— С переправы?
— С переправы.
Только-только из Днепра.

— Плавал, значит?
— Плавал, дьявол,
Потому — пришла жара...

— Сытый, черт!

Чистопородный.

— В плен спешит, как на привал...

Но уже любимец взводный —
Теркин, в шутки не встревал.
Он курил, смотрел нестрого,
Думой занятый своей.
За спиной его дорога
Много раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек,—
Просто больше знал и видел,
Потерял и уберег...

— Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!
Не в плену тебя жестоком,
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Теркин твой.

Минул срок години горькой,
Не воротится назад.

— Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде?..

— Виноват...

Про солдата-сироту

Нынче речи о Берлине.
Шутки прочь,— подай Берлин.
И давно уж не в помине,
Скажем, древний город Клин.

И на Одере едва ли
Вспомнят даже старики,
Как полгода с бою брали
Населенный пункт Борки.

А под теми под Борками
Каждый камень, каждый кол
На три жизни вдался в память
Нам с солдатом-земляком.

Был земляк не стар, не молод,
На войне с того же дня
И такой же был веселый,
Наподобие меня.

Приходилось парню драпать,
Бодрый дух всегда берег,
Повторял: «Вперед, на запад»,
Продвигаясь на восток.

Между прочим, при отходе,
Как сдавали города,
Больше вроде был он в моде,
Больше славился тогда.

И по странности, бывало,
Одному ему почет,
Так что даже генералы
Были будто бы не в счет.

Срок иной, иные даты.
Разделен издревле труд:
Города сдают солдаты,
Генералы их берут.

В общем, битый, тертый, жженный,
Раной меченный двойной,
В сорок первом окруженный,
По земле он шел родной.

Шел солдат, как шли другие,
В неизвестные края:
«Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..»

И, в плену семью кидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Но какая ни морока,
Правда правдой, ложью ложь.
Отступали мы до срока,
Отступали мы далеко,
Но всегда твердили:
— Врешь!..

И теперь взглянуть на запад
От столицы. Край родной!
Не на шутку был он заперт
За железною стеной.

И до малого селенья
Та из плена сторона
Не по щучьему веленью
Вновь сполна возвращена,

По веленью нашей силы,
Русской, собственной своей.
Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей!

И, навеки сбив охоту
В драку лезть на свой авось,
Враг ее — какой по счету! —
Пал ничком и лапы врозь.

Над какой столицей круто
Взмыл твой флаг, отчизна-мать!
Подождемте до салюта,
Чтобы в точности сказать.

Срок иной, иные даты.
Правда, ноша не легка...
Но продолжим про солдата,
Как сказали, земляка.

Дом родной, жена ли, дети,
Брат, сестра, отец иль мать
У тебя вот есть на свете, —
Есть куда письмо послать.

А у нашего солдата —
Адресатом белый свет.

Кроме радио; ребята,
Ближих родственников нет.

На земле всего дороже,
Коль имеешь про запас
То окно, куда ты сможешь
Постучаться в некий час.

На походе за границей,
В чуждеальной стороне,
Ах, как бережно хранится
Боль-мечта о том окне!

А у нашего солдата,—
Хоть сейчас войне отбой,—
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята,—
Рисовал дома с трубой...

Под Смоленском наступали.
Выпал отдых. Мой земляк
Обратился на привале
К командиру: так и так,—

Отлучиться разрешите,
Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный житель,
До двора — подать рукой.

Разрешают вмеру срока...
Край известный до куста.
Но глядит — не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост,
Да на столбике дощечка,
Мол, деревня Красный Мост.

И нашлись, что были живы,
И скажи ему спроста
Все по правде, что служивый —
Достоверный сирота.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

И, подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой, — сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

До земли советской края
Шел тот путь в войне, в труде.

А война пошла такая —
Кухни сзади, черт их где!

Позабудешь и про голод
За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки — город,
Двое суток — областной.

Срок иной, пора иная —
Бей, гони, перенимай.
Белоруссия родная,

Украина золотая,
Здравствуй, пели, и прощай.

Позабудешь и про жажду,
Потому что пиво пьет
На войне отнюдь не каждый
Тот, что брал пивной завод.

Так-то с ходу ли, не с ходу,
Соступив с родной земли,
Пограничных речек воду
Мы с боями перешли.

Счет сведен, идет расплата
На свету, начистоту.
Но закончим про солдата,
Про того же сироту.

Где он нынче на поверку.
Может, пал в бою каком,
С мелкой надписью фанерку
Занесло сырым снежком.

Или снова был он ранен,
Отдохнул, как долг велит,
И опять на поле брани
Вместе с нами брал Тильзит?

И, Россию покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Может, здесь еще бездомней
И больней душе живой.
Так ли, нет,— должны мы помнить
О его слезе святой.

Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести,— прожгла б насквозь.

Счет велик, идет расплата.
И за той большой страдой

Не забудемте, ребята,
Вспомним к счету про солдата,
Что остался сиротой.

Грозен счет, страшна расплата
За мильоны душ и тел.
Уплати — и дело свято,
Но вдобавок за солдата,
Что в войне осиротел.

Далеко ли до Берлина,
Не считай, шагай, смоли,—
Вдвое меньше половины
Той дороги, что от Клина,
От Москвы уже прошли.

День идет за ночью следом,
Подведем штыком черту.
Но и в светлый День Победы
Вспомним, братцы, за беседой
Про солдата-сироту...

По дороге на Берлин

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

Скучный климат заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,
Но война сама собой,
И земля дрожит привычно,
Хрусткий щебень черепичный
Отряхая с крыш долой...

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,
Позади оставив где-то
Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет.

С Волгой, с древнею Москвою
Как ты нынче далека!
Между нами и тобою —
Три не наших языка.

Поздний день встает не русский
Над немилой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной.

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Все нарочно для тоски...

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
Лучше, кажется, в тебе.

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
— Здравствуй, родина моя!

Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:
Воевал четыре года,

Воротился из похода
И теперь желает жить.

Он исполнил долг во славу
Боевых твоих знамен.
Кто еще имеет право
Так любить тебя, как он!

День и ночь в боях сменяя,
В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын,
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

По дороге неминучей
Пух перин клубится тучей.
Городов горелый лом
Пахнет паленым пером.

И под грохот канонады
На восток, из мглы и смрада,
Как из адовых ворот,
Вдоль шоссе течет народ.

Потрясенный, опаленный,
Всех кровей, разноплеменный,
Горький, вьючный, пеший люд...
На восток — один маршрут.

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет Европа.
Пух перин над ней пургой.

И на русского солдата
Брат француз, британец брат,
Брат поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

На безвестном перекрестке
На какой-то встречный миг —
Сами тянутся к прическе
Руки девушек немых.

И от тех речей, улыбок
Залит краской сам солдат:
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.

Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой.
Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.
Мол, такая служба наша,
Прочим флагом не в упрек...

— Эй, а ты куда, мамаша?
— А туда ж,— домой, сынок.

В чужине, в пути далече,
В пестром сборище людском
Вдруг слова родимой речи,
Бабка в шубе, с посошком.

Старость вроде, да не дряхлость
В ту котомку впряжена.
По-дорожному крест-накрест
Вся платком оплетена.

Поздоровалась и встала,
Земляку-бойцу под стать,
Деревенская, простая
Наша труженица-мать.

Мать святой извечной силы,
Из неизвестных матерей,
Что в труде неизносимы
И в любой беде своей;

Что судьбою, повторенной
На земле сто раз подряд,
И растят в любви бессонной,
И теряют нас, солдат;

И живут, и рук не сложат,
Не сомкнут своих очей,
Коль нужны еще, быть может,
Внукам вместо сыновей.

Мать одна в чужбине где-то!
— Далекó ли до двора?
— До двора? Двора-то нету,
А сама из-за Днепра...

— Стой, ребята, не годится,
Чтобы этак с посошком
Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай.
Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой.
А еще тебе коровку
Вместе с приданной овцой.

В путь-дорогу чайник с кружкой
Да ведро про запас,
Да перинку, да подушку,—
Немцу в тягость, нам как раз...

— Ни к чему. Куда, родные? —
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

— Ну, прощай. Счастливо ехать! —
Что-то силится сказать
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

— Как же, детки, путь не близкий,
Вдруг задержат где меня:
Ни записки, ни расписки
Не имею на коня.

— Ты об этом не печалься,
Поезжай да поезжай.
Что касается начальства,—
Свой у всех передний край.

Поезжай, кати, что́ с горки,
А случится что-нибудь,
То скажи, не забудь:
Мол, снабдил Василий Теркин,—
И тебе свободен путь.

Будем живы, в Заднепровье
Завернем на пироги.
— Дай господь тебе здоровья
И от пули береги...

Далеко, должно быть, где-то
Едет нынче бабка эта,
Правит, щурится от слез.
И с боков дороги узкой,
На земле еще не русской —
Белый цвет родных берез.

Ах, как радостно и больно
Видеть их в краю ином!..

Пограничный пост контрольный,
Пропусти ее с конем!

В бане

На околице войны —
В глубине Германии —
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!

На чужбине отчий дом —
Баня натуральная.
По порядку поведем
Нашу речь похвальную.

Дом ли, замо́к, все равно,
Дело безобманное:
Баннный пар занес окно
Пеленой туманною.

Стулья графские стоят
Вдоль стены в предбаннике.

Снял подштанники солдат,
Докурил без паники.

Докурил, рубаху с плеч
Тащит через голову.
Про солдата в бане речь,—
Поглядим на голого.

Невысок, да грудь вперед
И в кости надежен.
Телом бел,— который год
Загорал в одеже.

И хоть нет сейчас на нем
Форменных регалий,
Что знаком солдат с огнем,
Сразу б угадали.

Подивились бы спроста,
Что остался целым.
Припечатана звезда
На живом, на белом.

Неровна, зато красна,
Впрямь под стать награде,
Пусть не спереди она,—
На лопатке сзади.

С головы до ног мельком
Осмотреть атлета:
Там еще рубец стручком,
Там иная мета.

Знаки, точно письма
Памятной страницы.
Тут и Ельня, и Десна,
И родная сторона
В строку с заграницей.

Столько верст и столько вех,
Не забыть иную.
Но разделся человек,
Так идет в парную.

Он идет, но как идет,
Проследим сторонкой:
Так ступает, точно лед
Под ногами тонкий;

Будто делает с трудом
Шаг — и непременно:
— Ух, ты! — крикает, притом
Щурится блаженно.

Говор, плеск, веселый гул,
Капли с потных сводов...
Ищет, руки протянув,
Прежде пар, чем воду.

Пар бодает в потолок,
Ну-ка, с ходу на поллок!

В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наше тело и душа.

Ничего, что ты природой
Самый русский человек.
А берешь для бани воду
Из чужих, далеких рек.

Много хуже для здоровья,
По зиме ли, по весне,
Возле речек Подмосковья
Мыться в бане на войне.

— Ну-ка ты, псковской, елецкий
Иль еще какой земляк,
Зачерпни воды немецкой
Да уважь, плесни черпак.

Не жалея, добавь на пфенниг,
А теперь погладить швы
Дайте, хлопцы, русский веник,
Даже если он с Литвы.

Честь и слава помпохозу,
Снаряжавшему обоз,

Что советскую березу
Аж за Кенигсберг завез.

Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,
Занимай высоты в бане,
Закрепляйся не спеша!

До того, друзья, отлично
Так-то всласть, не торопясь,
Парить веником привычным
Заграничный пот и грязь.

Пар на славу, молодецкий,
Мокрым доскам горячо.
Ну-ка, где ты, друг елецкий,
Кинь гвардейскую еще!

Кинь еще, а мы освоим
С прежней дачей заодно.
Вот теперь спасибо, воин,
Отдыхай. Теперь — оно!

Кто не нашей подготовки,
Того с полу на полоч
Не встануть и на веревке,—
Разве только через блок.

Тут любой старик любитель,
Сунься только, как ни рьян,
Больше двух минут не житель,
А и житель — не родитель,
Потому не даст семян.

Нет, куда, куда, куда там,
Хоть кому, кому, кому
Братся париться с солдатом,—
Даже черту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарами жарен
И морозами печен.

Пусть он, в общем, тертый малый,
Хоть, понятно, черта нет,
Да поди сюда, пожалуй,
Так узнаешь, где тот свет.

На полкѣ, полкѣ, что тесан
Мастерами на войне,
Ходит веник жарким чесом
По малиновой спине.

Человек поет и стонет,
Просит:
— Гуще нагнетай.—
Стонет, стонет, а не донят:
— Дай! Дай! Дай! Дай!

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца —
Все равно, что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море,
А который на земле —
Истолочь живьем в «котле».

И за всю войну впервые —
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волны.
И пошли стволы, колеса
На другой конец войны.

С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?
И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет.

Кто-то свистнет, гикнет кто-то,
Грусть растает, как дымок.
И война — не та работа,
Если праздник недалек.

И война — не та работа,
Ясно даже простаку,
Если по три самолета
В помощь придано штыку.

И не те как будто люди,
И во всем иная стать,
Если танков и орудий —
Сверх того, что негде стать.

Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Бьют Берлину у заставы
Судный час часы Москвы...

А покамест суд да справа —
Пропотел солдат на славу,
Кость прогрел, разгладил швы,
Новый с ног до головы —
И слезай, кончай забаву...

А внизу — иной уют,
В душевой и ванной
Завершает голый люд
Баннный труд желанный.

Тот упарился, а тот
Борется с истомой.
Номер первый спину трет
Номеру второму.

Тот, механик и знаток,
У светца хлопочет,
Тот макушку мылит впрок,
Тот мозоли мочит;

Тот платочек носовой,
Свой трофей карманный,
Моет мыльною водой,
Дармовою банной.

Ну, а наш слегка остыл
И — конец лежанке.
В шайке пену нарастил,
Обработал фронт и тыл,
Не забыл про фланги.

Быстро сладил с остальным,
Обдался и вылез.
И невольно вслед за ним
Все поторопились.

Не затем, чтоб он стоял
Выше в смысле чина,
А затем, что жизни дал
На полке мужчина.

Любит русский человек
Праздник силы всякий,
Оттого и хлеще всех
Он в труде и драке.

И в привычке у него
Издавна, извечно
За лихое удалство
Уважать сердечно.

И с почтеньем все глядят,
Как опять без паники
Не спеша надел солдат
Новые подштанники.

Не спеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги кирзовые.

В гимнастерку влез солдат,
А на гимнастерке —
Ордена, медали в ряд
Жарким пламенем горят...

— Закупил их, что ли, брат,
Разом в военторге?

Тот стоит во всей красе,
Занят самокруткой.
— Это что! Еще не все,—
Метит шуткой в шутку.

— Любо-дорого. А где ж
Те, мол, остальные?..
— Где последний свой рубеж
Держит немец ныне.

И едва простился он,
Как бойцы в восторге
Вслед вздохнули:
— Ну, силен!
— Все равно что Теркин.

От автора

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Теркин, Теркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушенный
В наступившей тишине.
Смолкнул я, певец смущенный,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,

Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца,—

Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,

А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки,—
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,

Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца,—
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад.
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!» —
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
Скажет важно генерал,—
Он-то скажет непременно,—
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Повесть памятной години,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

За далью — даль

1960

Пора! Ударил отправление
Вокзал, огнями залитой.
И жизнь, что прожита с рожденья,
Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил;

Хотя своей считал дорогой
И про себя ее берег,
Как книгу, что прочесть до срока
Все собирался и не мог.

Мешало многое другое,
Что нынче в памяти у всех.
Мне нужен был запас покоя,
Чтоб ей отдаться без помех.

Но книги первую страницу
Я открываю в срок такой,
Когда покой, как говорится,
Опять уходит на покой...

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.

Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,

Дурной, безвременной метелью
Свистит и воеет вразнобой.
Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет.
Он здесь еще слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.
Еще мне хватит этой полки,
Еще московских суток жаль.
Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль —
За той великой водной гранью.

И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье,
Предуралье,
Взойдет отлого на Урал.
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль.

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

А там Байкал, за тою далью,—
В полсуток обогнуть едва ль,—
А за Байкалом —
Забайкалье.
А там еще другая даль,
Что обернется далью новой.
А та, неведомая мне,
Еще с иной, большой, суровой,
Сомкнется и пройдет в окне...

А той порой, отменно точный,
Всего пути исполнив срок,
Придет состав дальневосточный
На Дальний, собственно, Восток;
Где перед станцией последней,
У пограничного столба,

Сдается мне, с земли соседней
Глухая слышится пальба...

Но я еще с Москвою вместе,
Еще во времени одном,
И, точно дома перед сном,
Ее последних жду известий;
Она свой голос подает
И мне в моей дороге дальней.

А там из-за моря восход
Встает, как зарево, печальный.

И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.

И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи.
С утра усталые режут
Береговые батареи...

Идут бои, горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесен от стен Европы.

И вы, что горе привезли
На этот берег возрожденный,
От вашей собственной земли
Всем океаном отделенный,—
Хоть в цвет иной рядитесь вы,
Но ошибется мир едва ли:
Мы вас встречали у Москвы
И до Берлина провожали...

Народ — подвижник и герой —
Оружье зла оружием встретил.
За грех войны — карал войной,
За смерть — печатью смерти метил.

В борьбе исполнен новых сил,
Он в годы грозных испытаний

Восток и Запад пробудил,—
И вот —
Полмира в нашем стане!

Что ж, или тот урок забыт
И вновь, под новым только флагом,
Живой душе война грозит,
Идет на мир знакомым шагом?

И, чуждый жизни, этот шаг,
Врываясь в речь ночных известий,
У человечества в ушах
Стоит, как явь и как предвестье.

С ним не забыться, не уснуть,
С ним не обвыкнуть и не сжиться.
Он — как земля во рву на грудь
Зарытым заживо ложится...

Дорога дальняя моя,
Окрестный мир страны обширной,
Родные русские поля,
В ночи мерцающие мирно,—

Не вам ли памятен года,
Когда по этой магистрали
Во тьме оттуда и туда
Составы без огней бежали;

Когда тянулись в глубь страны
По этой насыпи и рельсам
Заводы — беженцы войны —
И с ними люди — погорельцы;

Когда, стволы зениток ввысь
Подняв над «улицей зеленой»,
Безостановочно неслись
Туда, на запад, эшелоны.

И только, может, мельком взгляд
Тоски немой и бесконечной —
Из роты маршевой солдат
Кидал на санитарный встречный...

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет — и вдруг
Заговорит к дурной погоде.

Но, люди, счастье наше в том,
Что счастья мы хотим упорно,
Что на века свой строим дом,
Свой мир живой и рукотворный.

Он всех людских надежд оплот,
Он всем людским сердцам доступен.
Его ли смерти мы уступим?..

На Спасской башне полночь бьет...

В дороге

Лиха беда — пути начало,
Запев дается тяжело,
А там, глядишь: пошло, пожалуй?
Строка к строке — ну да, пошло.

Да как пошло!
Сама дорога,—
Ты только душу ей отдай,—
Твоя надежная подмога,
Тебе несет за далью — даль.

Перо поспешно по бумаге
Ведет, и весело тебе:
Взялся огонь, и доброй тяги
Играет музыка в трубе.

И счастья верные приметы:
Озноб, тревожный сердца стук,
И сладким жаром лоб согретый,
И дрожь до дела жадных рук...

...Когда в неизвестности до срока,
Не на виду еще, поэт

Творит свой подвиг одиноко,
Заветный свой хранит секрет;

Готовит людям свой подарок,
В тиши затеянный давно,—
Он может быть больным и старым,
Усталым — счастлив все равно.

И даже пусть найдет морока —
Нелепый толк, обидный суд,
Когда бранить его жестоко
На первом выходе начнут,—

Он слышит это и не слышит
В заботах нового труда,
Тем часом он — поэт, он пишет,
Он занимает города.

И все при нем в том добром часе:
Его Варшава и Берлин,
И слава, что еще в запасе,
И он на свете не один.

И пусть за критиками следом
В тот гордый мир войдет жена,
Коснувшись к слову, за обедом
Вопросов хлеба и пшена,—
Все эти беды —
К малым бедам,
Одна беда ему страшна.

Она придет в иную пору,
Когда он некий перевал
Преодолеет, взошел на гору
И отовсюду виден стал.
Когда он всеми шумно встречен,
Самим Фадеевым отмечен,
Пшеном в избытке обеспечен,
Друзьями в классики намечен,
Почти уже увековечен,
И хватать писать —
Пропал запал!

Пропал запал.
По всем приметам,

Твой горький день вступил в права.
Все — звоном, запахом и цветом —
Нехороши тебе слова;

Недостовверны мысли, чувства,
Ты строго взвесил их — не тэ...
И все вокруг мертво и пусто,
И тошно в этой пустоте.

Да, дело будто бы за малым,
А хватъ-похватъ — и ни рожна.
И здесь беда, что впрямь страшна,
Здесь худо быть больным, усталым,
Здесь горько молодость нужна!

Чтоб не смириться виновато,
Не быть у прошлого в долгу,
Не говорить: я мог когда-то,
А вот уж больше не могу.

Но верным прежней быть гордыне,
Когда ты щедрый, не скупой,
И все, что сделано донине,
Считаешь только черновой;

Когда, заминкой не встревожен,
Еще беспечен ты и смел,
Еще не думал, что положен
Тебе хоть где-нибудь предел;

Когда — покамест суд да справа —
Богат, широк — полна душа —
Ты водку пьешь еще для славы, —
Не потому, что хороша.

И врешь еще для интересу,
Что нету сна,
И жизнь сложна...
Ах, как ты горько, до зарезу,
Попозже, молодость, нужна!

Пришла беда — и вроде не с кем
Делиться эту бедой.
А время жмет на все железки,

И не проси его:
— Постои!

Повремени, крутое время,
Дай осмотреться, что к чему.
Дай мне в пути поспеть со всеми,
А то, мол, тяжко одному...
И знай, поэт, ты нынче вроде
Как тот солдат, что от полка
Отстал случайно на походе.
И сушит рот ему тоска.

Бредет обочиной дороги.
Туда ли, нет — не знает сам,
И счет в отчаянной тревоге
Ведет потерянным часам.

Один в пути — какой он житель!
Догнать, явиться: виноват,
Отстал, взыщите, накажите...
А как наказан, так — солдат!
Так свой опять — и дело свято.
Хоть потерпел, зато учен.
А что еще там ждет солдата,
То все на свете нипочем...

...Изведав горькую тревогу,
В беде уверившись вполне,
Я в эту бросился дорогу,
Я знал, она поможет мне.

Иль не меня четыре года,
Покамест шла войны страда,
Трепала всякая погода,
Мотала всякая езда.
И был мне тот режим не вреден,
Я жил со всеми наравне.

Давай-ка, брат, давай поедем:
Не только свету, что в окне.
Скорее вон из кельи тесной,
И все не так, и ты хорош, —
Самообман давно известный,
Давно испытанный, а все ж —

Пусть трезвый опыт не перечит,
Что нам дорога — лучший быт.
Она трясет и бьет,
А — лечит.
И старит нас,
А — молодит!

Понять ли доброму соседу,
Что подо мной внизу в купе,
Как сладки мне слова: «Я еду,
Я еду»,— повторять себе.

И сколько есть в дороге станций,
Наверно б, я на каждой мог
Сойти с вещами и остаться
На некий неизвестный срок.

Я рад любому месту в мире,
Как новожил московский тот,
Что счастлив жить в любой квартире,
Какую бог ему пошлет.

Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.

Я сердце по свету рассеять
Готов. Везде хочу поспеть.
Нужны мне разом
Юг и север,
Восток и запад,
Лес и степь;

Моря и каменные горы,
И вольный плес равнинных рек,
И мой родной далекий город,
И тот, где не был я вовек;

И те края, куда я еду,
И те места, куда — нет-нет —
По зарастающему следу
Уводит память давних лет...

Есть два разряда путешествий:
Один — пускаться с места вдаль;
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь.

На этот раз резон особый
Их сочетать позволит мне.
И тот и тот — мне к стати оба,
И путь мой выгоден вдвойне.

Помимо прочего, при этом
Я полон радости побыть
С самим собою, с белым светом,
Что в жизни вспомнить, что забыть...

Но знай, читатель, эти строки,
С отрадой лежа на боку,
Сложил я, будучи в дороге,
От службы как бы в отпуску,—

Подальше как бы от начальства.
И если доброй ты души,
Ты на меня не ополчайся
И суд свой править не спеши.

Не метусись, как критик вздорный,
По пустякам не трать огня.
И не ищи во мне упорно
Того, что знаешь без меня...

Повремени вскрывать причины
С угрюмой важностью лица.

Прочти хотя б до половины,
Авось прочтешь и до конца.

Семь тысяч рек

Еще сквозь сон на верхней полке
Расслышал я под стук колес,
Как слово первое о Волге
Негромко кто-то произнес.

Встаю — вагон с рассвета в сборе,
Теснясь у каждого окна,
Уже толпится в коридоре,—
Уже вблизи была она.

И пыл волнения необычный
Всех сразу сблизил меж собой,
Как перед аркой пограничной
Иль в первый раз перед Москвой...

И мы стоим с майором в паре,
Припав к стеклу, плечо в плечо,
С кем ночь в купе одном проспали
И не знакомились еще.

Стоим и жадно курим оба,
Полны взаимного добра,
Как будто мы друзья до гроба
Иль вместе выпили с утра.

И уступить спешим друг другу
Мы лучший краешек окна.
И вот мою он тронул руку
И словно выдохнул:
— Она!

— Она!
И тихо засмеялся,
Как будто Волгу он, сосед,
Мне обещал, а сам боялся,
Что вдруг ее на месте нет.

— Она! —
И справа, недалеко,
Моста не видя впереди,
Мы видим плес ее широкий
В разрыве поля на пути.

Казалось, поезд этот с ходу —
Уже спасенья не проси —
Взлетит, внизу оставив воду,
Убрав колеса, как шасси.

Но нет, смиренно ход убавив
У будки крохотной поста,

Втянулся он, как подobaет,
В тоннель решетчатый моста.

И загремел над ширью плеса,
Покамест сотни звонких шпал,
Поспешно легших под колеса,
Все до одной не перебрал...

И не успеть взглядеться толком,
А вот уже ушла из глаз
И позади осталась Волга,
В пути не покидая нас;
Не уступая добровольно
Раздумий наших и речей
Ничьей иной красе окольной
И даже памяти ничьей.

Ни этой дали, этой шири,
Что новый край за ней простер.
Ни дерзкой славе рек Сибири,
Коль их касался разговор.

Ни заграницам отдаленным,
Ни любопытной старине,
Ни городам, вчера рожденным,
Как будто взятым на войне.

Ни новым замыслам ученым,
Ни самым, может быть, твоим
Воспоминаньям береженым,
Местам, делам и дням иным...

Должно быть, той влекущей силой,
Что люди знали с давних лет,
Она сердца к себе манила,
Звала их за собою вслед.

Туда, где нынешнею славой
Не смущена еще ничуть,
Она привычно, величаво
Свой древний совершала путь...

Семь тысяч рек,
Ни в чем не равных:

И с гор стремящих бурный бег,
И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль — семь тысяч рек
Она со всех концов собрала —
Больших и малых — до одной,
Что от Валдая до Урала
Избороздили шар земной.

И в том родстве переплетенном,
Одной причастные семье,
Как будто древом разветвленным
Расположились по земле.

Пусть воды их в ее теченье
Неразличимы, как одна.
Краев несчетных отраженья
Уносит волжская волна.

В нее смотрелось пол-России —
Равнины, горы и леса,
Сады и парки городские
И вся наземная краса:
Кремлевских стен державный гребень,
Соборов главы и кресты;
Ракиты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты;
Заводы, вышки буровые,
Деревни с пригородом смесь,
И школьный дом, где ты впервые
Узнал, что в мире Волга есть...

Вот почему нельзя не верить,
Любуясь этою волной,
Что сводит Волга — берег в берег —
Восток и Запад над собой;

Что оба края воедино
Над нею сблизились навек;
Что Волга — это середина
Земли родной.
Семь тысяч рек!

В степи к назначенному сроку,
Извечный свой нарушив ход,

Она пришла донской дорогой
В бескрайний плес всемирных вод.

Ее стремленью уступила
Водораздельная гора.
И стало явью то, что было
Мечтой еще царя Петра,
Наметкой смутной поколений,
Нуждой, что меж несчетных дел
И нужд иных великий Ленин
Уже тогда в виду имел...

Пусть в океанском том смешенье
Ее волна растворена.
Земли родимой отраженье
Уже и там несет она.
Пусть реки есть, каким дорога
Сама собой туда дана
И в мире слава их полна;
Пусть реки есть мощней намного —
Но Волга-матушка одна!

И званьё матушки носила
В пути своем не век, не два —
На то особые права —
Она,
Да матушка Россия,
Да с ними матушка Москва.

...Сидим в купе с майором рядом,
Как будто взяли перевал.

Он, мой сосед, под Сталинградом
За эту Волгу воевал.

Две кузницы

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

И отсвет жара горнового
Под закопченным потолком,
И свежесть пола земляного,
И запах дыма с деготком —

Привычны мне с тех пор, пожалуй,
Как там, взойдя к отцу в обед,
Мать на руках меня держала,
Когда ей было двадцать лет...

Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном выручкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне,
Где меж болот, кустов и леса
Терялись бойкие пути;
Где мог бы все свое железо
Мужик под мышкой унести;
Где был заказчик — гость случайный,
Что к кузнецу раз в десять лет
Ходил, как к доктору, от крайней
Нужды, когда уж мочи нет.

И этот голос наковальни,
Да скрип мехов, да шум огня
С далекой той поры начальной
В ушах не молкнет у меня.
Не молкнет память жизни бедной,
Обидной, горькой и глухой,
Пускай исчезнувшей бесследно,
С отцом ушедшей на покой.

И пусть она не повторится,
Но я с нее свой начал путь,
Я и добром, как говорится,
Ее обязан помянуть.
За все ребячьи впечатленья,
Что в зрелый век с собой принес,
За эту кузницу под тенью
Дымком обкуренных берез.

На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.

И с топором отхожим плотник,
И старый воин — грудь в крестах,
И местный мученик-охотник
С ружьишком ветхим на гвоздях;
И землемер, и дьякон медный,
И в блестках сбруи коновал,
И скупщик лиха Ицка бедный,—
И кто там только не бывал!

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках-барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях;
О боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затмениях солнца и луны;
О наставленьях Льва Толстого
И притеснениях от казны...

Там человеческой природе
Отрада редкая была
Побыть в охоту на народе,
Забуть, что жизнь невесела.
Сиди, пристроившись в прохладе,
Чужой махоркою дыми,
Кряхти, вздыхай — не скуки ради,
А за компанию с людьми.
И словно всяк — хозяин-барин,
И ни к чему спешить домой...

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой.
За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласье с волей кузнеца.

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось все, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

Я им гордился бесконечно,
Я знал уже, что мастер мог
Тем молотком своим кузнечным
Сковать такой же молоток.
Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедыжки
И лаптя даже не сплести.

Мне с той поры в привычку стали
Дутья тугой, бодрящий рев,
Тревожный свет кипящей стали
И под ударом взрыв паров.
И садкий бой кувалды древней,
Что с горделивою тоской
Звенела там, в глуши деревни,
Как отзвук славы заводской..

Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала
В работе видеть боевой.

И хоть волною грозной жара
Я был далеко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн.

Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...

И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.

Я запах, издавна знакомый,
Огня с окалиной вдыхал,
Я был в той кузнице, как дома,

Хоть знал,
Что это был Урал.

Урал!

Завет веков и вместе —
Предвестье будущих времен,
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он —
Урал!

Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Ту мощь брони незачехленной
Стволов и гусениц везли,—
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:

— Батюшка Урал...

Когда, добром его груженный,
На встречной скорости состав,
Как сквозь тоннель гремит бетонный,
С прогибом рельсов даль прорвав,—
Не диво мне, что люд вагонный,
Среди своих забот, забав,
Невольно связь речей теряя,
На миг как будто шапку сняв,
Примолкнет, сердцем повторяя
Два слова:

— Батюшка Урал...

Урал! Я нынче еду мимо,
И что-то сжалось в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади.

Но сколько раз в дороге дальней
Я повторяю — как лег, как встал —
И все теплей и благодарней

Два слова:
— Батюшка Урал...

Урал!
Невольною печалью
Я отдаю прощанью дань...

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

Две дали

Иная даль,
Иная зона,
И не гранит под полотном —
Глухая мякоть чернозема
Да степь без края за окном.

И на ее равнине плоской —
Где малой рощицей, где врозь —
Старообразные березки
Белеют — голые, как кость.

Идут, сквозные, негустые,
Вдоль горизонта зелены
Да травы изжелта-седые,
Под ветром ждущие огня.

И час за часом край все шире,
Уже он день и два в окне,
Уже мы едем в той стране,
Где говорят:
— У нас, в Сибири...

Сибири!
Не что-то там в дали,
Во мгле моей дороги длинной,
Не бог весть где, не край земли,
А край такой же срединный,
Как на Урале был Урал,
А там — Поволжье, Подмосковье,

И все, что ты уже терял
За неустанной встречной новью.

И ненасытная мечта
В пути находит неизменно:
Две дали разом — та и та —
Влекут к себе одновременно...

...Стожок подщипанный сенца,
Колодец, будка путевая.
И в оба от нее конца
Уходят, землю обвивая,
Две эти дали, как одна.
И обе вдруг душе предстали.
И до краев душа полна
Теплом восторга и печали...

Опять рассвет вступил в окно —
Ему все ближе путь с востока,
А тот стожок давным-давно
Уже на западе далеко.
И словно год назад прошли
Уральской выемки откосы,
Где громоздились из земли
Пласты породы, как торосы.

И позади, вдали места,
Что так же шли в окне вагона.
И Волга — с волжского моста,
И все за нею перегоны.

Столичный пригород, огни,
Что этот поезд провожали,
И те, что в этот час в тени
Или в лучах закатных — дали...

С дороги — через всю страну —
Я вижу отчий край смоленский
И вспомнить вновь не премину
Мой первый город деревенский.

Он славой с древности гремел,
Но для меня в ребячью пору
Названья даже не имел —

Он был один,
Был просто город.

И, как тогда я ни был мал,
Я не забыл и не забуду
Тот запах, что в избу вступал
С отцом, приехавшим оттуда.

Как будто с поскрипом сеней,
С морозным облаком надворья,
В былинках сена из саней
Сам город прибывал в Загорье.

Нездешний, редкий, привозной,
Тревожно-праздничный и пряный,
То запах жизни был иной —
Такой немислимой и странной.

Он долго жил для нас во всем:
В гостинце каждом и покупке,
В нагольном старом полушубке,
Что побыл в городе с отцом...

Волненью давнему парнишки
Доступна полностью душа,
Как вспомню запах первой книжки
И самый вкус карандаша...

Всем, чем к земле родной привязан,
Чем каждый день и час дышу,
Я, как бы ни было, обязан
Той книжке и карандашу,
Тому ребячьему смятенью,
С каким касался их рукой
И приступал к письму и чтенью —
Науке первой городской.

И что ж такого, что с годами
Я к той поре глухим не стал
И все взыскательнее память
К началу всех моих начал!

Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы.

И счастлив тем, что я не чудо
Особой, избранной судьбы.

Мы все — почти что поголовно —
Оттуда люди, от земли,
И дальше деда родословной
Не знаем: предки не вели,
Не беспокоились о древе,
Рождались, жили в свой черед.
Хоть род и мой — он так же древен,
Как, скажем, твой, читатель, род...

Читатель!

Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой,
Все кряду слушать мастер дивный,
Неприхотливый, безунывный,
(Не то что слушатель иной,
Что нам встречается в натуре:
То у него сонливый вид,
То он свистит, глаза прищуря,
То сам прорваться норовит).

Пусть ты меня уже оставил,
Загнув странички уголок,
Зевнул — хоть это против правил, —
И даже пусть на некий срок
Вздремнул ты, лежа или сидя,
Устав от множества стихов, —
Того не зная и не видя,
Я на тебя и не в обиде:
Я сам, по слабости, таков.

Меня, опять же, не убудет,
Коль скажешь ты иль кто другой:
Не многовато ль, дескать, будет
Подряд материи такой,
Как отступленья, восклицанья
Да оговорок этих тьма?
Не стать ли им чрезмерной данью
Заветам старого письма?

Я повторю великодушно:
Не хлопочи о том, дружок,—
Читай, пока не станет скучно,
А там — бросай.
И я — молчок.

Тебя я тотчас покидаю,
Поникнув скромно головой.
Я не о том совсем мечтаю,
Чтоб был читатель волевой,
Что, не страшась печатной тины,
Вплоть до конца несет свой крест
И в силу самодисциплины
Что преподносят, то и ест.

Нет, мне читатель слабовольный,
Нестойкий, пуганный милей:
Уж если вник,— с меня довольно,
Горжусь победою моей,
Волнуюсь, руки потираю:
Ты — мой.
И холод по спине:
А вдруг такого потеряю?
Тогда конец и горе мне.
Тогда забьюсь в куток под лавкой
И затаю свою беду.
А нет — на должность с твердой ставкой
В Союз писателей пойду...

Продолжим, стало быть, беседу.
Для одного тебя, учти,
Я с юных дней иду и еду
И столько лет уже в пути.
И все одна командировка,—
Она мне слишком дорога...

Но что там — вроде остановка?
— Какая станция?
— Тайга.

Состав стоит, пробег немалый
В пути оставив за хвостом.
И от уставшего металла
Внизу течет звенящий стон.

Снаружи говор оживленный,
В огне перрон, как днем светло.
Опять за стенкою вагонной
Полтыщи верст в ночи прошло.

Прошли мосты, мелькнули реки,
Минули целые края,
Которых, может быть, вовеки
Вот так и не увижу я,
И что за земли — знать не буду —
Во сне ушли из-под колес...

А тут еще весны причуды,—
Не вспять ли время подалось?
Как будто мы в таежный пояс
Вошли за станцией Тайгой.
Теплом полей обдутый поезд
Как будто взял маршрут другой.

Как будто вдруг сменился климат:
Зима — и все вокруг бело.
Сухой пурги дремотным дымом
Костлявый лес заволокло...

Но, с путевой надежной сталью
Смыкая туго сталь колес,
Спешит состав за новой далью,
Гребет пространство паровоз.
И разрывает мир единый,
Что отступает с двух сторон,
На две большие половины,
На юг и север вдоль окон.

Сквозь муть пурги еще невнятно
Вступает новый край в права.
А где-то там, в дали обратной,—
Урал, и Волга, и Москва,
Смоленск, мосты и переправы
Днепра, Березины, Двины,
Весь запад — до границ державы
И дальше — по следам войны,
По рубежам ее остывшим,
По блиндажам ее оплывшим,
По стольким памятным местам...

Я здесь, в пути, но я и там —
И в той дороге незабвенной,
У тех, у дорогих могил,
Где мой герой поры военной
С войсками фронта проходил.
Хоть та пора все дале, дале,
Все больше верст, все больше дней.
Хоть свет иной, желанной дали
В окне вагона все видней.

Литературный разговор

А скажем прямо, что не шутки —
Уже одно житье-бытье,
Когда в дороге третьи сутки —
Еще едва ли треть ее.

Когда в пути почти полмира
Через огромные края
Пройдет вагон — твоя квартира,
Твой дом и улица твоя...

В такой дороге крайне дорог
Особый лад на этот срок,
Чтоб все тебе пришлось впору,
Как добрый по ноге сапог.

И время года, и погода,
И звук привычного гудка,
И даже радио в охоту,
И самовар проводника...

С людьми в дороге надо сжиться,
Чтоб стали как свои тебе
Впервые встреченные лица
Твоих соседей по купе.

Как мой майор, седой и тучный,
С краснотцей жесткой бритых щек,
Иль этот старичок научный,
Сквозной, как молодой сморчок.

И чтоб в привычку стали вскоре,
Как с давних пор заведено,
Полузнакомства в коридоре,
Где на двоих-троих окно;

Где моряка хрустящий китель
В соседстве с мягким пиджаком,
Где областной руководитель —
Не в кабинете со звонком;

Где в орденах старик кудрявый
Таит в улыбке торжество
Своей, быть может, громкой славы,
Безвестной спутникам его;

Где дама строгая в пижаме
Загромоздит порой проход,
Смущая щеголя с усами,
Что не растут такие сами
Без долгих, вдумчивых забот;

Где все — как все: горняк, охотник,
Путеец, врач солидных лет
И лысый творческий работник,
С утра освоивший буфет.

Все сведены дорожной далью:
И тот, и та, и я, и вы,
И даже — к счету — поп с медалью
Восьмисотлетия Москвы...

И только держатся особо,
Друг другом заняты вполне,—
Выпускники, наверно, оба —
Молодожены в стороне.

Рука с рукой — по-детски мило —
Они у крайнего окна
Стоят посередине мира —
Он и она,
Муж и жена.

Своя безмолвная беседа
У этой новенькой четы

На край земли, быть может, едут,
А может, только до Читы.
Ну, до какой-нибудь Могочи,
Что за Читую невдали.
А может, путь того короче.
А что такое край земли?

Тот край и есть такое место,
Как раз такая сторона,
Куда извечно,
Как известно,
Была любовь устремлена.

Ей лучше знать, что все едино,
Что место, где ни загадай,
Оно — и край, и середина,
И наша близь,
И наша даль.

А что ей в мире все напасти,
Когда при ней ее запас!
А что такое в жизни счастье?
Вот это самое как раз —
Их двое, близко ли, далеко,
В любую часть земли родной,
С надеждой ясной и высокой
Держащих путь — рука с рукой...

Нет, хорошо в дороге долгой
В купе освоить уголок
С окошком, столиком и полкой
И ехать, лежа поперек
Дороги той.

И ты не прежний,

Не тот, чем звался, знался, жил,
А безымянный, безмятежный,
Спокойный, дальний пассажир.

И нет на лбу иного знака,
Дымишь, как всякий табакур.
Отрада полная.

Однако

Не обольщайся чересчур...

Хоть не в твоей совсем натуре
Трибуной тешиться в пути,
Но эту дань литературе
И здесь приходится нести.

Провинциальный ли, столичный —
Читатель наш воспитан так,
Что он особо любит личный
Иметь с писателем контакт;
Заполнить устную анкету
И на досуге, без помех
Призвать, как принято, к ответу
Не одного тебя, а всех.

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.
А сколько вас в одной России?
Наверно, будет тысяч пять?

Мол, дело, собственно, не в счете,
Но мимо вас проходит жизнь,
А вы, должно быть, водку пьете,
По кабинетам запершись.

На стройку вас, в колхозы срочно,
Оторвались, в себя ушли...

И ты киваешь:
— Точно, точно,
Не отразили, не учли...

Но вот другой:
— Ах, что там — стройка,
Завод, колхоз! Не в этом суть.
Бывает, их наедет столько,
Творцов, певцов.
А толку — чуть.

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.
Глядишь — роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки.

Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

И все похоже, все подобно
Тому, что есть или может быть
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завить.

Да неужели
В самом деле
Тоска такая все кругом —
Все наши дни, труды, идеи
И завтра нашего закон?

Нет, как хотите, добровольно
Не соглашусь, не уступлю.
Мне в жизни радостно и больно,
Я верю, мучаюсь, люблю.

Я счастлив жить, служить отчизне,
Я за нее ходил на бой.
Я и рожден на свет для жизни —
Не для статьи передовой.

Кончаю книгу в раздраженье.
С души воротит: где же край?
А края нет. Есть продолженье.
Нет, братец, хватит. Совесть знай.

И ты киваешь:
— Верно, верно,
Понятно, критика права...

Но ты их слушать рад безмерно —
Все эти горькие слова.

За их судом и шуткой грубой
Ты различаешь без труда
Одно, что дорого и любо
Душе, мечте твоей всегда,—

Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,
Где жар живой, правдивой речи,
А не вранья холодный дым;
Где все твое незаменимо,
И есть за что тебя любить,
И ты тот самый,
Тот любимый,
Каким еще ты можешь быть.

И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И ночью —
Душу сжечь готов.
Готов на все суды и толки
Махнуть рукой. Все в этом долге,
Все в этой доблести. А там...

Вдруг новый голос с верхней полки:

— Не выйдет...

— То есть как?

— Не дам...

Не то чтоб это окрик зычный,
Нет, но особый жесткий тон,
С каким начальники обычно
Отказ роняют в телефон.
— Не выйдет,— протянул вторично.

— Но кто вы там, над головой?

— Ты это знаешь сам отлично...

— А все же?

— Я — редактор твой.

И с полки голову со смехом
Мой третий свесил вдруг сосед:
— Ты думал что? Что ты уехал
И от меня? Нет, милый, нет.

Мы и в пути с тобой соседи,
И все я слышу в полусне.
Лишь до поры мешать беседе,
Признаться, не хотелось мне.

Мне было попросту занято,
Смотрю: ну до чего хорош,
Ну как горяч невероятно,
Как смел! И как ты на попятный
От самого себя пойдешь.

Как, позабавившись игрою,
Ударишь сам себе отбой.
Зачем? Затем, что я с тобою —
Всегда, везде — редактор твой.

Ведь ты над белой бумагой,
Объятый творческой мечтой,
Ты, умник, без меня ни шагу,
Ни строчки и ни запятой.

Я только мелочи убавлю
Там, сям — и ты как будто цел.
И все нетронутым оставлю,
Что сам ты вычеркнуть хотел.

Там карандаш, а тут резинка,
И все по чести, все любя.
И в свет ты выйдешь как картинка,
Какой задумал я тебя.

— Стой, погоди,— сказал я строго,
Хоть самого кидало в дрожь.—
Стой, погоди, ты слишком много,
Редактор, на себя берешь!

И, голос вкрадчиво снижая,
Он отвечает:
— Не беру.
Отнюдь. Я все препоручаю
Тебе и твоему перу.

Мне самому-то нет расчета
Корпеть, черкать, судьбу кляня.
Понятно? Всю мою работу
Ты исполняешь за меня.

Вот в чем секрет, аника-воин,
И спорить незачем теперь.

Все так. И я тобой доволен
И не нарадуюсь, поверь.

Я всем тебя предпочитаю,
Примером ставлю — вот поэт,
Кого я просто не читаю:
Тут опасаться нужды нет.

И подмигнул мне хитрым глазом:
Мол, ты, да я, да мы с тобой...

Но тут его прервал я разом:
— Поговорил — слезай долой.

В каком ни есть ты важном чине,
Но я тебе не подчинен
По той одной простой причине,
Что ты не явь, а только сон
Дурной. Бездарность и безделье
Тебя, как пугало земли,
Зачав с угрюмого похмелья,
На белый свет произвели.

В труде, в страде моей бессонной
Тебя и знать не знаю я.
Ты есть за этой только зоной,
Ты — только тень.
Ты — лень моя.

Встряхнусь — и нет тебя в помине,
И не слышна пустая речь.
Ты только в слабости, в унынье
Меня способен подстеречь.
Когда, утратив пыл работы,
И я порой клоню к тому,
Что где-то кто-то или что-то
Перу помеха моему...
И о тебе все эти строчки,
Чтоб кто другой, смеясь, прочел,—
Ведь я их выдумал до точки,
Я сам. А ты-то здесь при чем?

А между тем народ вагонный,
Как зал, заполнив коридор,

Стоял и слушал возбужденно
Весь этот жаркий разговор.
И молча тешились забавой
Майор с научным старичком.
И пустовала полка справа:
В купе мы ехали втроем.

И только — будь я суевером —
Я б утверждать, пожалуй, мог,
Что с этой полки запах серы
В отдушник медленно протек...

Огни Сибири

Сибири!

Леса и горы скопом,
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вширь
Пяти Европам
Со всею музыкой своей.

Могучий край всемирной славы,
Что грозной щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Ее рудник и арсенал.

Край, где несметный клад заложен,
Под слоем — слой мощней вдвойне.
Иной еще не потревожен,
Как донный лед на глубине.

Родимый край лихих Сибирских
Трем войнам памятных полков
С иртышских,
Томских,
Обских,
Бийских
И енисейских берегов...

Сестра Урала и Алтая,
Своя, родная вдаль и вширь,

С плечом великого Китая
Плечо сомкнувшая, Сибирь!

Сибирь!

И лег и встал — и снова —
Вдоль полотна пути Сибирь.
Но как дремучестью суровой
Еще объят ее пустырь!

Идет, идет в окне экспресса
Вдоль этой просеки одной
Неотодвинутого леса
Оббитый ветром перестой.

По хвойной тьме — березы проседей...
Откосы сумрачные гор...
И все кругом — как бы укор
Из давней давности доносит.

Земля пробитых в глушь путей,
Несчетных верст и редких дымов,
Как мало знала ты людей,
Кому была б землей родимой!

Кому была бы той одной,
Что с нами в радости и в горе,
Как юг иль степь душе иной,
Как взморье с теплою волной,
Как мне навек мое Загорье...

Недоброй славы край глухой.
В новинку твой нелегок нором.
Ушел тот век, настал другой,
Но ты — все ты — с твоим укором.

И в старых песнях не устал
Взывать с тоской неуголимой
Твой Александровский централ
И твой бродяга с Сахалина.

Да, горделивая душа
Звучит и в песнях, с бурей споря,
О диком бреге Иртыша
И о твоём священном море.

Но, может быть, в твоей судьбе,
И величавой и суровой,
Чего недодано тебе —
Так это мощной песни новой!
Что из конца прошла б в конец
По всем краям с зазывной силой
И с миллионами сердец
Тебя навеки породила.

Та честь была бы дорога,
И слава — не товар лежалый,
Когда бы мне принадлежала
В той песне добрая строка...

И снова — сутки прочь, и снова —
Сибирь!
Как свист пурги — Сибирь,—
Звучит и ныне это слово,
Но та ли только эта быть?!

В часы дорожные ночные
Вглядишься — глаз не отвести:
Как Млечный Путь, огни земные
Вдоль моего текут пути,

Над глухоманью вековечной,
Что днем и то была темна.
И, точно в небе, эта млечность
Тревожна чем-то и скрытна...

Текут, бегут огни Сибири,
И с нерассказанной красой
Сквозь непроглядность этой шири
И дали делятся полосой;

Лучатся в тех угрюмых зонах,
Где время шло во мгле слепой,
Дробятся в дебрях потрясенных,
Смыкая зарева бессонных
Таежных кузниц меж собой.

И в том немеркнушем свеченье
Вдали угадываю я
Ночное позднее движенье,

Оседлый мир, тепло жилья,
Нелегкий труд и отдых сладкий,
Уют особенной цены,
Что с первой детской кроваткой
У голой лепится стены...

Как знать, какой отрадой дивной
И там бывает жизнь полна —
С тайгой дикой, серединной,
Чуть отступившей от окна;
С углом в бараке закопченном
И чаем в кружке жестяной,—
Под стать моим молодоженам,
Что едут рядом за стеной,
У первой нежности во власти,
В плену у юности своей...

И что такое в жизни счастье,
Как ни мудри, а им видней...

Так час ли, два в работе поезд,
А точно годы протекли,
И этот долгий звездный пояс
Уж опоясал полземли.

А что там — в каждом поселенье,
И кем освоена она,
На озаренном протяженье
Лесная эта сторона.

И как в иной таежный угол
Издалека вели сюда
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...

Но до того, как жизнь рассудит,
Судьбу назвав, какая чья,
Любой из тысяч этих судеб
И так и так обязан я.

Хотя бы тем одним, что знаю,
Что полон памятью живой

Твоих огней, Сибирь ночная,
Когда все та же, не иная,
Видна ты далее дневной...

Тот свет по ней идет все шире,
Как день сменяя ночи тьму.
И что!
Какие силы в мире
Потщатся путь закрыть ему!

Он и в столетях не померкнет,
Тот вещей отблеск наших дней.
Он — жизнь.
А жизнь сильнее смерти:
Ей больше нужно от людей.

И перемен бесповоротных
Неукротим победный ход.
В нем власть и воля душ несчетных,
В нем страсть,
Что вдаль меня зовет.

Мне дорог мир большой и трудный,
Я в нем — моей отчизны сын.
Я полон с ней мечтою чудной —
Дойти до избранных вершин.

Я до конца в походе с нею,
И мне все тяготы легки.
Я всех врагов ее сильнее:
Мои враги —
Ее враги.

Да, я причастен гордой силе
И в этом мире — богатырь
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь!

Со всем — без края, без предела,
С чем людям жить и счастьем быть.
Люблю!
И что со мной ни делай,
А мне уже не разлюбить.

И той любви надежной мерой
Мне мерить жизнь и смерть до дна.
И нет на свете большей веры,
Что сердцу может быть дана.

С самим собой

Избыток лет бесповоротных
Не лечит слабостей иных:
Я все, как в юности, охотник
До разговоров молодых.

Я все, как в дни мои былые,
Хоть до утра часов с восьми
Решать вопросы мировые
Любитель, хлебом не корми.

Мне дорог дружбы неподдельной
Душевный лад и обиход,
Где слово шутки безыдейной
Тотчас тебе не ставят в счет;
Где о грядущих днях Сибири,
Пути гвардейского полка,
Целинных землях и Шекспире,
Вреде вина и табака

И обо всем на белом свете
Беспротокольный склад речей,—
Ты лишь у смеха на примете
На случай глупости твоей...

Так вот, как высказано выше,
С годами важен я не стал,
Еще не весь, должно быть, вышел
Живучей юности запал.

Нет, я живу, спешу тревожно —
Не тем ли доля хороша —
Заполнить мой дневник дорожный
Всем, чем полна еще душа;
Что бьется, просится наружу,—

И будь такой ли он, сякой,—
Читатель-друг, я не нарушу
Условий дружбы дорогой.

Согласно принятому плану,
Вернусь назад, рванусь вперед.
Но я, по совести, не стану
Зазря вводить тебя в расход.

Я не позволю на мякину
Тебя заманивать хитро.
И не скажу, что сердце выну:
Ему на месте быть добро.

С меня довольно было б чуда
И велика была бы честь
То слово вынуть из-под спуда,
Что нужно всем, как пить и есть.

У бога дней не так уж много,
Но стану ль попусту скорбеть,
Когда не вся еще дорога
И есть что видеть,
Есть что петь.

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захоlustье, потрясенном
Всемирным чудом наших дней,—
Старинных зим с певучим стоном
Далеких — за лесом — саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты.
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.
Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Ни щедрой выдачей здоровья
И сил, что были про запас,
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз.

Ни славы замыслом зеленым,
Отравой сладкой строк и слов;
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов —
Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра
И недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом.
И сорок первым.
И иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даваться до поры,
Какие жесткие под силу
Ему ознобы и жары.

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.

Не мимоездом, стороною
Ее увидеть без хлопот—
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Все, что затеял и слепил,
Считать одной лишь малой долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда;
Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно —
Никогда.

Друг детства

И дружбы долг, и честь, и совесть
Велят мне в книгу занести
Одной судьбы особой повесть,
Что сердцу встала на пути...

Я не скажу, что в ней отрада,
Что память эта мне легка,
Но мне свое исполнить надо,
Чтоб вдаль глядеть наверняка.

В ней и великой нет заслуги,—
Не тем помечена числом...
А речь идет о старом друге,
О лучшем сверстнике моем.
С кем мы пасли скотину в поле,
Палили в залесье костры,
С кем вместе в школе,
В комсомоле
И всюду были до поры.

И врозь по взрослым шли дорогам
С запасом дружбы юных дней.
И я-то знаю: он во многом
Был безупречней и сильней.

Я знаю, если б не случиться
Разлуке, горшей из разлук,
Я мог бы тем одним гордиться,
Что это был мой первый друг.

Но годы целые за мною,
Весь этот жизни лучший срок —
Та дружба числилась виною,
Что мне любой напомнить мог...

Легка ты, мудрость, на помине:
Лес рубят — щепки, мол, летят.
Но за удел такой доныне
Не предусмотрено наград.

А жаль!
Вот, собственно, и повесть,
И не мудрен ее сюжет...

Стояли наш и встречный поезд
В тайге на станции Тайшет.

Два знатных поезда, и каждый
Был полон судеб, срочных дел
И с независимостью важной
На окна встречного глядел.

Один туда, другой обратно.
Равны маршруты и права.
— «Москва — Владивосток»? — Понятно.
— Так-так: «Владивосток — Москва»...

Я вышел в людный шум перронный,
В минутный вторгнулся поток
Газетой запастись районной,
Весенней клюквы взять кулек.
В толпе размять бока со вкусом,
Весь этот обозреть мирок —
До окончаний с твердым знаком
В словах: «Багажъ» и «Кипятокъ»...

Да, я люблю тебя душевно
И, сколько еду, все не сыт

Тобой, дорожный, многодневный,
Простой и в меру быстрый быт.
Вагон и эти остановки
Всего бегущего в окне,
И даже самозаготовки
По среднерыночной цене...

Так, благодушествуя вволю,
Иду. Не скоро ли свисток?
Вдруг точно отзыв давней боли
Внутри во мне прошел, как ток...

Кого я в памяти обычной,
Среди иных потерь своих,
Как за чертою пограничной,
Держал,

он, вот он был,

в живых.

Я не ошибся, хоть и годы
И эта стеганка на нем.
Он!

И меня узнал он, с ходу
Ко мне работает плечом.

И чувство стыдное испуга,
Беды пришло еще на миг,
Но мы уже трясли друг друга
За плечи, за руки...
— Старик!

— Старик! —

Взаимной давней клички

Пустое, в сущности, словцо
Явилось вдруг по той привычке,
А я смотрю ему в лицо:
Все то же в нем, что прежде было,
Но седина, усталость глаз,
Зубов казенных блеск унылый —
Словцо то нынче в самый раз,
Ровесник-друг. А я-то что же? —
Хоть не ступал за тот порог,
И я, конечно, не моложе,
Одно, что зубы уберег.
— Старик.

И нет нелепей муки:
Ему ли, мне ль свисток дадут,
И вот семнадцать лет разлуки
И этой встречи пять минут!

И вот они легли меж нами —
Леса, и горы, и моря,
И годы, годы с их мечтами,
Трудами,
 войнами,
 смертями —

Вся жизнь его,
Вся жизнь моя...

— Ну вот, и свиделись с тобою.

Ну, жив, здоров?

— Как видишь, жив.

Хоть непривычно без конвоя,
Но, так ли, сяк ли, пассажир
Заправский: с полкой и билетом...

— Домой?

— Да как сказать, где дом...

— Ах, да! Прости, что я об этом...

— Ну, что там, можно и о том.

Как раз, как в песенке не новой,

Под стать приходится слова:

Жена найдет себе другого,

А мать... Но если и жива...

— Так. Ты туда, а я обратно...

— Да, встреча: вышел, вдруг — смотрю...

— И я смотрю: невероятно...

— Не куришь?

— Как еще курю!

Стоим. И будто все вопросы.

И встреча как ни коротка,

Но что еще без папиросы

Могли мы делать до свистка?

Уже его мы оба ждали,

Когда донесся этот звук.

Нам разрешали

Наши дали

Друг друга выпустить из рук...

— Пора!
— Ну что же, до свиданья.
— Так ты смотри — звони, пиши...—
Слова как будто в оправданье,
Что тяжесть некая с души.

И тут, на росстани тайшетской,
Когда вагон уже потек,
Он, прибодрившись молодецки,
Вдруг взял мне вслед под козырек.

И этот жест полушутливый,
Из глаз ушедший через миг,
Тоской безмолвного порыва
Мне в сердце самое проник.

И все.
И нету остановки.
И не сойти уже мне здесь,
Махнув на все командировки,
Чтоб в поезд к другу пересестъ.

И от нелегкой этой были,
На встречной скорости двойной,
Мы в два конца свои спешили
Впритирку с ветром за стеной.

Бежал, размеченный столбами,
Как бы кружась в окне, простор.
И расстоянье между нами
Росло на запад и восток.

И каждый миг был новой вехой
Пути, что звал к местам иным...
А между тем я как бы ехал
И с ним, товарищем моим.

И подо мной опять гудела
В пути оставленная сталь.
И до обратного предела
Располагалась та же даль.

И от вокзала до вокзала
Я снова в грудь ее вбирал:

И тьму тайги, и плес Байкала,
И степь, и дымчатый Урал.

И к Волге-матушке с востока
Я приближался в должный срок
И, стоя с другом локоть в локоть,
Ее заранее стерег.

А через сутки с другом вместе,
Вцепившись намертво в окно,
Встречал столичные предместья,
Как будто их давным-давно,
Как он, не видел. И с тревогой
В вокзальный тот вступал поток...

А между тем своей дорогой
Все дальше ехал на восток.

И разве диво то, что с другом
Не мог расстаться я вполне?
Он был недремлющим недугом,
Что столько лет горел во мне.
Он сердца был живою частью,
Бедой и болью потайной.
И годы были не во власти
Нас разделить своей стеной.
И, не кичась судьбой иною,
Я постигал его удел.
Я с другом был за той стеною.
И ведал все.
И хлеб тот ел.

В труде, в пути, в страде походной
Я неразлучен был с одной
И той же думой неисходной,—
Да, я с ним был, как он со мной.

Он всюду шел со мной по свету,
Всему причастен на земле.
По одному со мной билету,
Как равный гость, бывал в Кремле.

И те же радости и беды
Душой сыновней ведал он:

И всю войну,
И День Победы,
И дело нынешних времен.

Я знал: вседневно и всечасно
Его любовь была верна.
Винить в беде своей безгласной
Страну?

При чем же здесь страна!

Он жил ее мечтой высокой,
Он вместе с ней глядел вперед.
Винить в своей судьбе жестокой
Народ?

Какой же тут народ!..

И минул день в пути и вечер.
И нóчь уже прошла в окне,
А боль и радость этой встречи,
Как жар, теснились во мне.

Врываясь в даль, работал поезд,
И мне тогда еще в пути
Стучала в сердце эта повесть,
Что я не вправе обойти.

Нет, обойти ее — не дело
И не резон душе моей:
Мне правда Партии велела
Всегда во всем быть верным ей.

С той правдой малого разлада
Не понесет моя строка.
И мне свое исполнить надо,
Чтоб вдаль глядеть наверняка.

Фронт и тыл

Быть может, этот спор дорожный,
Порой почти пустопорожный,
Но жаркий — грудь на грудь, в упор,—

В вагоне шел бы до сих пор,
Не встрянь с улыбкой осторожной
И легким вздохом мой майор.

А может, перед вспышкой новой
Он сам собою поостыл,
Всегда, везде зайти готовый
Тот спор на тему:
Ф р о н т и т ы л ...

Давно война отгрохотала,
Давно в страде иной страна
Свои убытки наверстала,—
Душа, казалось бы, полна.

Однако,— нужды нет лукавить,—
Душа, минуя давность лет,
Той горькой памяти оставить
Еще не может и — нет-нет —
В тот самый застывает след.

И неизмеренное море
Печали, тяжких мук и горя
И славы — тот душевный пыл,
Что вновь и вновь рождается в споре
На эту тему:
Ф р о н т и т ы л .

Он возникает не по знаку
Организованных начал,
А сам собой и тоже всяко:
То днем, а то и по ночам.

В пути, в гостинице, в больнице,
На переправе затяжной,
В районе, в области, в столице,
В гостях и дома,— хоть с женой.
В бараке, в клубе и сторожке,
В тайге, в степи, на целине,
«На кукурузе», «на картошке»,—
Как говорят еще в стране.
На даче, на горячем пляже,
В Крыму и в заполярной тьме,

Во льдах торосистых, и даже
Не диво, если и в тюрьме...

Но время лучшее для спора,
Когда Москва — его исток,
А устье — где-то там, не скоро,
В конце, вдали — Владивосток.

Итак, в дороге три-четыре,
А то и пять, пожалуй, дней
Шел спор о фронте и о тыле,—
Не что важней,
А где трудней.

Спор в постановке чисто русской:
Где круче в смысле всех страстей —
Обычной на душу нагрузки,
Жары,
 морозов
 и харчей.

Горячность пылкая без меры
Со стороны фронтовика,
Минувшей службы офицера,
Рвалась вон из пиджака.

Казалось, был он кровный, личный,
Извечный враг тыловиков,
Да и оратор был каков! —
Куда там — наш трибун столичный,
Любимец публики Сурков.

Казалось так в разгаре спора,
Что он, случись в иную пору,
Отцу б родному не простил,
Когда бы с цехом иль конторой
Старик нестойкий убыл в тыл
И под огнем на фронте не был,
Не отступал за Днепр и Дон...

Должно быть, там с овчинку небо
Однажды сам увидел он.

И это тяжкое виденье
Он нес теперь сквозь жизнь свою,
Крутого полон озлобленья
На всех, кто не был в том бою...

Зато его противник в споре
Прощал охотно старика.
И о своей тех лет конторе
Он дал понять издалека.

На пафос тот, отчасти зверский,
Он отвечал — уму учил —
С улыбкой мягко-министерской
Больших секретарей-мужчин,
Что лишены обычной страсти
И с правом входа на доклад
Располагают большей властью,
Чем тот, при коем состоят...

Сперва с усталостью заметной
Он пояснил, что не секрет,
В наш век — век атомно-ракетный —
Былых понятий фронта нет,
Как нет былых понятий тыла.
Но с точки зренья прежних дней
Понятно, где труднее было:
В тылу у нас — куда трудней.

Он так сказал: ходить в атаки
И умирать, коль выпал час,
Есть тот гражданский долг, что всякий
Обязан выполнить из нас.

Он к месту вспомнил утвержденья
Самих прославленных вояк,
Что нет героев от рожденья,—
Они рождаются в боях.

И возразить, казалось, нечем,
Когда вздохнул он тихо:
— Но...—
В тылу, мол, дело обеспечить
Уже не всякому дано.

И в правоте неоспоримой
Подвел черту, как говорят:
Тыл фронту, верно, брат родимый,
Но он сказал бы:
Старший брат.

Сказал — гляди, куда как метче —
И с новым вздохом повторил:
Тыл — старший брат, за все ответчик,—
И потому избрал он тыл.

Ему в годину испытаний
Крепить его велел закон.
С ним разговаривать не стали,
Когда на фронт просился он...

И, дескать, несколько неловкий,
По меньшей мере, этот спор,
При современной обстановке
Он лишь несет в ряды раздор...

И тут как раз вздохнул майор.
Майор, молчун тяжеловатый,
Что был курить да спать здоров,
Сказал с улыбкой виноватой:

— Скажу сперва насчет рядов..
Зачем же вдруг!.. Ряды — рядами.
И от беседы нет беды,
Поскольку мы же с вами
Сами
И есть те самые ряды...

Теперь насчет меньшого брата,
Скажу, не хвастаясь отнюдь,
Что от солдата
До комбата
Я сам прошел когда-то путь.

И что, причастный с ополченья
К боям, походам и котлу,
Я вправе сделать заключение:
На фронте — легче, чем в тылу.

Я поясню,— сказал он, видя
Смущенье спорящих сторон,—
Не к чьей-нибудь из вас обиде
И чистой правде не в урон.
Как говорил один нестарый
Мой из запаса рядовой,
Знаток и той, что он оставил,
И этой жизни, фронтовой:
«Воюй — и все твое с тобой».

Мол, все по форме и по норме:
О чем заботиться тебе?
Случись, что если не накормлен,—
Так это есть уже ЧП.

В твое траншейное жилище,
У самой смерти на глазах,
К тебе ползут с горячей пищей
И даже с чаем в термосах.

Твой килограмм, с надбавкой, хлеба.
Твой спецпаек
И доптабак
Тебе должны доставить с неба,
Раз по земле нельзя никак.

С жилищем — тоже много проще:
Дворец ли, погреб —
Все твой дом.
Ни доставать прописку теще,
Ни уплотнять ее судом.

Что в жизни нужно — все бесплатно,
За все ответчица — казна.
Убьют иль ранят?
Фронт.
Понятно.
И не твоя уже вина.

В той жизни — долгой иль короткой —
Уж там добро иль недобро,—
Тебя согреть спешат и водкой,
И сводкой
Совинформбюро.

В недалеком следуя обозе,
Почти в бою — тебе хвалу
Вовсю поют в стихах и прозе
Твои певцы.
А что в тылу!

В тылу совсем не та картина,
Хотя все то же существо.
Во-первых, если ты мужчина,
То вроде как-то не того...

Опять же кухня полевая
Тебе не придана в тылу.
Посеял карточки в трамвае, —
Садись к заочному столу.

И та опаска всем знакома:
В тылу проштрафился чуть-чуть,
Глядишь, привет от военкома:
Прошу зайти.
И — в добрый путь.

На фронте нет того в заводе,
Чтоб опасаться: вдруг да в тыл!
Ошибся в роте,
Так во взводе
Исправишь все, что допустил.

И даже, если ты там штуку
Уже подсудную украл,
То ни к чему тебя в науку
Возить куда-то на Урал,
Писать от фронта открепление,
Давать в дорогу аттестат.

Нет, где вина — там искупление, —
Всегда поблизости штрафбат.
На месте весь тебе зачтется
Тот срок к недалекому числу
Без упущения в производстве,
Как это водится в тылу.

С пристрастием слушали майора
Два главных спорщика в купе.

Но самый след крутого спора
Уже по новой шел тропе.

Все ближе, ближе постепенно
К суждениям тем склоняли слух
И наш профессор, и военный
Моряк, и врач, и все вокруг...

И в орденах старик кудрявый
Не усидел в своем углу,
Тряхнул своей безвестной славой:
— Нет, легче все-таки в тылу.
Как ни хотите — легче трошки...—
Успех майора он учел.—
Уже одно, что нет бомбежки,
А есть — так в шахте нипочем.

— Смотри какая бомба-дура,—
Поправил кто-то старика.
Но тот сказал:
— Нет, жизнь горька,
Как под землей без перекура,
А наверху — без табака...

— Ах, в табаке ли только дело,—
Включился вздох со стороны.—
В одном равны душа и тело,
Что легче — вовсе без войны...

Тот вывод с благостной печалью
Кивком почтенной головы
Одобрил попик наш с медалью
Восьмисотлетия Москвы.
Но означал его уместный
Простой кивок-полупоклон,
Что, может, волею чудесной
И сверх того, что всем известно,
Он кое в чем осведомлен...

А мой майор невозмутимый,
Со слов солдата выдав речь,
На весь вагон добавил дыма
И вновь намерен был залечь...

Солдатской притчи юмор грубый
Улыбкой лица подсветил,
И сам собой пошел на убыль
Тот спор на тему: фронт и тыл.

За новой далью скрылся город.
Пошли иные берега.
Тоннели, каменные горы,
Вверху — над окнами — тайга.

По кругу шли обрывы, пади,
Кремнистой выемки откос.
И те, что в душу мне вступали,
Слова горели жаром слез.

И не хотел иных искать я,
Затем, что не новы они.
Да, тыл и фронт — родные братья,
И крепче в мире нет родни.

Богатыри години давней
И в славе равные бойцы.
Кто младший там, кто старший — главный, —
Неважно:
Братья-близнецы.
И не гадали — кто, который,
Кому по службе подчинен,
Оставив эти счеты-споры
Для мирных нынешних времен...

Но не иссякнуть этой теме,
Покамест есть еще в живых
И те, что сами знали бремя
Часов и суток фронтовых;
И те, кому в завидных далях,
В раю глубоком тыловом
У их станков и наковален
Был без отрыва стол и дом.

И после них не канут в нетях
Та боль, и мужество, и честь.
Но перейдет в сердца их детям
И внукам памятная песнь.

О том, как шли во имя жизни
В страде — два брата, два бойца,
Великой верные Отчизне
Тогда.

И впредь.

И до конца.

Москва в пути

Вагонный быт в дороге дальней,
Как отмечалось до меня,
Под стать квартире коммунальной,
Где все жильцы — почти родня.

Родня, как есть она в природе:
И та, с которой век бы жил,
И та, с которой в обиходе
Столкнешься утром —
День постыл.

И есть всегда в случайном сборе
Соседей — злостный тот сосед,
Что любит в общем коридоре
Торчать, как пень, и застить свет.

И тот, что спать ложится рано,
И тот бессонный здоровяк,
Что из вагона-ресторана
Приходит в полночь «на бровях».

И тот, что пьет всех больше чая,
Притом ворчит,
Что чай испит,
И, ближних в храпе обличая,
Сам как зарезанный храпит.

И тот, что радио не любит,
И тот, что слушать дай да дай,
И тот, и всякий...

Словом, люди,
В какую их ни кинуть даль.

И на путях большого мира
Мне дорог, мил
И этот мир...

Съезжает вдруг жилец с квартиры,
Вдруг сходит спутник-пассажир...

И пусть с тобой он даже спички
Не разделил за этот срок,
Но вот уже свои вещички
Он выдвигает за порог.

Вот сел у двери отрешенно —
Уже на убыль стук колес,—
Вот встал и вышел из вагона,
И жизни часть твоей унес...

Но это что. Иное дело,
Когда, как водится в пути,
Знакомство первое успело
До дружбы, что ли, дорасти.

Читатель, может быть, припомнит
Молодоженов-москвичей,
Что в стороне держались скромно,
Дорогой заняты своей,
Своей безмолвной беседой
Про тот, наверно, край земли,
Куда они впервые едут
В составе собственной семьи.

Когда пошли уже к Уралу
Холмы — заставы главных гор,—
Супруги юные помалу
Втянулись в общий разговор.

Должно быть, так, что с непривычки
Взгрустнулось,—критик, погоди:
Не версты дачной электрички,
А вся Европа позади.

И, отдаваясь этой дали,
Что открывалась душам их,
Они с отрадой обретали
Опору в спутниках своих.

И постигали вьявь при свете
Дневном на этом рубеже,
Что — да, они уже — не дети,
И счет пошел иной уже...

Распросы, толки, тары-бары...
Уже, проход загородив,
Вокруг и возле этой пары
Вагонный сладился актив.

На всех пахнуло в самом деле
Как будто временем иным,
И все по-своему хотели
Не сплеховать при встрече с ним;

Не оттолкнуть почтенной спесью:
Мол, то ли дело в наши дни;
Не затянуть унылой песни
Во вкусе матушки-родни —
Той, чьи советы, поученья
И справки — в горле у детей:
Насчет превратностей снабженья
И климатических страстей.

Но все ж избыточное время
В пути заставило и нас
Отдать свой долг обычной теме,
Что все имеют про запас.

Мол, край земли — оно понятно,
И в шалаше с любимым — рай.
Но на Арбат попасть обратно
Сложнее, чем на этот край.

Да, да. Не всем в аспирантуру,—
Нет, нужно в жизнь пойти сперва.
Но взять Калинин либо Тулу:
И жизнь, и в трех часах Москва...

Беда, что все до меду падки,—
Себе не враг никто живой:
Тот строит город на Камчатке,
А дачу лепит под Москвой.

Тот редкой верностью Сибири
Уже повсюду знаменит,
А там, в столице, на квартире
Жена за сторожа сидит...

И, кстати, речь зашла о женах,
Особо любящих Москву,
Что хоть в каких ютятся зонах,
Лишь ею грезят наяву.

Хоть где-то, где-то, чуть маяча,
Томит им души до беды
Москва — мечта,
Москва — задача,
Москва — награды за труды.

А впрочем, если виновата
Она — Москва — какой виной,
Так разве той, что маловато
На всех про всех ее одной.
И хоть бы втрое растянулась,
Так не вместиться всем в одну...

Но не твое ли время, юность,
Нести ее на всю страну?
В леса и степи до предела
Идти со связью от нее.
То не твое ли нынче дело,
Друг верный — молодость?..

Твое!

Твое по праву и по нраву.
Твое по счету голосов.
Несет тебе и честь и славу
Земли родимой этот зов.

Не для того тебя растили
И сберегали как могли,
Чтоб ты в поре своей и силе
Чуралась матери-земли.

Земли, нетоптаной, нерытой,
Таящей зря свои дары.
Необжитой, недомотаной

И небом крытой
До поры.

Тебе сродни тех далее ветер.
Ты знаешь: очередь твоя —
Самой в особом быть ответе
За все передние края.

За всю громоздкую природу,
Что в дело нам отведена,
За хлеб и свет, тепло и воду,
За все,
Чем в мире жизнь красна...

Прошу учесть, читатель строгий,
Что у стиха свои права:
Пусть были сказаны в дороге
Не эти именно слова.
И за отсутствием трибуны
Шла речь обыденной вдвойне...

Но вот супруг, наш спутник юный,
Вдруг поднял руку:
— Дайте мне.

Он старшим был в их славной паре
И, видно, парень с головой,
Из тех, что в каждом семинаре
Резон отстаивают свой.

— Позвольте мне, — сказал он тихо. —
Мы сами вызвались сюда.
Хоть знаем все, почему там лихо,
Но сами... Просто — от стыда.

Да! Что же: речи, песни, письма,
А как до дела — так меня
Авось хоть в ту же Тулу втиснет
Руководящая родня...

И нужды нет притом лукавить,
Что мне Москва не хороша,
И что не жаль ее оставить,
И не лежала к ней душа.

Зачем выдумывать пустое,—
Вдали она еще милей.
Еще теплей.
Но разве стоят
Те блага — совести моей!

Бочком ходить, светить глазами —
Была бы нам судьба тошна.
Иную мы избрали сами,
Я правду говорю, жена?

Мы с ним в купе сидели рядом,
И та из своего угла
Его влюбленным, долгим взглядом,
Не отрываясь, берегла.

И не впервые вслух, должно быть,
Она сказала те слова,
Что про себя имели оба:
— Где мы с тобой, там и Москва...

И даже чуть плечом пожала —
Мол, знаешь сам: ответ готов.
И все признали, что, пожалуй,
Не скажешь лучше этих слов.

Пусть жизнь своею жесткой меркой
Измерит емкость их потом,
Когда любовь пройдет проверку
И обживет свой новый дом.

Но это доброе присловье —
Залог и дружбы и семьи.
И с ним полезен для здоровья
Любой на свете край земли...

Тот край, тот мир иной — до срока
Он не вступал еще в права.
И от Москвы как ни далеко,
То все еще была Москва.

Москва, что дали рассекала
Своей стальной колеей.
Тайга ли, степи или скалы —

Все это было за стеной;
Все за окном неслось вагонным.

А тут, внутри, была она,
С ее уютом, протяженным
До крайней шпалы полотна.

Тут из конца в конец державы,
Защищена от непогод,
Она тепло свое держала
И свой столичный обиход.

И если поезд передышку
Себе в работе позволял,
Там был хоть малый городишко —
Москвы образчик, хоть вокзал;
Хоть водокачка — знак приметный
Культуры с дедовских времен;
Хоть «Пиво — воды», хоть газетный
Киоск, закрытый на ремонт...

Так час за часом вдаль столица
Свою разматывает нить,
Пока не время с ней проститься,
С ее подножки сосупить
И очутиться вдруг в Сибири,
В полубезвестной точке той,
Что для тебя в подлунном мире —
Отныне дом и адрес твой,
Где жить и быть, располагаться,
Топтать земли тот самый край,
Брать в оборот его богатства, —
И вот когда, Москва, прощай!

Она помедлит там учтиво,
Но тихо тронется состав,
И канет в даях это диво...

Ты не случайно ли отстал?
Не побежишь за этим спальным
Цепляться, виснуть как-нибудь?
Нет? Все в порядке, все нормально?
Тогда живи и счастлив будь!

И мы своим молодоженам,
Когда настала их пора,
На остановке всем вагоном
Желали всякого добра.

Как будто мы уже имели
На них особые права.
Как будто мы их к этой цели
И подготовили сперва.

Как будто наша в том заслуга,
Что старше мы друзей своих.
Как будто мы их друг для друга
Нашли и поженили их...

И вот они на том вокзале,
Уже в толпе других людей...
И мы глядим на них глазами
Минувшей юности своей;
Глазами памяти суровой
И светлой — тех ушедших лет,
Когда по зову жизни новой
Мы брали дальний свой билет...

Все та же даль.
Но годы — те ли!
Мы юным сменщикам своим
Сказать, быть может, не хотели,
Как мы завидовали им.

Полна, красна земля родная
Людьми надежных душ и рук.
Всё та же, та же, да иная
И даль,
и жизнь,
и всё вокруг...

На Ангаре

В крутые памятные сроки
Я побывал на Ангаре,
Когда особая для стройки
Была задача на поре.

Она была для многих внове,
Видавших всякие жары,
Все, словом, было наготове
Для перекрытья Ангары.
Все начеку, чтоб разом прыгнуть
На приступ: люди — до души,
Борта машин, и стрелы кранов,
И экскаваторов ковши...

А между тем река играла,
Крошила берег насыпной,
Всю прибыль мощных вод Байкала
В резерве чуя за собой.

Играла беглыми цветами
И, вся прозрачная до дна,
Свиваясь длинными жгутами,
Неслась, дика и холодна.

Крутой отсвечивая гладью,
Гнала волну волне вослед,
Как будто ей и толку нет,
Что люди вправду пять за пядью
К ней подбирались столько лет;

Что не на шутку шли подкопом
В пластах породы и песков,
Призвав сюда немалый опыт
С иных далеких берегов;

Что эта сила,
С флангов, с тыла
Пододвигаясь день за днем,
На клетки плес разгородила,
Прошла по дну и подо дном;

Вдавила вглубь рубеж бетонный,
Стальной решеткой проплетенный,
Недвижно вечный, как скала,
И, выбрав наверх гравий донный,
Громаду-насыпь возвела.

И в ней из хитрого расчета
Убавив исподволь простор,

Реке оставила ворота,
Чтоб взять их завтра на запор.

Уже был связан мост понтонный
На быстрине — звено в звено,—
Откуда груз тысячетонный
В свой час низринется на дно.

Тот час уже в окно стучался
Не без торжественных затей:
Съезжались гости и начальство
Различных рангов и статей;

Корреспондентов специальных
Нетерпеливая орда —
Одной и вместе с тем «Центральной»
В те дни гостиницы страда.

Сбивалось множество народу,
Толпясь, глядеть на эту воду
И переглядываться:
— Д-да...

Предположенья, слухи, толки,
Сужденья вольных знатоков
О недостатках подготовки,
О риске и перестраховке
И установке
От верхов.

Но и о том, как эти воды,
Подобно волжским и иным,
Уже не дар, а дань природы,—
Войдут в назначенный режим;

Подтянут к центрам захолустья,
Дадут запев Сибири всей.
А там еще и Братск, и Устье,
А там и братец Енисей,
А там...

Жестокий в Приангарье —
Под стать зиме — держался зной.
Уже сдавалось — пахнет гарью,
Бедой извечною лесной,

Что со ствола на ствол смолистый
Бежит, как белка, налегке
И в трубку скручивает листья
Зловещим жаром вдалеке.
И сна лишает край таежный,
И расставляет в цепь войска,
И самолетов гул тревожный
Заводит в небе...

А река,
Шурша, жгуты свои свивала,
И от лихой жары тех дней
Вода студеная с Байкала
Еще казалась холодной;

Неслась, красуясь мощью дикой,
Шипучей пеной на груди...

Всё наготове.
А поди-ка —
Встань поперек.
Загороди!..

С утра, с утра
В тот день воскресный,
Во что горазд принаряжен,
И городской народ и местный,
И свой на стройке и безвестный,
Забрав подруг своих и жен
С детьми,— на праздник необычный
Теснился, точно в ГУМ столичный,
Ломился грудью, чтоб места
Занять поближе у моста.

И в самый полдень, как ни жарок,
Не убывал людской напор,
И пестр, и ярмарочно ярк,
И вместе строг был этот сбор.

Один глазел —
Врожденный зритель,
Любитель истый — стар ли, мал;
Другой как раз был сам водитель,
Но в эту смену не попал.

А та пришла, чтоб видеть сына
Иль мужа в самый этот час,
Когда к воде его машина
Пойдет под тысячами глаз.

А кто-то дочку
По платочку,
А кто подружку — на посту
Среди построенных в цепочку
Регулировщиц на мосту —
Распознавал...

Но в этом сборе
Невольно каждый брал в расчет,
Что тут народ —
Не на футболе,
Что праздник — праздник, да не тот.
И речь не та, и смех, и шутки...

А там, у самой Ангары,
Собрался штаб в тесовой будке,
Как улей душной от жары.

Все службы стройки там сидели —
Воды, земли, колес, дорог.
Но всем уже речам о деле,
Как перед боем, срок истек.

Последним кругом для порядка
Поверка старших обошла,
И, на часы взглянув украдкой,
Начальник встал из-за стола.

С последней доброю затяжкой
Вздыхнул — как будто с плеч гора.
И виды видевшей фуражкой
Стол обмахнул.
— Ну что ж, пора...

— Пора!

И враз моторы взвыли,
Секунд своих не уступив,
И самосвалы в клубах пыли
Взошли на пляшущий настил
И развернулись по теченью

Реки — во всю длину моста,
И строим — в ряд, как на ученье,
Над кромкой вздыбились борта.

Рванулся вниз флажок сигнальный,
И точно вдруг издалека
Громовый взрыв породы скальной
Толкнулся в эти берега.

Так первый сброс кубов бетонных,
Тех сундуков десятитонных,
Раздавшись, приняла река...

Она грядой взметнулась пенной,
Сверкнула радугой мгновенной
И, скинув рваную волну,
Сомкнулась вновь.

И видно было,
Как этот груз она катила,
Гнала по каменному дну.

И над ее волной верченой,
Бренча оснасткою стальной,
Мост всколыхнулся, облегченный,
И, вновь подняв заезд груженный,
Прогнулся вровень с той волной.

И снова — в очередь машины,
Под грузом тужась тяжело,
На цель с боков и середины
Зашли.

И так оно пошло.

С погрузки на мост, с моста в гору —
Заезд в заезд смыкался круг.
И был любой шофер шоферу
Как будто кровный брат и друг.

В таком взаимном береженье,
Блюдя черту —
Бортом к борту, —
Кругообразное движение
Не прерывалось на мосту.

Еще тревожная задача
Наружный сдерживала пыл,
Как бой, что был красиво начат,
Но только-только начат был.

И был труднее с каждым часом
В разгаре памятного дня:
Не подоспей боеприпасы —
Бой захлебнется без огня...

Машины шли, теснясь и пятясь,
Держась на той струне тугой:
Не сплеховать,
Не сбавить натиск,
Не проморгать беды лихой...

То был порыв души артельной,
Самозабвенный, нераздельный,—
В нем все слилось — ни дать ни взять:
И удаль русская мирская,
И с ней повадка заводская,
И строя воинского стать;
И глазомер, и счет бесспорный,
И сметка делу наперед.

Сибиряки!
Молва не врет,—
Хоть с бору, с сосенки народ,
Хоть сборный он, зато отборный,
Орел-народ!
Как в свой черед
Плечом надежным подопрет,—
Не подведет!

Сибиряками
Охотно все они звались,
Хоть различались языками,
Разрезом глаз и складом лиц.

Но цвет был общего закала:
Сибири выслуженный дар —
Под слоем летнего загара
Еще там зимний был загар.

Тут были: дальний украинец
И житель ближних мест — бурят,
Казах, латыш и кабардинец,
И гуще прочих — с т а р ш и й б р а т.

И те, кого сюда чин чином
Везли с путевкой поезда,
И те, что по иным причинам
Однажды прибыли сюда;
В труде отбыв глухие сроки,
Перемогли урок жестокий,—
Всего видали до поры,
Бывали дальше Ангары...

Но все теперь как будто дивом,
Своею нынешней судьбой,
Одним охвачены порывом,
В семье сравнялись трудовой,
В сыновней службе не лукавой,
Огнем ученые бойцы.
Деньга — деньгою,
Слава — славой,
Но сверх всего еще по нраву
Класс показать.
Самим по праву
Сказать:
«А что — не молодцы?»

Как дорог мне в родном народе
Тот молодецкий резон,
Что звал всегда его к свободе,
К мечте, живущей испокон.

Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой,—
Тот горделивый жар особый,
Что бить — так бей,
А петь — так пой!..

Гори вовеки негасимо
Тот добрый жар у нас в груди —

И все нам впору, все по силам,
Все по плечу, что впереди.

Немало жито-пережито,
Что хочешь будь и впредь со мной,—
Ты здесь — венец красоты земной,
Моя опора и защита
И песнь моя —
Народ родной!

...День отпылал над сталью плёса
И долгий зной увел в закат.
Все так же по мосту колеса
Держали свой тяжелый лад.

Свергали в воду самосвалы
Свой груз,— казалось, там — гора.
Как в прорву все. Как не бывало!
И Ангара —
Как Ангара.

Лишь под не виданным вовеки
Огнем прожекторных лучей
Играла,— все на свете реки
Могли завидовать бы ей.

В лучах играла вся окрестность,—
Сверкала, что дворцовый бал.
И неохотно люд воскресный
Домой с площадки убывал.

Работам ночь не помешала,
Забыто было есть и пить,
И смена смене не желала
Добром штурвалы уступить.

И ночь прошла.
И новый полный
День на дежурство заступил.
И все вились жгутами волны,
Все тот же был
Байкальский тыл.

И только в полдень, в лад со сроком,
Что был назначен неспроста,

Как над невидимым порогом,
Вода забила у моста.

И, крупной пеной богатея,
Пошла в десяток рукавов,
Когда означились над нею
Углы бетонных сундуков.

Ярясь, грозясь, кипела пуще,
Гремел с бортов за сбросом сброс.
Над быстриной, ревмя ревущей,
Ходил гармонью зыбкий мост.

За сбросом сброс гремел в придачу,
Росла бетонная гряда,
Но не хотела стать стоячей
Весь век бежавшая вода,
Не собиралась кончить миром...

Я помню миг, как тень беды
Прошла по лицам командиров,
Не отходивших от воды.

Ей зоркий глаз людской не верил..
Чуть стихла, силы притаив,
И вдруг, обрушив левый берег,
В тот узкий кинулась прорыв..

Слова команды прозвучали,
Один короткий взмах флага —
И, точно танки РГК,
Двадцатитонные «минчане»,
Качнув бортами, как плечами,
С исходной, с грузом — на врага.

И ни мгновенья передышки —
За самосвалом — самосвал,
Чтоб в точку!

В душу!

Наповал!

Так путь воде закрыл завал.
И оператор с киновышки
Хватился поздно —
Кадр пропал.

И знать, для сходного конфуза,
На верхотуре выбрав пост,
Отваги полный, член Союза
Художников сидел, как дрозд.

Высоким долгом, не корыстью,
Он в эти движим был часы —
У Ангары своею кистью
Перехватить ее красы.

Но жалок был набросок смутный,
Не попевала кисть вослед
Реке, менявшей поминутно
Своей волны летучий цвет...

И я над кипенью студеной,
В числе растроганных зевак,
Стоял, глазел, как пригвожденный...
Начальник подошел.

— Ну, как?

Поэма будет? Чем не тема! —

И я, понятно, не протак,

Ответил:

— Вот она, поэма! —

Он успехнулся:

— Так-то так...

Под нами шла река, стихая.
Мы понимали — он и я:
Поэма, верно, неплохая,
Да жаль, покамест — не твоя...

Тем часом мост махал флажками,
Не остывая, длился бой.
Вслед за кубами-сундуками
Пошел в отгрузку дикий камень,
Бетонный лом, кирпичный бой...

Уже бульдозеры, направив
На перемычку лемеха,
Пошли пахать песок и гравий,
На ней сближая берега.

Уже слабел напор в запруде.
Но день тревожен был и труден,

Дождем грозился тяжкий зной.
Как на лугу, спешили люди,
С последней справиться копной.
Курил начальник, глядя в воду,
Предвестьем скрытно удручен.
Он знал, что не бюро погоды —
Нет, и за дождь ответит он.

Седой крепыш, майор запаса,
По мерке выверенной сшит,
Он груз и нынешнего часа
Нес, как солдату надлежит.
Мол, тяжелей — как без привычки,
А наше дело — не впервой.

И в гром работ на перемышке
Ворвался праздный, гулевой
Гром сверху.

Капли забренчали
По опорожненным бортам...
— Ну, хлопцы, не было печали.
Держись!..—

И все держались там.

Закиселилась, как трясина,
На съезде глинистая грязь...

Свалив свой груз, одна машина
Вдруг задом, задом подалась
К воде.

Мотор завыл натужно...

— Ребята! — вскрикнул бригадир.
Вцепились.—

Раз-два!

Взяли!

Дружно! —

В боях испытанный буксир.

Вздохнули все, расправив спины.
Не веря сам, что он живой,
Водитель вылез из кабины,
Как из-под крышки гробовой,
И огляделся виновато...

Тут смех и ругань:
— Эх, тулуп! —
И вывод, может, грубоватый:
— Механизация, ребята,
Проходит тоже через пуп...

И все веселыми глазами —
И пожилые и юнцы —
Блестели, хоть и не сказали
Тех слов:
«А что — не молодцы?»

Короткой сверзившись напастью,
Дождь оторвался от земли.
И в вечер сумерки ненастья
И в ночь без грани перешли...

Победа шла с рассветом ранним,
Облитым с ночи тем дождем.
Река еще текла в проране,
Но тихо было под мостом.

Теперь она была похожа
На мелкий в каменистом ложе
Разгон теряющий поток.
Поток —
На горный ручеек,
Что мог перешагнуть прохожий,
Не замочив, пожалуй, ног.

Осталось двум бульдозеристам
Завалом влажным и зернистым
Угломонить и тот ручей,
Что был меж них чертой ничьей.

Лицом к лицу — попеременно —
То задний ход,
То вновь вперед...
На них двоих уже вся смена
Глядела — кто же перейдет.

Сближая гравий планировки,
Вели тот спор между собой
Один — в заношенной спецовке,
Другой — в тельняшке голубой.

Ждала, глядела, замирая,
Вся смена, сбившись на мосту,
Тому и этому желая
Скорее выйти за черту.

Был налицо их пыл горячий:
Кому открыть по гребле путь.
Но с виду — словно той задачей
Не озабочены ничуть.

Пошел, пошел по самой бровке
Тот, что в тельняшке. Заспешил.
Затор!
И первенство — спецовке.
И оба спрыгнули с машин.

Да, это видеть было надо,
Как руку встретила рука.
Как будто, смяв войска блокады,
Встречались братские войска.
Двух встречных армий
Два солдата —
Друг другу руки жмут ребята.

Аплодисментов дробный град
Затихнул.
Щелкнул аппарат...

Что дальше делать — вот задача.
Вдруг кто-то в голос —
сверху
вниз!

— Целуйтесь, черти; —
Чуть не плача,
Вскричал.
И хлопцы обнялись.

Минула памятная вежа,
Оставлен сзади перевал.
И тут уже пошла потеха, —
Я сам кого-то обнимал...

Со всех бессонье и усталость —
Долой.
Одна под смех кругом

Девчонка слабо отбивалась
От парня свернутым флажком...
Тот час рассветный, небывалый,
Тот праздник подлинный труда
Я не забуду никогда...
...Как мне тебя не доставало,
Мой друг, ушедший навсегда!..

Кто так, как ты, еще на свете
До слез порадоваться мог
Речам, глазам и людям этим!
Зачем же голос твой умолк?..

Все выше, словно по ступеням,
Шел торжества отрадный час.
Спецзавтрак был объявлен смене
И краткий праздничный приказ.

Уже народ подался с моста,
Гадая в простоте сердец,
По полтораста или по сто
На брата выйдет этот «спец»...

Шутила зрелость, пела юность.
И, чистым пламенем горя,
С востока тихо развернулась
В треть неба дымная заря.

Над лесом кранов, эстакадой,
Над главной насыпью-горой,
Над юным городом по скату,
Над Ангарой,
Над Ангарой —
Заря,
Заря прошла, сгорая
При свете утренней поры,
И следом солнце красным краем —
Большое — вышло из горы.

Блестела светом залитая,
Дождем обмытая трава...

Ах, как горька и не права
Твоя седая, молодая,
Крутой посадки голова!..

Привычным опытом займемся
В другом купе на четверых,
Давно попутчики-знакомцы
Сошли на станциях своих.

Да и вагон другой. Ну что же:
В пути, как в жизни, всякий раз
Есть пассажиры помоложе,
И впору нам, и старше нас...

Душа полна, как ветром парус,
Какая даль распочата!
Еще туда-сюда — Чита,
А завалился за Хабаровск —
Земля совсем уже не та.

Другие краски на поверке,
И белый свет уже не тот.
Таежный гребень островерхий
Уже по сердцу не скребнет.

Другая песня —
Краснолесье,—
Не то леса, не то сады.
Поля, просторы — хоть залейся,
Покосы буйны — до беды.

В новинку мне и так-то любы
По заливному долинам рек,
Там-сям в хлебах деревьев купы,
Что здесь не тронул дровосек...

Но край, таким богатством чудный,
Что за окном, красуясь, тек,
Лесной, земельный, горнорудный,
Простертый вдоль и поперек,—
И он таил в себе подспудный
Уже знакомый мне упрек.

Смотри, читалось в том упреке,
Как изобилен и широк
Не просто край иной, далекий,
А Дальний, именно, Восток,—
Ты обозрел его с дороги
Всего на двадцать, может, строк.

Слуга балованный народа,
Давно не юноша, поэт,
Из фонда богом данных лет
Ты краю этому и года
Не уделил.

И верно — нет.

А не в ущерб ли звонкой славе
Такой существенный пробел?
Что, скажешь: пропасть всяких дел?..
Нет, но какой мне край не вправе
Пенять, что я его не пел!

Начну считать — сбьюсь со счета:
Какими ты наделена,
Моя великая страна,
Краями!

То-то и оно-то,
Что жизнь, по странности, одна...

И не тому ли я упреку
Всем сердцем внял моим, когда
Я в эту бросился дорогу
В послевоенные года.

И пусть виски мои седые
При встрече видит этот край,
Куда добрался я впервые.

Но вы глядите, молодые,
Не прогадайте невзначай
Свой край, далекий или близкий,
Свое призванье, свой успех —
Из-за московской ли прописки
Или иных каких помех...

Не отблеск, отблеском рожденный,—
Ты по себе свой край оставь,
Твоею песней утвержденный,—
Вот славы подлинной устав!

Как этот, в пору новоселья,
Нам край открыли золотой
Ученый друг его Арсеньев
И наш Фадеев молодой.
Заветный край особой славы,

В чьи заповедные места
Из-под Орла, из-под Полтавы
Влеклась народная мечта.

Пусть не мое, а чье-то детство
И чья-то юность в давний срок
Теряли вдруг в порту Одессы
Родную землю из-под ног;
Чтоб в чуждом море пост жестокий
Переселенческий отбыть
И где-то, где-то на востоке
На твердый берег сосупить.

Нет, мне не только что из чтенья,
Хоть книг довольно под рукой,
Мне эти памятли виденья
Какой-то памятью другой...

Безвестный край.
Пожитков гряда,
Ночлег бездомный.
Плач ребят.
И даль Сибири, что отсюда
Лежит с восхода на закат...

И я, с заката прибывая,
Ее отсюда вижу вдруг.
Ага! Ты вот еще какая!
И торопливей сердца стук...

Огни. Гудки.
По пояс в гору,
Как крепость, врезанный вокзал.
И наш над ним приморский город,
Что Ленин наш е н с к и м назвал...

Такие разные — и все же,
Как младший брат
И старший брат,
Большим и кровным сходством схожи
Владивосток и Ленинград.

Той службе преданные свято,
Что им досталась на века,
На двух краях материка

Стоят два труженика-брата,
Два наших славных моряка —
Два зримых миру маяка...

Владивосток!
Наверх, на выход.
И — берег! Шляпу с головы
У океана.
— Здравствуй, Тихий,
Поклон от матушки-Москвы;

От Волги-матушки — не малой
И по твоим статям реки;
Поклон от батюшки-Урала —
Первейшей мастера руки;
Еще, понятно, от Байкала,
Чьи воды древнего провала
По-океански глубоки;

От Ангары и всей Сибири,
Чей на земле в расцвете век,—
От этой дали, этой шири,
Что я недаром пересек.

Она не просто сотня станций,
Что в строчку тянутся на ней,
Она отсюда и в пространстве
И в нашем времени видней.

На ней огнем горят отметки,
Что поколенью моему
Светили с первой пятилетки,
Учили смолоду уму...

Все дни и дали в глубь вбирая,
Страна родная, полон я
Тем, что от края и до края
Ты вся — моя,

моя,
моя!

На все, что внове
И не внове,

Навек прочны мои права.
И все смелее, наготове
Из сердца верного слова.

Так это было

..Когда кремлевскими стенами
Живой от жизни огражден,
Как грозный дух он был над нами,—
Иных не знали мы имен.

Гадали, как еще восславить
Его в столице и селе.
Тут ни убавить,
Ни прибавить,—
Так это было на земле...

Мой друг пастушеского детства
И трудных юношеских дней,
Нам никуда с тобой не деться
От зрелой памяти своей.

Да нам оно и не пристало —
Надеждой тешиться: авось
Уйдет, умрет — как не бывало
Того, что жизнь прошло насквозь.

Нет, мы с тобой другой породы,—
Минувший день не стал чужим.
Мы знаем те и эти годы
И равно им принадлежим...

Так это было: четверть века
Призывом к бою и труду
Звучало имя человека
Со словом Родина в ряду.

Оно не знало меньшей меры,
Уже вступая в те права,
Что у людей глубокой веры
Имеет имя божества.

И было попросту привычно,
Что он сквозь трубочный дымок
Все в мире видел самолично
И всем заведовал, как бог;

Что постирались эти руки
До всех на свете главных дел —
Всех производств,
Любой науки,
Морских глубин и звездных тел;

И всех свершений счет несметный
Был предуказан — что к чему;
И даже славою посмертной
Герой обязан был ему...

И те, что рядом шли вначале,
Подполье знали и тюрьму,
И брали власть, и воевали,—
Сходили в тень по одному;

Кто в тень, кто в сон — тот список
длинен,—

В разряд досрочных стариков.
Уже не баловал Калинин
Кремлевским чаем ходоков...

А те и вовсе под запретом,
А тех и нет уже давно.
И где каким висеть портретам —
Впредь на века заведено...

Так на земле он жил и правил,
Держа бразды крутой рукой.
И кто при нем его не славил,
Не возносил —
Найдись такой!

Не зря, должно быть, сын востока,
Он до конца являл черты
Своей крутой, своей жестокой
Неправоты.
И правоты.

Но кто из нас годится в судьи —
Решать, кто прав, кто виноват?
О людях речь идет, а люди
Богов не сами ли творят?

Не мы ль, певцы почетной темы,
Мир извещавшие спроста,
Что и о нем самом поэмы
Нам лично он вложил в уста?

Не те ли все, что в чинном зале,
И рта открыть ему не дав,
Уже, вставая, восклицали:
«Ура! Он снова будет прав...»?

Что ж, если опыт вышел боком,
Кому пенять, что он таков?
Великий Ленин не был богом
И не учил творить богов.

Кому пенять! Страна, держава
В суровых буднях трудовых
Ту славу имени держала
На вышках строек мировых.

И русских воинов отвага
Ее от волжских берегов
Несла до черных стен рейхстага
На жарком темени стволов...

Мой сверстник, друг и однокашник,
Что был мальчонкой в Октябре,
Товарищ юности незряшной,
С кем рядом шли в одной поре,—
Не мы ль, сыны, на подвиг дерзкий,
На жертвы призванной земли,
То имя-знамя в нашем сердце
По пятилеткам пронесли?

И знали мы в трудах похода,
Что были знамени верны
Не мы одни,
Но цвет народа,
Но честь и разум всей страны.

Мы звали — станем ли лукавить? —
Его отцом в стране-семье.
Тут не убавить,
Ни прибавить,—
Так это было на земле.

То был отец, чье только слово,
Чьей только брови малый знак —
Закон.
Исполни долг суровый —
И что не так,
Скажи, что так...

О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...

А что подчас такие бури
Судьбе одной могли послать,
Во всей доподлинной натуре —
Тебе об этом лучше знать.

Но в испытаньях нашей доли
Была, однако, дорога
Та непреклонность отчей воли,
С какою мы на ратном поле
В час горький встретили врага...

И под Москвой, и на Урале —
В труде, лишениях и борьбе —
Мы этой воле доверяли
Никак не меньше, чем себе.

Мы с нею шли, чтоб мир избавить,
Чтоб жизнь от смерти отстоять.
Тут ни убавить,
Ни прибавить,—
Ты помнишь все, отчизна-мать.

Ему, кто всем, казалось, ведал,
Наметив курс грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам...

На торжестве о том ли толки,
Во что нам стала та страда,
Когда мы сами вплоть до Волги
Сдавали чохом города.

О том ли речь, страна родная,
Каких и скольких сыновей
Не досчиталась ты, рыдая
Под гром победных батарей...

Салют!
И снова пятилетка.
И все тесней лучам в венце.
Уже и сам себя нередко
Он в третьем называл лице.

Уже и в келье той кремлевской,
И в новом блеске древних зал
Он сам от плоти стариковской
Себя отдельно созерцал.

Уже в веках свое величье,
Что весь наш хор сулил ему,
Меж прочих дел, хотелось лично
При жизни видеть самому.

Спешил.
И все казалось мало.
Уже сомкнулся с Волгой Дон.
Канала
Только не хватало,
Чтоб с Марса был бы виден он!..

И за наметкой той вселенской
Уже как хочешь поспевай —
Не в дальних далях,— наш смоленский,
Забытый им и богом,
Женский,
Послевоенный вдовый край.

Где занесло следы поземкой
И в селах душам куцый счет,
А мать-кормилица с котомкой
В Москву за песнями бредет...

И я за дальней звонкой далью,
Наедине с самим собой,
Я всюду видел тетку Дарью
На нашей родине с тобой;

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избыю без сеней,
И трудоднем пустопорожним,
И трудоночью — не полней;

С ее дурным озимым клином
На этих сотках под окном;
И на печи ее овином,
И среди избы гумном;

И ступой — мельницей домашней —
Никак, из древности седой;
Со всей бедой —
Войной вчерашней
И тяжелой нынешней бедой.

Но и у самого предела
Тоски, не высказанной вслух,
Сама с собой — и то не смела
Душа ступить за некий круг.

То был рубеж запретной зоны,
Куда для смертных вход закрыт,
Где стража зоркости бессонной
У проходных вросла в гранит...

И, видя жизни этой вечер,
Помыслить даже кто бы смог,
Что и в Кремле никто не вечен
И что всему выходит срок...

Но не ударила царь-пушка,
Не взвыл царь-колокол в ночи,
Как в час урочный та *Старушка*
Подобрала свои ключи —
Ко всем дверям, замкам, запорам,
Не зацепив лихих звонков,
И по кремлевским коридорам
Прошла к нему без пропусков.

Вступила в комнату без стука,
Едва заметный знак дала —
И удалилась прочь наука,
Старушке этой сдав дела...

Сломилась ночь, в окне синяя
Из-под задернутых гардин.
И он один остался с нею,
Один —
Со смертью — на один...

Вот так, а может, как иначе —
Для нас, для мира не простой,
Тот день настал,
Черту означил,
И мы давно за той чертой...

Как говорят, отца родного
Не проводил в последний путь,
Еще ты вроде молодого,
Хоть борода ползи на грудь.

Еще в виду отцовский разум,
И власть, и опыт многих лет...
Но вот уйдет отец — и разом
Твоей той молодости нет...

Так мы не в присказке, на деле,
Когда судьба потряхнула нас,
Мы все как будто постарели —
Нет, повзрослели — в этот час.

Безмолвным строем в день утраты
Вступали мы в Колонный зал,
Тот самый зал, где он когда-то
У гроба Ленина стоял.

Стоял поникший и спокойный
С рукою правой на груди.
А эти годы, стройки, войны —
Все это было впереди;

Все эти даты, вехи, сроки,
Что нашу метили судьбу,

И этот день, такой далекий,
Как видеть нам его в гробу.

В минуты памятные эти —
На тризне грозного отца —
Мы стали полностью в ответе
За все на свете —
До конца.

И не сробели на дороге,
Минуя трудный поворот.
Что ж, сами люди, а не боги
Смотреть обязаны вперед.

Там — хороши они иль плохи —
Покажет дело впереди,
А ей, на всем ходу, эпохе,
Уже не скажешь: «Погоди!»

Не вступишь с нею в словопренья,
Когда гремит путем своим...
Не останавливалось время,
Лишь становилось иным.

Земля живая зеленела,
Все в рост гнала, чему расти.
Творил свое большое дело
Народ на избранном пути.

Страну от края и до края,
Судьбу свою, судьбу детей
Не божеству уже вверяя,
А только собственной своей
Хозяйской мудрости.

Должно быть,
В дела по-новому вступил
Его, народа, зрелый опыт
И вместе юношеский пыл.

Они как будто из-под спуда
Возникли — новый брать редут...
И что же — чудо иль не чудо, —
Дела идут не так уж худо —
И друг и недруг признают.

А если кто какой деталью
Смущен, так правде не во вред
Давайте спросим тетку Дарью —
Всего ценней ее ответ...

Но молвить к слову: на Днестре ли,
На Ангаре ль — в любых местах —
Я отмечал: народ добрее,
С самим собою мягче стал...

Я рад бывал, как доброй вести,
Как знаку жданных перемен,
И шутке нынешней и песне,
Что дням минувшим не в пример.

Ах, песня в поле, — в самом деле
Ее не слышал я давно,
Уже казалось мне, что пели
Ее лишь где-нибудь в кино,—

Как вдруг он с дальнего покоса
Возник в тиши вечеровой,
Воскресшей песни отголосок,
На нашей родине с тобой.

И на дороге, в темном поле,
Внезапно за душу схватив,
Мне грудь стеснил до сладкой боли
Тот грустный будто бы мотив...

Я эти малые приметы
Сравнил бы смело с целиной
И дерзким росчерком ракеты,
Что побывала за Луной...

За годом — год, за вехой — веха.
За полосой — полоса.
Нелегко путь.
Но ветер века —
Он в наши дует паруса.

Вступает правды власть святая
В свои могучие права,

Живет на свете, облетая
Материки и острова.

Она все подлинней и шире
В чреде земных надежд и гроз.
Мы — это мы сегодня в мире,
И в мире с нас
Не меньший спрос!

И высших нет для нас велений —
Одно начертано огнем:
В большом и малом быть, как Ленин,
Свой ясный разум видеть в нем.

С ним сердцу нечего страшиться,
И в нашей книге золотой
Нет ни одной такой страницы,
Ни строчки, даже запятой,
Чтоб нашу славу притемнила,
Чтоб заслонила нашу честь.

Да, все, что с нами было,—
Было!
А то, что есть,—
То с нами здесь!

И все от корки и до корки,
Что в книгу вписано вчера,
Все с нами — в силу поговорки
Насчет пера
И топора...

И правда дел — она на страже,
Ее никак не обойдешь,
Все налицо при ней — и даже
Когда молчанье — тоже ложь...

Кому другому, но поэту
Молчать потомки не дадут,
Его к суровому ответу
Особый вытребует суд.

Я не боюсь суда такого
И, может, жду его давно,

Пускай не мне еще то слово,
Что ёмче всех, сказать дано.

Мое — от сердца — не на ветер,
Оно в готовности любой:
Я жил, я был — за все на свете
Я отвечаю головой.

Нет выше долга, жарче страсти
Стоять на том
В труде любом!

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоём.
За новым трудным перевалом —
Вздыхнуть
С тобою заодно.
И дальше в путь —
Большим иль малым,
Ах, самым малым
Все равно!

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль,
Как твой призыв:
Со мною следуй,
И обретай в пути,
И ведай
За далью — даль.
За далью — даль!

До новой дали

Пора!
Я словом этим начал
Мою дорожную тетрадь.
Теперь оно звучит иначе:
Пора и честь, пожалуй, знать.

Ах, эти длительные дали,
Дались они тебе спроста.
Читали — да. Но ждать устали:
Когда ж последняя верста.

А сколько дел, событий, судеб,
Людских печалей и побед
Вместилось в эти десять суток,
Что обратились в десять лет!

Все верно: в сроках не потрафил,
Но я прошу высокий суд
Учесть, что мне особый график
Составлен был на весь маршрут.

И что касается охвата
Всего, что в памяти любой,—
Суди по правде, как солдата,
Что честно долг исполнил свой
Он воевал не славы ради.
Рубеж не взял? И сам живой?
Не представляй его к награде,
Но знай — ему и завтра в бой.

И что в пути минули сроки —
И в том вины особой нет.
Мои герои все в дороге,
Да ты и сам не домосед.

Ты сам, читатель, эти дали
В пути проверил и постиг.
В своем бывалом чемодане
Держа порой и мой дневник.

Душа моя принять готова
Другой взыскательный упрек.
Что ткань бедна: редка основа,
Неровен бедный мой уток;

Что, может быть, не ярки краски
И не заманчив общий тон;
Что ни завязки,
Ни развязки —
Ни по началу, ни потом...

Ах, сам любитель я, не скрою,
Чтоб с места ясен был вопрос —
С приезда главного героя
На новостройку иль в колхоз,

Где непорядков тьма и бездна,
Но прибыл с ним переворот,
И героиня в час приезда
Стоит случайно у ворот.

Он холост, или же в разводе,
Или с войны еще вдовец,
Или от злой жены беглец,
Иль академик-молодец,
И все, что надо, — на подходе,
Хоть не заглядывай в конец.

Но сам лишен я этой хватки:
И совесть есть, и лень, прости,
В таком развернутом порядке
Плетень художества плести.

А потому и в книге этой —
Признаться, правды не тая, —
Того-другого — званья нету,

Всего героев —
ты да я,
Да мы с тобой.

Так песня спелась.
Но, может, в ней отозвались
Хоть как-нибудь наш труд и мысль,
И наша молодость и зрелость,
И эта даль,
И эта близь?

Что горько мне, что тяжело было
И что внушало прибыль сил,
С чем жизнь справляться торопила, —
Я все сюда и заносил.

И неизменно в эту пору,
При всех изгибах бытия,
Я находил в тебе опору,
Мой друг и высший судия.

Я так обязан той подмоге
Великой — что там ни толкуй, —

Но и тебя не прочу в боги,
Лепить не буду новый культ.

Читатель, снизу или сверху
Ты за моей следишь строкой,
Ты тоже — всякий на поверку,
Бываешь — мало ли какой.

Да, ты и лучший друг надежный,
Наставник строгий и отец.
Но ты и льстец неосторожный,
И вредный, к случаю, квасец.

И крайним слабостям потатчик,
И на расправу больно скор.
И сам начетчик
И цитатчик,
И не судья,
А прокурор.

Беда бедой твой пыл бессонный,
Когда вдобавок ко всему
Еще и книжкой пенсионной
Ты обладаешь на дому.

Не одному бюро погоды
Спешишь ты всыпать поскорей,
Хоть на почтовые расходы
Идет полпенсии твоей.

Добра желаючи поэту,
Наставить пробуя меня.
Ты пишешь письма в «Литгазету»,
Для «Правды» копии храня...

И то не все. Замечу кстати:
Опасней нет болезни той,
Когда, по скромности, читатель,
Ты про себя, в душе,—писатель,
Безвестный миру Лев Толстой.

Ох, вы, мол, тоже мне, писаки,
Вот недосуг за стол засесть...

Да, и такой ты есть и всякий,
Но счастлив я, что ты, брат, есть!

Не запропал, не стал дитятей,
Что наша маменька-печать
Ласкает, тешась:
— Ах, читатель,
Ах, как ты вырос — не достать!

Сама пасет тебя тревожно
(И уморить могла б, любя):
— Ах, то-то нужно, то-то можно,
А то-то вредно для тебя...

Ты жив-здоров — и слава богу,
И уговор не на словах:
В любую дальнюю дорогу
На равных следовать правах...

Ты помнишь, я свой план невинный
Представил с первого столбца:
Прочти хотя б до половины,
Авось — прочтешь и до конца.

Прочел по совести. И что же:
Ты книгу медленно закрыл,
Вздыхнул, задумался, похоже.
Ну вот. А что я говорил?

Прости, что шутка на помине,
Когда всерьез не передать,
Как нелегко и эту ныне
Мне покидать свою тетрадь...

Не то чтоб жаль, но как-то дико.
Хоть этот миг —
Желанный миг:
Была тетрадь — и стала книга
И унеслась дорогой книг.

Уже не кинешься вдогонку
За ней во все ее края...
Так дочка дома — все девчонка,
Вдруг — дочь. Твоя и не твоя.

Скорбеть о том не много проку,
Что низок детям отчий кров.
Иное дело, с чем в дорогу
Ты проводил родную кровь.

И мне уже не возвратиться
Назад, в покинутый предел.
К моей строке или странице,
Что лучше б мог, как говорится,
Да не сумел.
Иль не посмел.

Тем преимуществом особым
При жизни автор наделен:
Все слышит сам, но, как за гробом,
Уже сказать не может он,
Какой бы ни был суд неместный...

Но если вправду он живой,
Он в новый замысел безвестный
Уже уходит с головой.

И, распростившись с этой далью,
Что подружила нас в пути,
По счастью, к новому свиданью
Уже готовлюсь я. Учти!

Конца пути мы вместе ждали.
Но прохлаждаться недосуг.
Итак, прощай.
До новой дали.
До скорой встречи,
Старый друг!

Теркин на том свете

1963

Тридцати неполных лет —
Любо ли не любо —
Прибыл Теркин
На тот свет,
А на этом убыл.

Убыл-прибыл в поздний час
Ночи новогодней.
Осмотрелся в первый раз
Теркин в преисподней...

Так пойдет — строка в строку —
Вразворот картина.
Но читатель начеку:
— Что за чертовщина!

— В век космических ракет,
Мировых открытий —
Странный, знаете, сюжет
— Да, не говорите!..

— Ни в какие ворота.
— Тут не без расчета...
— Подоплека не проста.
— То-то и оно-то...

* * *

И держись: наставник строг —
Проникает с первых строк...

Ах, мой друг, читатель-дока,
Окажи такую честь:

Накажи меня жестоко,
Но изволь сперва прочесть.

Не спеши с догадкой плоской,
Точно критик-грамотей,
Всюду слышать отголоски
Недозволенных идей.

И с его лихой ухваткой
Подводить издалека —
От ущерба и упадка
Прямо к мельнице врага.

И вздувать такие страсти
Из запаса бабьих снов,
Что грозят Советской власти
Потрясением основ.

Не ищи везде подвоха,
Не пугай из-за куста.
Отвыкай. Не та эпоха —
Хочешь, нет ли, а не та!

И доверься мне по старой
Доброй дружбе грозных лет:
Я зазря тебе не стану
Байки баять про тот свет.

Суть не в том, что рай ли с адом,
Черт ли, дьявол — все равно:
Пушки к бою едут задом,—
Это сказано давно...

Вот и все, чем автор вкратце
Упреждает свой рассказ,
Необычный, может стать,ся,
Странный, может быть, подчас.
Но — вперед. Перо запело.
Что к чему — покажет дело.

* * *

Повторим: в расцвете лет,
В самой доброй силе

Ненароком на тот свет
Прибыл наш Василий.

Поглядит — светло, тепло,
Ходы-переходы —
Вроде станции метро,
Чуть пониже своды.

Перекрытие — не чета
Двум иль трем накатам.
Вот где бомба ни черта
Не проймет — куда там!

(Бомба! Глядя в потолок
И о ней смекая,
Теркин знать еще не мог,
Что — смотря какая.

Что от нынешней — случись
По научной смете —
Так, пожалуй, не спастись
Даже на том свете.)

И еще — что явь, что сон —
Теркин не уверен,
Видит, валенками он
Наследил у двери.
А порядок, чистота —
Не приткнуть окуроч.
Оробел солдат проста
И вздохнул:
— Культура...

Вот такие бы везде
Зимние квартиры.
Поглядим — какие где
Тут ориентиры.

Стрелка «Вход». А «Выход»? Нет.
Ясно и понятно:
Значит, пламенный привет,—
Путь закрыт обратный.

Значит, так тому и быть,
Хоть и без привычки.

Вот бы только нам попить
Где-нибудь водички.

От неведомой жары
В горле зачерствело.
Да потерпим до поры,
Не в новинку дело.

Видит Теркин, как туда,
К станции конечной,
Прибывают поезда
Изо мглы предвечной.
И выходит к поездам,
Важный и спокойный,
Того света комендант —
Генерал-покойник.
Не один — по сторонам
Начеку охрана.
Для чего — судить не нам,
Хоть оно и странно:
Раз уж списан ты сюда,
Кто б ты ни был чином,
Впредь до Страшного суда
Трусить нет причины.

По уставу, сделав шаг,
Теркин доложился:
Мол, такой-то, так и так,
На тот свет явился.

Генерал, угрюм на вид,
Голосом усталым:
— А с которым, — говорит, —
Прибыл ты составом?

Теркин — в струнку, как стоял,
Тем же самым родом:
— Я, товарищ генерал,
Лично, пешим ходом.

— Как так пешим?
— Виноват.
(Строги коменданты!)

— Говори, отстал, солдат,
От своей команды?

Так ли, нет ли — все равно
Спорить не годится.
— Ясно! Будет учтено.
И не повторится.

— Да уж тут что нет, то нет,
Это, брат, бесспорно,
Потому как на тот свет
Не придешь повторно.

Усмехнулся генерал:
— Ладно. Оформляйся.
Есть порядок — чтоб ты знал —
Тоже, брат, хозяйство.
Всех прими да всех устрой —
По заслугам место.
Кто же трус, а кто герой —
Не всегда известно.

Дисциплина быть должна
Четкая до точки:
Не такая, брат, война,
Чтоб поодиночке...
Проходи давай вперед —
Прямо по платформе.

— Есть идти! —
И поворот
Теркин дал по форме.

И едва за стрелкой он
Повернул направо —
Меж приземистых колонн —
Первая застава.

Тотчас все на карандаш:
Имя, номер, дату.
— Аттестат в каптерку сдашь, —
Говорят солдату.

Удивлен весьма солдат:
— Ведь само собою —

Не положен аттестат
Нам на поле боя.
Раз уж я отдал концы —
Не моя забота.

— Все мы, братец, мертвецы,
А порядок — вот он.
Для того ведем дела
Строго — номер в номер,—
Чтобы ясность тут была,
Правильно ли помер.
Ведь случалось иногда —
Рана несмертельна,
А его зашлют сюда,
С ним возись отдельно.
Помещай его сперва
В залу ожиданья...
(Теркин мельком те слова
Принял во вниманье.)

— Ты понятно, новичок,
Вот тебе и дико.
А без формы на учет
Встань у нас поди-ка.

Но смекнул уже солдат:
Нет беды великой.
То ли, се ли, а назад
Вороти поди-ка.

Осмелел, воды спросил:
Нет ли из-под крана?
На него, глаза скосив,
Посмотрели странно.

Да вдобавок говорят,
Усмехаясь криво:
— Ты еще спросил бы, брат,
На том свете пива...

И довольны все кругом
Шуткой той злорадной.
Повернул солдат кру-гом:
— Будьте вы неладны...

Позади Учетный стол,
Дальше — влево стрелки.
Повернул налево — стоп,
Смотрит:

 Стол проверки.
И над тем уже Столом —
Своды много ниже,
Свету меньше, а кругом —
Полки, сейфы, ниши;
Да шкафы, да вертлюги
Сзади, как в аптеке;
Книг толстенных корешки,
Папки, картотеки.
И решеткой обнесен
Этот Стол кромешный
И кромешный телефон
(Внутренний, конечно).

И доносится в тиши
Точно вздох загробный:
— Авто-био опиши
Кратко и подробно...

Поначалу на рожон
Теркин лезть намерен:
Мол, в печати отражен,
Стало быть, проверен.

— Знаем: «Книга про бойца».
— Ну так в чем же дело?
— «Без начала, без конца» —
Не годится в «Дело».
— Но поскольку я мертвец..
— Это толку мало.
— ...То не ясен ли конец?
— Освети начало.

Уклоняется солдат:
— Вот еще обуза.
Там же в рифму все подряд,
Автор — член союза...

— Это — мало ли чего,
Той ли меркой мерим.

Погоди, и самого
Автора проверим...

Видит Теркин, что уж тут
И беда, пожалуй:
Не напишешь, так пришьют
От себя начало.

Нет уж, лучше, если сам.
И у спецконторки,
Примостившись, написал
Авто-био Теркин.

* * *

По графам: вопрос — ответ.
Начал с предков — кто был дед.
«Дед мой сеял рожь, пшеницу,
Обрабатывал надел.
Он не ездил за границу,
Связей также не имел.
Пить — пивал. Порой без шапки
Приходил, в сенях шумел.
Но, помимо как от бабки,
Он взысканий не имел.
Не представлен был к награде,
Не был дед передовой.
И отмечу правды ради —
Не работал над собой.
Уклонялся.
И постольку
Близ восьмидесяти лет
Он не рос уже нисколько,
Укорачивался дед...»

* * *

Так и далее — родных
Отразил и близких,
Всех, что числились в живых
И посмертных списках.

Стол проверки бросил взгляд
На его работу:

— Расписался? То-то, брат.
Следующий — кто там?

Впрочем, стой,— перелистал,
Нет ли где помарок.
— Фотокарточки представь
В должных экземплярах...

Докажи тому Столу:
Что ж, как не запаса,
Как за всю войну в тылу
Не был ты ни часа.
— До поры была со мной
Карточка из дома —
Уступить пришлось одной,
Скажем так, знакомой...
Но суров закон Стола,
Голос тот усопший:
— Это личные дела,
А порядок общий.

И такого никогда
Не знавал при жизни —
Слышит:
— Палец дай сюда,
Обмакни да тисни.

Передернуло всего,
Но махнул рукою.
— Палец? Натя вам его.
Что еще другое?..

Вышел Теркин на простор
Из-за той решетки.
Шаг, другой — и вот он, Стол
Медсанобработки.
Подошел — не миновать
Предрешенной встречи.
И, конечно же, опять
Не был обеспечен.

Не подумал, сгоряча
Протянувши ноги,
Что без подписи врача
В вечность нет дороги;

Что и там они, врачи,
Всюду наготове
Относительно мочи
И солдатской крови.

Ахнул Теркин:
— Что за черт,
Что за постановка:
Ну как будто на курорт
Мне нужна путевка!
Сколько всяческой возни
В их научном мире.

Вдруг велят:
— А ну, дыхни,
Рот разинь пошире.
Принимал?
— Наоборот.—
И со вздохом горьким:
— Непонятный вы народ,—
Усмехнулся Теркин.

— Кабы мне глоток-другой
При моем раненье,
Я бы, может, ни ногой
В ваше заведение...

* * *

Но солдат — везде солдат:
То ли, се ли — виноват.
Виноват, что в этой фляге
Не нашлось ни капли влаги,—
Старшина был скуповат,
Не уважил — виноват.

Виноват, что холод жуткий
Жег тебя вторые сутки,
Что вблизи упал снаряд,
Разорвался — виноват.
Виноват, что на том свете
За живых мертвец в ответе.

Но молчи, поскольку — тлен,
И терпи волюнку.

Пропустили сквозь рентген
Всю его начинку.

Не забыли ничего
И науки ради
Исписали на него
Толстых три тетради.

Молоточком — тук да тук,
Хоть оно и больно,
Обстучали все вокруг —
Чем-то недовольны.

Рассуждают — не таков
Запах. Вот забота:
Пахнет парень табаком
И солдатским потом.

Мол, покойник со свежа́
Входит в норму еле,
Словно там еще душа
Притаилась в теле.

Но и полных данных нет,
Снимок, что ль, нечеткий.
— Приготовься на предмет
Общей обработки.

— Баня? С радостью туда,
Баня — это значит
Перво-наперво — вода.
— Нет воды горячей.
— Ясно! Тот и этот свет
В данном пункте сходны.
И холодной тоже нет?
— Нету. Душ безводный.

— Вот уж это никуда! —
Возмутился Теркин.
— Здесь лишь мертвая вода.
— Ну, давайте мертвой.

— Это — если б сверху к нам,—
Поясняет некто,—
Ты явился по частям,

То есть некомплектно.
Мы бы той тебя водой
Малость покروпили,
Все детали меж собой
В точности скрепили.
И готов — хоть на парад —
Ты во всей натуре...
Приступай давай, солдат,
К общей процедуре.

Снявши голову, кудрей
Не жалеть, известно.
— Ах, валяйте, да скорей,
Мне бы хоть до места...

Раз уж так пошли дела,
Не по доброй воле,
Теркин ищет хоть угла
В мрачной той юдоли.

С недосыпу на земле,
Хоть как есть, в одеже,
Отоспаться бы в тепле —
Ведь покой положен.

Вечный, сказано, покой —
Те слова не шутки.
Ну, а нам бы хоть какой,
Нам бы хоть на сутки.

Впереди уходят вдаль,
В вечность коридоры —
Того света магистраль, —
Кверху семафоры.

И видны за полверсты,
Чтоб тебе не сбиться,
Указателей персты,
Надписи, таблицы...

Строгий свет от фонарей,
Сухость в атмосфере.
А дверей — не счесть дверей,
И какие двери!

Все плотны, заглушены
Способом особым,
Выступают из стены
Вертикальным гробом.

И какую ни открой —
Ударяет сильный,
Вместе пыльный и сырой,
Запах замогильный.

И у тех, что там сидят,
С виду как бы люди,
Означает важный взгляд:
«Нету. И не будет».

Теркин мыслит: как же быть,
Где искать начало?
«Не мешай руководить!» —
Надпись подсказала.

Что тут делать? Наконец
Набрался отваги —
Шасть к прилавку, где мертвец
Подшивал бумаги.

Мол, приписан к вам в запас
Вечный — и поскольку
Нахожусь теперь у вас,
Мне бы, значит, койку...

Взглядом сонным и чужим
Тот солдата смерил,
Пальцем — за́ ухо — большим
Указал на двери
В глубине.
Солдат — туда,
Потянул за ручку.
Слышит сзади:
— Ах, беда
С этую текучкой...

Там за дверью первый стол,—
Без задержки следуй —
Тем же, за́ ухо, перстом
Переслал к соседу.

И вели за шагом шаг
Эти знаки всеу,
Без отрыва от бумаг
Дальше указуя.

Но в конце концов ответ
Был членораздельный:
— Коек нет. Постели нет.
Есть приклад постельный.

— Что приклад? На кой он ляд?
Как же в этом разе?
— Вам же ясно говорят:
Коек нет на базе.
Вам же русским языком...
Простыни в просушке.
Может выдать целиком
Стружки
 Для подушки.

Соответственны слова
Древней волоките:
Мол, не сразу и Москва,
Что же вы хотите?

Распишитесь тут и там,
Пропуск ваш отмечен.
Остальное — по частям.
— Тьфу ты! — плюнуть нечем.

Смех и грех: навек почить,
Так и то на деле
Было б легче получить
Площадь в жилотделе.

Да притом, когда б живой
Слышал речь такую,
Я ему с его «Москвой»
Показал другую.

Я б его за те слова
Спосылал на базу.
Сразу ль, нет ли та «Москва»,
Он бы понял сразу!

Я б ему еще вкатил
По гвардейской норме,
Что такое фронт и тыл —
Разъяснил бы в корне...

И уже хотел уйти,
Вспомнил, что, пожалуй,
Не мешало б занести
Вывод в книгу жалоб.

Но отчетлив был ответ
На вопрос крамольный:
— На том свете жалоб нет,
Все у нас довольны.

Книги незачем держать,—
Ясность ледяная.
— Так, допустим. А печать —
Ну хотя б стенная?

— Как же, есть.
Пройти пустяк —
За угол направо.
Без печати — как же так,
Только это зря вы...

Ладно.
Смотрит — за углом —
Орган того света.
Над редакторским столом —
Надпись: «Гробгазета».

За столом — не сам, так зам,—
Нам не все равно ли,—
— Я вас слушаю,— сказал,
Морщась, как от боли.

Полон доблестных забот,
Перебил солдата:
— Не пойдет. Разрез не тот.
В мелком плане взято.

Авторучкой повертел.
— Да и места нету.

Впрочем, разве что в Отдел
Писем без ответа...

И в бессонный поиск свой
Вникнул снова с головой.

Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперед:
То убавит, то прибавит,
То свое словечко вставит,
То чужое зачеркнет.
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмет его в кавычки,
То опять же оголит.

Знать, в живых сидел в газете,
Дорожил большим постом.
Как привык на этом свете,
Так и мучится на том.

Вот притих, уставясь тупо,
Рот разинут, взгляд потух.
Вдруг навел на строчки лупу,
Избоченясь, как петух.

И последнюю проверку
Применяя, тот же лист
Он читает снизу кверху,
А не только сверху вниз.
Верен памятной науке,
В скорбной думе морщит лоб.

Попадись такому в руки
Эта сказка — тут и гроб!
Он отечески согретым
Увещаньем изведет.
Прах от праха того света,
Скажет: что еще за тот?

Что за происк иль попытка
Воскресить вчерашний день,
Неизжиток
Пережитка
Или тень на наш плетень?

Впрочем, скажет, и не диво,
Что избрал ты зыбкий путь.
Потому — от коллектива
Оторвался — вот в чем суть.

Задурил, кичась талантом,—
Да всему же есть предел,—
Новым, видите ли, Дантом
Объявиться захотел.

Как же было не в догадку —
Просто вызвать на бюро
Да призвать тебя к порядку,
Чтобы выправил перо.

Чтобы попусту бумагу
На авось не тратил впредь:
Не писал бы этак с маху —
Дал бы планчик просмотреть.

И без лишних притязаний
Приступал тогда к труду,
Да последних указаний
Дух всегда имел в виду.

Дух тот брал бы за основу
И не ведал бы прорух...

Тут, конечно, автор снова
Возразил бы:
— Дух-то дух.
Мол, и я не против духа,
В духе смолоду учен.
И по части духа —
Слуха,
Да и нюха —
Не лишен.

Но притом вопрос не праздный
Возникает сам собою:
Ведь и дух бывает разный —
То ли мертвый, то ль живой.
За свои слова в ответе
Я недаром на посту:

Мертвый дух на этом свете
Различаю за версту.
И не той ли метой мечен
Мертвых слов твоих набор.
Что ж с тобой вести мне речи —
Есть с живыми разговор!

Проходите без опаски
За порог открытой сказки
Вслед за Теркиным моим —
Что там дальше — поглядим.

Помещенья вроде ГУМа —
Ходишь, бродишь, как дурной.
Только нет людского шума —
Всюду вечный выходной.

Сбился с ног, в костях ломота,
Где-нибудь пристать охота.

* * *

Галереи — красота,
Помещений бездна,
Кабинетов до черта,
А солдат без места.

Знать не знает, где привал
Маеты бессонной,
Как тот воин, что отстал
От своей колонны.

Догони — и с плеч гора,
Море по колено.
Да не те все номера,
Знаки и эмблемы.

Неизвестных столько лиц,
Все свои, все дома.
А солдату — попадись
Хоть бы кто знакомый.

Всем по службе недосуг,
Смотрят, не вникая...

И не ждал, не думал — вдруг
Встреча. Да какая!

В двух шагах перед тобой
Друг-товарищ фронтовой.

Тот, кого уже и встретить
Ты не мог бы в жизни сей.
Но и там — и на том свете —
Тоже худо без друзей...

Повстречал солдат солдата,
Друга памятных дорог,
С кем от Бреста брел когда-то,
Пробираясь на восток.

С кем расстался он, как с другом
Расстается друг-солдат,
Второпях — за недосугом
Совершить над ним обряд.

Не посетуй, что причалишь
К месту сам, а мне — вперед.
Не прогневайся, товарищ.
И не гневается тот.

Только, может, в миг прощальный,
Про себя, живой солдат
Тот безропотно-печальный
И уже нездешний, дальний,
Протяженный в вечность взгляд
Навсегда в душе отметит,
Хоть уже дороги врозь...

— Друг-товарищ, на том свете —
Вот где встретиться пришлось...

Вот он — в блеклой гимнастерке
Без погон —
Из тех времен.
«Значит, все, — подумал Теркин, —
Я — где он.
И все — не сон».

— Так-то брат...—
Слова излишни.
Поздоровались. Стоят.
Видит Теркин: друг давнишний
Встрече как бы и не рад.

По какой такой причине —
На том свете ли обвык
Или, может, старше в чине
Он теперь, чем был в живых?

— Так-то, Теркин...
— Так, примерно:
Не понять — где фронт, где тыл.
В окруженье — в сорок первом —
Хоть какой, но выход был.

Был хоть запад и восток,
Хоть в пути паек подножный,
Хоть воды, воды глоток!

Отоспись в чащобе за день,
Ночью двигайся. А тут?
Дай хоть где-нибудь присядем —
Ноги в валенках поют...

Повернули с тротуара
В глубь задворков за углом,
Где гробы порожней тарой
Были свалены на слом.

Размещайся хоть на дневку,
А не то что на привал.
— Доложи-ка обстановку,
Как сказал бы генерал.

Где тут линия позиций,—
Жаль, что карты нет со мной,—
Ну, хотя б — в каких границах
Расположен мир иной?..

— Генерал ты больно скорый,
Уточнился бы сперва:

Мир иной — смотря который,—
Как-никак их тоже два.

И от ног своих разутых,
От портянок отвлечен,
Теркин — тихо:
— Нет, без шуток?..—
Тот едва пожал плечом.

— Ты-то мог не знать — заглазно.
Есть тот свет, где мы с тобой,
И конечно, буржуазный
Тоже есть, само собой.

Всяк свои имеет стены
При совместном потолке.
Два тех света, две системы,
И граница на замке.

Тут и там свои уставы
И, как водится оно,—
Все иное — быт и нравы...
— Да не все ли здесь равно?

— Нет, брат,— все тому подобно,
Как и в жизни — тут и там.
— Но позволь: в тиши загробной
Тоже — труд, и капитал,
И борьба, и все такое?..

— Нет, зачем. Какой же труд,
Если вечного покоя
Обстановка там и тут.

— Значит, как бы в обороне
Загорают — тут и там?
— Да. И, ясно, прежней роли
Не играет капитал.

Никакой ему лазейки,
Вечность вечностью течет.
Денег нету ни копейки,
Капиталу только счет.

Ну, а в части распорядка —
Наш подъем — для них отбой,
И поверка, и зарядка
В разный срок, само собой.

Вот и все тебе известно,
Что у нас и что у них.

— Очень, очень интересно...—
Теркин в горести поник.

— Кто в иную пору прибыл,
Тот как хочешь, а по мне —
Был бы только этот выбор,—
Я б остался на войне.

На войне о чем хлопчешь?
Ждешь скорей ее конца.
Что там слава или почесть
Без победы для бойца.

Лучше нет — ее, победу,
Для живых в бою добыть.
И давай за ней по следу,
Как в жару к воде — попить.

Не о смертном думай часе —
В нем ли главный интерес:
Смерть —
Она всегда в запасе,
Жизнь — она всегда в обрез.

— Так ли, друг?
— Молчи, вояка,
Время жизни истекло.
— Нет, скажи: и так, и всяко,
Только нам не повезло.

Не по мне лежать здесь лежнем,
Да уж выписан билет.
Ладно, шут с ним, с зарубежным,
Говори про наш тот свет.

— Что ж, вопрос весьма обширен.
Вот что главное усвой:

Наш тот свет в загробном мире —
Лучший и передовой.

И поскольку уготован
Всем нам этак или так,
Он научно обоснован —
Не на трех стоит китах.

Где тут пекло, дым иль копоть
И тому подобный бред?
— Все же, знаешь, сильно топят,—
Вставил Теркин,— мочи нет.

— Да не топят, зря не сетуй,
Так сдается иногда.
Кто по-зимнему одетый
Транспортирован сюда.

Здесь ни холодно, ни жарко —
Ни полена дров, учти.
Точно так же — райских парков
Даже званья не найти.

С басней старой все несходно —
Где тут кущи и сады?
— А нельзя ль простой, природной
Где-нибудь глотнуть воды?

— Забываешь, Теркин, где ты,
Попадаешь в ложный след:
Потому воды и нету,
Что, понятно, спросу нет.

Недалек тот свет соседний,
Там, у них, на старый лад —
Все пустые эти бредни:
Свежесть струй и адский чад.

И запомни, повторяю:
Наш тот свет в натуре дан:
Тут ни ада нет, ни рая,
Тут — наука, там — дурман...

Там у них устои шатки,
Здесь фундамент нерушим,

Есть, конечно, недостатки,—
Но зато тебе — режим.

Там, во-первых, дисциплина
Против нашенской слаба.
И, пожалуйста, картина:
Тут — колонна, там — толпа.

Наш тот свет организован
С полной четкостью во всем:
Распланирован по зонам,
По отделам разнесен.
Упорядочен отменно —
Из конца пройди в конец.
Посмотри:
Отдел военный,
Он, понятно, образец.

Врать привычки не имею,
Ну, а ежели соврал,
Так на местности виднее,—
Поднимайся, генерал...

И в своем строю лежачем
Им предстал сплошной грядой
Тот Отдел, что обозначен
Был армейскою звездой.

Лица воинов спокойны,
Точно видят в вечном сне,
Что, какие были войны,
Все вместились в их войне.

Отгремел их край передний,
Мнится им в безгласной мгле,
Что была она последней,
Эта битва на земле;

Что иные поколенья
Всех пребудущих годов
Не пойдут на пополненье
Скорбной славы их рядов...

— Четкость линий и дистанций,
Интервалов чистота...

А возьми Отдел гражданский —
Нет уж, выправка не та.
Разнобой не скрывать известный —
Тот иль этот пост и вес:
Кто с каким сюда оркестром
Был направлен или без...
Кто с профкомовской путевкой,
Кто при свечке и кресте.
Строевая подготовка
Не на той уж высоте...

Теркин будто бы рассеян,—
Он еще и до войны
Дань свою отдал музеям
Под командой старшины.

Там соха иль самопрялка,
Шлемы, кости, древний кнут,—
Выходного было жалко,
Но иное дело тут.

Тут уж верно — случай редкий
Все увидеть самому.
Жаль, что данные разведки
Не доложишь никому.

Так, дивясь иль брови хмуря,
Любознательный солдат
Созерцал во всей натуре
Тот порядок и уклад.

Ни покоя, мыслит Теркин,
Ни веселья не дано.
Разобрались на четверки
И гоняют в домино.

Вот где самая отрада —
Уж за стол как сел, так сел,
Разговаривать не надо,
Думать незачем совсем.

Разгоняют скукой скуку —
Но таков уже тот свет:
Как ни бьют — не слышно стуку,
Как ни курят — дыму нет.

Ах, друзья мои и братья,
Кто в живых до сей поры,
Дорогих часов не тратьте
Для загробной той игры.

Ради жизни скоротечной
Отложите тот «забой»:
Для него нам отпуск вечный
Обеспечен сам собой...

Миновал костяшки эти,
Рядом — тоже не добро:
Заседает на том свете
Преисподнее бюро.

Здесь уж те сошлись, должно быть,
Кто не в силах побороть
Заседаний вкус особый,
Им в живых изъевший плоть.

Им ни отдыха, ни хлеба,—
Как усядутся рядком,
Ни к чему земля и небо —
Дайте стены с потолком.

Им что ведро, что ненастье,
Отмеряй за часом час,
Целиком под стать их страсти
Вечный времени запас.

Вот с величием натуральным
Над бумагами склонясь,
Видно, делом персональным
Занялись — то-то сласть.

Тут ни шутки, ни улыбки —
Мнимой скорби общий тон.
Признает мертвец ошибки
И, конечно, врет при том.

Врет не просто скуки ради,
Ходит краем, зная край.
Как слушаешь — к награде
Прямо с ходу представляй.

Но позволь, позволь, голубчик,
Так уж дело повелось,
Дай копнуть тебя поглубже,
Просветить тебя насквозь.

Не мозги, так грыжу вправить,
Чтобы взмокнул от жары,
И в конце на вид поставить
По условиям игры...

Стой-постой! Видать персону.
Необычный индивид
Сам себе по телефону
На два голоса звонит.

Перед мнимой секретаршей
Тем усердней мечет лесть,
Что его начальник старший —
Это лично он и есть.

И упившись этим тоном,
Вдруг он, голос изменив,
Сам с собою — подчиненным —
Наставительно учтив.

Полон власти несравнимой,
Обращенной вниз, к нулю,
И от той игры любимой
Мякнет он, как во хмелю...

Отвернувшись от болвана
С гордой истовостью лиц,
Обсудить проект романа
Члены некие сошлись.

Этим членам все известно,
Что в романе быть должно
И чему какое место
Наперед отведено.

Изложив свои наметки,
Утверждают по томам.
Нет — чтоб сразу выпить водки,
Закусить — и по домам.

Дальше — в жесткой обороне
Очертил запретный круг
Кандидат потусторонних
Или доктор прахнаук.

В преуказанном порядке
Книжки в дело введены,
В них закладками цитатки
Для него застолблены.

Впережку их из книжек
На живую нитку нижет,
И с нее свисают вниз
Мертвых тысячи страниц...

За картиною картина,
Хлопцы дальше держат путь.
Что-то вслух бубнит мужчина,
Стоя в ящике по грудь.

В некий текст глаза упрятал,
Не поднимет от листа.
Надпись: «Пламенный оратор» —
И мочалка изо рта.

Не любил и в жизни брэнной
Мой герой таких речей.
Будь ты штатский иль военный,
Дай тому, кто побойчей.

Нет, такого нет порядка,
Речь он держит лично сам.
А случись, пройдет не гладко,
Так не он ее писал.
Все же там, в краю забвенья,
Свой особый есть резон:
Эти длительные чтенья
Укрепляют вечный сон...

Вечный сон. Закон природы.
Видя это все вокруг,
Своего экскурсовода
Теркин спрашивает вдруг:

— А какая здесь работа,
Чем он занят, наш тот свет?
То ли, се ли — должен кто-то
Делать что-то?
— То-то — нет.

В том-то вся и закавыка
И особый наш уклад,
Что от мала до велика
Все у нас руководят.

— Как же так — без производства,—
Возражает новичок,—
Чтобы только руководство?
— Нет, не только. И учет.

В том-то, брат, и суть вопроса,
Что темна для простаков:
Тут ни пашни, ни покоса,
Ни заводов, ни станков.
Нам бы это все мешало —
Уголь, сталь, зерно, стада...

— Ах, вот так! Тогда, пожалуй,
Ничего. А то беда.
Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.

— Ты, однако, шутки эти
Про себя, солдат, оставь.
— Шутки!
Сутки на том свете —
Даже к месту не пристал.

Никому бы не мешая,
Без бомбежки да в тепле
Мне поспать нужда большая
С недосыпу на земле.

— Вот чудак, ужели трудно
Уяснить простой закон:

Так ли, сяк лик — беспробудный
Ты уже вкушаешь сон.
Что тебе привычки тела?
Что там койка и постель?..

— Но зачем тогда отделы,
И начальства корпус целый,
И другая канитель?

Тот взглянул на друга хмуро,
Головой повел:
— Нельзя.
— Почему?
— Номенклатура,—
И примолкнули друзья.

Теркин сбился, огорошен
Точно словом нехорошим.

* * *

Все же дальше тянет нить,
Развивая тему:
— Ну, хотя бы сократить
Данную Систему?
Поубавить бы чуток,
Без беды при этом...

— Ничего нельзя, дружок.
Пробовали. Где там!

Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной Системе.

Тут к вопросу подойти —
Шутка не простая:
Кто в Системе, кто в Сети —
Тоже Сеть густая.

Да помимо той Сети,
В целом необъятной,

Сколько в Органах — сочти!

— В Органах — понятно.

— Да по всяческим Столам

Список бесконечный,

В Комитете по делам

Перестройки Вечной...

Ну-ка, вдумайся, солдат,

Да прикинь, попробуй:

Чтоб убавить этот штат —

Нужен штат особый.

Невозможно упредить,

Где начет, где вычет.

Словом, чтобы сократить,

Нужно увеличить...

Теркин под локоть дружка

Тронул осторожно:

— А какая все тоска,

Просто невозможно.

Ни заботы, ни труда,

А тоска — нет мочи.

Ночь-то — да. А день куда?

— Тут ни дня, ни ночи.

Позабудь, само собой,

О зиме и лете.

— Так, похоже, мы с тобой

На другой планете?

— Нет, брат. Видишь ли, тот свет —

Данный мир забвенный,

Расположен вне планет

И самой Вселенной.

Дислокации иной —

Ясно?

— Как не ясно:

То ли дело под луной

Даже полк запасный.

Там — хоть норма голодна́

И гоняют лихо,

Но покамест есть война —
Виды есть на выход.

— Пообвыкнешь, новичок,
Будет все терпимо:
Как-никак — оклад, паек
И табак без дыма...

Теркин слышит, не поймет —
Вроде, значит, кормят?
— А паек загробный тот
По какой же норме?

— По особой. Поясню
Постановку эту:
Обозначено в меню,
А в натуре нету.

— Ах, вот так...— Глядит солдат,
Не в догадку словно.
— Ну, еще точней, оклад
И паек условный.

На тебя и на меня
Числятся в расходе.
— Вроде, значит, трудодня?
— В некотором роде...

Все по форме: распишись —
И порядок полный.
— Ну, брат, это же — не жизнь!
— Вон о чем ты вспомнил.
Жизнь! И слушать-то чудно:
Ведь в загробном мире
Жизни быть и не должно,—
Дважды два — четыре...

* * *

И на Теркина солдат
Как-то сбоку бросил взгляд.
Так-то близко, далеко ли

Новый видится квартал.
Кто же там во власть покоя
Перед вечностью предстал?

— Любопытствуешь?

— Еще бы.

Постигаю мир иной.

— Там отдел у нас Особый,

Так что — лучше стороной...

— Посмотреть бы тоже ценно.

— Да нельзя, поскольку он

Ни гражданским, ни военным

Здесь властям не подчинен.

— Что ж, Особый есть Особый.—

И вздохнув, примолкли оба.

* * *

...Там — рядами по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

За черту из-за черты,
С разницею малой,
Область вечной мерзлоты
В вечность их списала.

Из-за проволоки той
Белой-поседелой —
С их особою статьей,
Приобщенной к делу...

Кто, за что, по воле чьей —
Разберись, наука.
Ни оркестров, ни речей,
Вот уж где — ни звука...

Память, как ты ни горька,
Будь зарубкой на века!

— Кто же все-таки за гробом
Управляет тем Особым?

— Тот, кто в этот комбинат
Нас послал с тобою.
С чьим ты именем, солдат,
Пал на поле боя.
Сам не помнишь? Так печать
Донесет до внуков,
Что ты должен был кричать,
Встав с гранатой. Ну-ка?

— Без печати нам с тобой
Знато-перезнато,
Что в бою — на то он бой —
Лишних слов не надо.

Что вступают там в права
И бывают кстати
Больше прочих те слова,
Что не для печати...

Так идут друзья рядком.
Вволю места думам
И под этим потолком,
Сводчатым, угрюмым.

Теркин вовсе помрачнел.
— Невдомек мне словно,
Что Особый ваш Отдел
За самим Верховным.

— Все за ним, само собой,
Выше нету власти.
— Да, но сам-то он живой?
— И живой. Отчасти.

Для живых родной отец,
И закон, и знамя,
Он и с нами, как мертвец,—
С ними он и с нами.

Устроитель всех судеб,
Тою же порою
Он в Кремле при жизни склеп
Сам себе устроил.

Невдомек еще тебе,
Что живыми правит,
Но давно уж сам себе
Памятники ставит...

Теркин шапкой вытер лоб —
Сильно топят все же,—
Но от слов таких озноб
Пробежал по коже.

И смекает голова,
Как ей быть в ответе,
Что слыхала те слова,
Хоть и на том свете.

Да и мы о том, былом,
Речь замнем покамест,
Чтоб не быть иным числом,
Задним, — смельчаками...

Слишком памятны черты
Власти той безмерной...

— Теркин, знаешь ли, что ты
Награжден посмертно?
Ты — сюда с передовой,
Орден следом за тобой.

К нам приписанный навеки,
Ты не знал наверняка,
Как о мертвом человеке
Здесь забота велика.

Доложился — и порядок,
Получай, задержки нет.

— Лучше все-таки награда
Без доставки на тот свет.

Лучше быть бы ей в запасе
Для иных желанных дней:
Я бы даже был согласен
И в Москву скатать за ней.

Так и быть уже. Да что там!
Сколько есть того пути
По снегам, пескам, болотам
С полной выкладкой пройти.

То ли дело мимоходом
Повстречаться с той Москвой,
Погулять с живым народом,
Да притом, что сам живой.

Ждать хоть год, хоть десять кряду,
Я б живой не счел за труд.
И пускай мне там награду
Вдвое меньшую дадут...

Или вовсе скажут: рано,
Не видать еще заслуг.
Я оспаривать не стану.
Я — такой. Ты знаешь, друг.

Я до почестей не жадный,
Хоть и чести не лишен...
— Ну, расчувствовался. Ладно.
Без тебя вопрос решен.
Как ни что, а все же лестно
Нацепить ее на грудь.

— Но сперва бы мне до места
Притулиться где-нибудь.

— Ах, какое нетерпенье,
Да пойми — велик заезд:
Там, на фронте, наступленье,
Здесь нехватка спальных мест.

Ты, однако, не печалься,
Я порядок наведу,
У загробного начальства
Я тут все же на виду.

Словом, где-нибудь приткнемся.
Что смеешься?

— Ничего.

На том свете без знакомства
Тоже, значит, не того?

Отмахнулся друг бывалый:
Мол, с бедой ведем борьбу.
— А еще тебе, пожалуй,
Поглядеть бы не мешало
В нашу стереотрубку.

— Это что же ты за диво
На утеху мне сыскал?
— Только — для загробактива,
По особым пропускам...

Нет, совсем не край передний,
Не в дыму разрывов бой,—
Целиком тот свет соседний
За стеклом перед тобой.

В четкой форме отраженья
На вопрос прямой ответ —
До какого разложенья
Докатился их тот свет.

Вот уж точно, как в музее —
Что к чему и что почем.
И такие, брат, мамзели,
То есть — просто нагишом...

Теркин слышит хладнокровно,
Даже глазом не повел.
— Да. Но тоже весь условный
Этот самый женский пол?..

И опять тревожным взглядом
Тот взглянул, шагая рядом.

* * *

— Что условный — это да,
Кто же спорит с этим,

Но позволь и мне тогда
Кое-что заметить.

Я подумал уж не раз,
Да смолчал, покаюсь:
Не условный ли меж нас
Ты мертвец покамест?

Посмотрю — ни дать ни взять,
Все тебе охота,
Как в живых, то пить, то спать,
То еще чего-то...
— Покурить! — И за кiset
Ухватился Теркин:
Не занес ли на тот свет
Чуточку махорки?

По карманным уголкам
Да из-за подкладки —
С хлебной крошкой пополам —
Выгреб все остатки.

Затянулся, как живой,
Той наземной, фронтовой,
Той надежной, неизменной,
Той одной в страде военной,
В час грозы и тишины —
Вроде старой злой жены,
Что иных тебе дороже —
Пусть красивей, пусть моложе
(Да от них и самый вред,
Как от легких сигарет).

Угощаются взаимно
Разным куревом дружки.
Оба — дымный
И бездымный
Проверяют табаки.

Теркин — строгий дегустатор,
Полной мерой раз и два
Потянул, вернул остаток

И рукой махнул:
— Трава.
На-ко нашего затяжку.
Друг закашлялся:
— Отвык.
Видно, вправду мертвым тяжко,
Что годится для живых...

— Нет, а я оттуда выбыл,
Но и здесь, в загробном сне,—
То, чего не съел, не выпил,—
Не дает покоя мне.

Не добрал, такая жалость,
Там стаканчик, там другой.
А закуски той осталось —
Ах ты, сколько — да какой!

За рекой Угрой в землянке —
Только сел, а тут «в ружье!» —
Не доел консервов банки,
Так и помню про нее.

У хозяйки белорусской
Не доел кулеш свиной.
Правда, прочие на грузки,
Может быть, тому виной.

А вернее — сам повинен:
Нет — чтоб время не терять —
И того не споловинил,
Что до крошки мог прибрать.

Поддержать в пути здоровье,
Как тот путь бывал ни крут,
Зная доброе присловье:
На том свете не дадут...

Тут, встревожен не на шутку,
Друг прервал его:
— Минутку!..

Докатился некий гул,
Задрожали стены.
На том свете свет мигнул,
Залились сирены.

Прокатился долгий вой
Над глухим покоем...

Дали вскорости отбой.
— Что у вас такое?

— Так и быть — скажу тебе,
Но держи в секрете:
Это значит, что ЧП
Нынче на том свете.

По тревоге розыск свой
Подняла Проверка:
Есть опасность, что живой
Просочился сверху.

Чтобы дело упредить,
Срочное задание:
Ну... изъять и поместить
В зале ожиданья.

Запереть двойным замком,
Подержать негласно,
Полноценным мертвяком
Чтобы вышел.
— Ясно.

— И по-дружески, любя,
Теркин, будь уверен —
Я дурного для тебя
Делать не намерен.

Но о том, что хочешь жить,
Дружба, знаешь, дружбой,
Я обязан доложить...
— Ясно....
— ...куда нужно.

Чуть ли что — меня под суд.

С места же сегодня...

— Так. Боишься, что пошлют

Дальше преисподней?

— Все ты шутики шутишь, брат,

По своей ухватке.

Фронта нет, да есть штрафбат,

Органы в порядке.

Словом, горе мне с тобой,—

Ну какого черта

Бродишь тут, как чумовой,

Беспокоишь мертвых.

Нет — чтоб вечности служить

С нами в тесной смычке,—

Всем в живых охота жить.

— Дело, брат, в привычке.

— От привычек отвыкай,

Опыт расширяя,

У живых там, скажешь,— рай?

— Далеко до рая.

— То-то!

— То-то, да не то ж.

— До чего упрямый.

Может, все-таки дойдешь

В зале в этой самой?

— Не хочу.

— Хотеть — забудь.

Да и толку мало:

Все равно обратный путь

Повторять сначала.

— До поры зато в строю —

Хоть на марше, хоть в бою.

Срок придет, и мне травую

Где-то в мире прорасти.

Но живому — про живое,

Друг бывалый, ты прости.

Если он не даром прожит,
Тыловой ли, фронтовой —
День мой вечности дороже,
Бесконечности любой.

А еще сознаться можно,
Потому спешу домой,
Чтоб задачей неотложной
Загорелся автор мой.

Пусть со слов моих подробно
Отразит он мир загробный,
Все по правде. А приврет —
Для наглядности подсобной —
Не беда. Наоборот.

С доброй выдумкою рядом
Правда в целости жива.
Пушки к бою едут задом,—
Это верные слова...

Так что, брат, с меня довольно
До пребудущих времен.
— Посмотрю — умен ты больно!
— А скажи, что не умен?

Прибедняться нет причины:
Власть Советская сама
С малых лет уму учила —
Где тут будешь без ума?

На ходу снимала пробу,
Как усвоил курс наук.
Не любила ждать особо,
Если понял что не вдруг.

Заложила впредь задатки
Дело видеть без очков,
В умных нынче нет нехватки,
Поищи-ка дураков.

— Что искать — у нас избыток
Дураков — хоть пруд пруди,

Да каких еще набитых —
Что в Системе, что в Сети...

— А куда же их, примерно,
При излишестве таком?
— С дураками планомерно
Мы работу здесь ведем.

Изучаем досконально
Их природу, нравы, быт,
Этим делом специальный
Главк у нас руководит.

Дуракам перетасовку
Учиняет на постах.
Посылает на низовку,
Выявляет на местах.

Тех туда, а тех туда-то —
Четкий график наперед.
— Ну, и как же результаты?
— Да ведь разный есть народ.

От иных запросишь чуру —
И в отставку не хотят.
Тех, как водится, в цензуру —
На повышенный оклад.

А уж с этой работенки
Дальше некуда спешить...
Все же — как решаешь, Теркин?
— Да как есть: решаю жить.

— Только лишняя тревога.
Видел, что за поездом
Неизменной дорогой
Направляются сюда?

Все сюда, а ты обратно,
Да смекни — на чем и как?
— Поезда сюда, понятно,
Но отсюда — порожняк?

— Ни билетов, ни посадки
Нет отсюда «на-гора».

— Тормозные есть площадки,
Есть подножки, буфера...

Или память отказала,
Позабыл в загробном сне,
Как в атаку нам, бывало,
Доводилось на броне?

— Трудно, Теркин, на границе,
Много легче путь сюда...

— Без труда, как говорится,
Даже рыбку из пруда...

А к живым из края мертвых —
На площадке тормозной —
Это что — езда с комфортом, —
Жаль, не можешь ты со мной
Бросить эту всю халтуру
И домой — в родную часть.

— Да, но там в номенклатуру
Мог бы я и не попасть.
Занимая в преисподней
На сегодня видный пост,
Там-то что я на сегодня?
Стаж и опыт — псу под хвост?..
Вместе без году неделя,
Врозь на вечные века...

И внезапно из тоннеля —
Вдруг — состав порожняка.

Вмиг от грохота и гула
Онемело все вокруг...
Ах, как поручни рвануло
Из живых солдатских рук;
Как хватало мертвой хваткой
Изо всех загробных сил!
Но с подножки на площадку
Теркин все-таки вступил.

Долей малой перевесил
Груз, тянувший за шинель.

И куда как бодр и весел,
Пролетает сквозь тоннель.

Комендант иного мира
За охраной суетной
Не заметил пассажира
На площадке тормозной.

Да ему и толку мало:
Порожняк и порожняк.
И прощальный генералу
Теркин ручкой сделал знак.

Дескать, что кому пригóдней.
На себя ответ беру,
Рад весьма, что в преисподней
Не пришлось ко двору.

И как будто к нужной цели
Прямыком на белый свет,
Вверх и вверх пошли тоннели
В гору, в гору. Только — нет!

Чуть смежил глаза устало,
И не стало в тот же миг
Ни подножки, ни состава —
На своих опять двоих.

Вот что значит без билета,
Невеселые дела.
А дорога с того света
Далека еще была.

Поискал во тьме руками,
Чтоб на ощупь по стене...
И пошло все то кругами,
От чего кричат во сне...

Там в страде невыразимой,
В темноте — хоть глаз коли —
Всей войны крутые зимы
И жары ее прошли.

Там руин горячий щебень
Бомбы рушили на грудь,
И огни толклись в небе,
Заслоня Млечный Путь.

Там валы, завалы, кручи
Громоздилось поперек.
И песок сухой, сыпучий
Из-под ног бессильных тек.

И мороз по голой коже
Драл ножовкой ледяной.
А глоток воды дороже
Жизни, может, был самой.

И до робкого сознания,
Что забрезжило в пути,—
То не Теркин был — дыханье
Одинокое в груди.

Боль была без утоленья
С темной тяжкою тоской.
Неисходное томленье,
Что звало принять покой...

Но вела, вела солдата
Сила жизни — наш ходатай
И заступник всех верней,—
Жизни брэнной, небогатой
Золотым запасом дней.

Как там смерть ни билась круто,
Переменчива борьба,
Час настал из долгих суток,
И настала та минута —
Дотащился до столба.

До границы. Вот застава,
Поперек дороги жердь.
И дышать полегче стало,
И уже сама устала
И на шаг отстала Смерть.

Вот уж дома — только б ноги
Перекинуть через край.

Но не в силах без подмоги,
Пал солдат в конце дороги.
Точка, Теркин. Помирай.

А уж то-то неохота,
Никакого нет расчета,
Коль от смерти ты утек.
И всего-то нужен кто-то,
Кто бы капельку помог.

Так бывает и в обычной
Нашей сутолоке здесь:
Вот уж все, что мог ты лично,
Одолел, да вышел весь.

Даром все — легко ль смириться —
Годы мук, надежд, труда...
Был бы бог, так помолиться.
А как нету — что тогда?

Что тогда — в тот час недобрый,
Испытанья горький час?
Человек, не чин загробный,
Человек, тебе подобный,—
Вот кто нужен, кто бы спас...

Смерть придвинулась украдкой,
Не проси — скупа, стара...

И за той минутой шаткой
Нам из сказки в быль пора.

В этот мир живых, где ныне
Нашу службу мы несем...

— Редкий случай в медицине,—
Слышит Теркин, как сквозь сон.

Проморгался в теплой хате,
Простыня — не белый снег,
И стоит над ним в халате
Не покойник — человек.

И хотя вздохнуть свободно
В полный вздох еще не мог,

Чует — жив! Тропой обходной
Из жары, из тьмы безводной
Душу с телом доволок.
Словно той живой, природной,
Дорогой воды холодной
Выпил целый котелок...

Поздравляют с Новым годом.
— Ах, так вот что — Новый год!
И своим обычным ходом
За стеной война идет.

Отдохнуть в тепле не шутка.
Дай-ка, думает, вздремну.

И дивится вслух наука:
— Ай да Теркин! Ну и ну!
Воротился с того света,
Прибыл вновь на белый свет.
Тут уж верная примета:
Жить ему еще сто лет!

* * *

— Точка?
— Вывернулся ловко
Из-под крышки гробовой
Теркин твой.
— Лиха концовка.
— Точка все же с запятой...

— Как же: Теркин на том свете!
— Озорство и произвол:
Из живых и сущих в нети
Автор вдруг его увел.
В мир загробный.

— А постольку
Сам собой встает вопрос:
Почему же не на стройку?
— Не в колхоз?
— И не в совхоз?
— Почему не в цех к мотору?

— Не к мартену?
— Не в забой?
— Даже, скажем, не в контору? —
Годен к должности любой.

— Молодца такой закваски —
В кабинеты — не расчет.
— Хоть в ансамбль грузинской пляски,
Так и там не подведет.

— Прозевал товарищ автор,
Не потрафил в первый ряд —
Двинуть парня в космонавты.
— В космонавты — староват.

— Впору был бы по отваге
И развитию ума.
— В космонавты?
— Нет, в завмаги!
— Ох, запутают.
— Тюрьма...

— Укрепить бы сеть Нарпита.
— Да не худо бы Жилстрой...
— А милиция забыта?
— А пожарник — не герой?..

Ах, читатель, в этом смысле
Одного ты не учел:
Всех тех мест не перечислить,
Где бы Теркин подошел.

Спор о том, чьим быть герою
При наличие стольких свойств,
Возникал еще порою
Меж родами наших войск.

Теркин — тем ли, этим боком —
В жизни воинской своей
Близок был в раскате дней
И с войны могучим богом,
И гремел по тем дорогам
С маршем танковых частей,

И везде имел друзей,
Оставаясь в смысле строгом
За царицею полей.

Потому в солдатском толке,
По достоинствам своим,
Признан был героем Теркин
Как бы общевоисковым...

И совсем не по закону
Был бы он приписан мной —
Вдруг — по ведомству какому
Или отрасли одной.

На него уже управа
Недействительна моя:
Где по нраву —
Там по праву
Выбирает он края.

И не важно, в самом деле,
На каком теперь посту —
В министерстве иль артели
Занимает высоту.
Там, где жизнь, ему привольно,
Там, где радость, он и рад,
Там, где боль, ему и больно,
Там, где битва, он — солдат.
Хоть иные батареи
И калибры встали в строй,
И всему иной покрой...
Автор — пусть его стареет,
Пусть не старится герой!

И такой сюжет для сказки
Я избрал не потому,
Чтобы только без подсказки
Сладить с делом самому.

Я в свою ходил атаку,
Мысль одна владела мной:
Слажу с этой, так со всякой
Сказкой слажу я иной.

И в надежде, что задача
Мне пришлось по плечу,
Я — с чего я книжку начал,
Тем ее и заключу.

Я просил тебя покорно
Прочитать ее сперва.
И теперь твои бесспорны,
А мои — ничто — права.

Не держи теперь в секрете
Ту ли, эту к делу речь.
Мы с тобой на этом свете:
Хлеб-соль ешь,
А правду режь.

Я тебе задачу задал,
Суд любой в расчет беря.
Пушки к бою едут задом —
Было сказано не зря.

По праву памяти

1969

Смыкая возраста уроки,
Сама собой приходит мысль —
Ко всем, с кем было по дороге,
Живым и павшим отнестись.
Она приходит не впервые,
Чтоб слову был двойной контроль:
Где, может быть, смолчат живые,
Так те прервут меня:
— Позволь!
Перед лицом ушедших былей
Не вправе ты кривить душой —
Ведь эти были оплатили
Мы платой самую большой...
И мне да будет та застава,
Тот строгий знак сторожевой
Залогом речи нелукавой
По праву памяти живой.

1. Перед отлетом

Ты помнишь, ночью предосенней,—
Тому уже десятки лет,—
Курили мы с тобой на сене,
Презрев опасливый запрет.

И глаз до света не сомкнули,
Хоть запах сена был не тот,
Что в ночи душные июля
Заснуть подолгу не дает...

То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далекий
Из первой юности своей.

Мы не испытывали грусти,
Друзья — мыслитель и поэт,
Кидая наше захоlustье
В обмен на целый белый свет.

Мы жили замыслом заветным,
Дорваться вдруг
До всех наук —
Со всем запасом их несметным —
И уж не выпустить из рук.

Сомненья дух нам был неведом;
Мы с тем управимся добром
И за отцов своих и дедов
Еще вдобавок доберем...

Мы повторяли, что напасти
Нам никакие нипочем,
Но сами ждали только счастья,—
Тому был возраст обучен.

Мы знали, что оно сторицей
Должно воздать за наш порыв
В премудрость мира с ходу врыться,
До дна ее разворотив.

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать.
Не трусить.
Верным быть народу.
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду.
А если —
То и жизнь отдать.

Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.

Лишь от себя теперь добавим:
Что проще — да.
Но что сложней?

Такими были наши дали,
Как нам казалось, без прикрас,
Когда в безудержном запале
Мы в том друг друга убеждали,
В чем спору не было у нас.
И всласть толкуя о науках,
Мы вместе грезили о том,
Ах, и о том, в каких мы брюках
Домой заявимся потом.

Дивись, отец, всплакни, родная,
Какого гостя бог нанес,
Как он пройдет, распространяя
Московский запах папирос.

Москва, столица — свет не ближний,
А ты, родная сторона,
Какой была, глухой, недвижимой,
Нас на побывку ждать должна.

И хуторские посиделки,
И вечеринки чередом,
И чтоб загорьевские девки
Глазами ели нас потом,
Неловко нам совали руки,
Пылая краской до ушей...

А там бы где-то две подруги,
В стенах столичных этажей,
С упреком нежным ожидали
Уже тем часом нас с тобой,
Как мы на нашем сеновале
Отлет обдумавали свой...

И невдомек нам было вроде,
Что здесь, за нашей спиной,
Сорвется с места край родной
И закружится в хороводе
Вслед за метелицей сплошной...

Ты не забыл, как на рассвете
Оповестили нас, дружков,
Об уходящем в осень лете
Запевы юных петушков.

Их голосов надрыв цыплячий
Там, за соломенной стрехой,—
Он отзывался детским плачем
И вместе удалью лихой.

В какой-то сдавленной печали,
С хрипотцей истовой своей
Они как будто отпевали
Конец ребячьих наших дней.

Как будто сами через силу
Обрядный свой тянули сказ
О чем-то памятном, что было
До нас.
И будет после нас.

Но мы тогда на сеновале
Не так прислушивались к ним,
Мы сладко взапуски зевали,
Дивясь, что день, а мы не спим.

И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на п о т о м.

И где, кому из нас придется,
В каком году, в каком краю
За петушиной той хрипотцей
Расслышать молодость свою.

Навстречу жданной нашей доле
Рвались мы в путь не наугад,—
Она в согласье с нашей волей
Звала отведать хлеба-соли.
Давно ли?
Жизнь тому назад...

2. Сын за отца не отвечает

Сын за отца не отвечает —
Пять слов по счету, ровно пять.
Но что они в себя вмещают,
Вам, молодым, не вдруг объять.

Их обронил в кремлевском зале
Тот, кто для всех нас был одним
Судеб вершителем земным,
Кого народы величали
На торжествах отцом родным.

Вам —
Из другого поколения —
Едва ль постичь до глубины
Тех слов коротких откровенья
Для виноватых без вины.

Вас не смутить в любой анкете
Зловещей некогда графой:
Кем был до вас еще на свете
Отец ваш, мертвый иль живой.

В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбирали,—
Ответ по-нынешнему прост.

Но в те года и пятилетки,
Кому с графой не повезло,—
Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.

Чтоб со стыдом и мукой жгучей
Носить ее — закон таков.
Быть под рукой всегда — на случай
Нехватки классовых врагов.

Готовым к пытке быть публичной
И к горшей горечи подчас,
Когда дружок твой закадычный
При этом не поднимет глаз...

О, годы юности немилой,
Ее жестоких передраг.
То был отец, то вдруг он — враг.
А мать?
Но сказано: два мира,
И ничего о матерях...

И здесь, куда — за половодьем
Тех лет — спешил ты босиком,
Ты именуешься отродьем,
Не сыном даже, а сынком...

А как с той кличкой жить парнишке,
Как отбывать безвестный срок, —
Не понаслышке,
Не из книжки
Толкует автор этих строк...

Ты здесь, сынок, но ты нездешний,
Какой тебе еще резон,
Когда родитель твой в кромешный,
В тот самый список занесен.

Еще бы ты с такой закваской
Мечтал ступить в запретный круг.
И руку жмет тебе с опаской
Друг закадычный твой...

И вдруг:
— Сын за отца не отвечает.

С тебя тот знак отныне снят.
Счастлив стократ:
Не ждал, не чаял,
И вдруг — ни в чем не виноват.

Конец твоим лихим невзгодам,
Держись бодрей, не прячь лица.
Благодари отца народов,
Что он простил тебе отца
Родного —
с легкостью нежданной
Проклятье снял. Как будто он

Ему неведомый и странный
Узрел и отменил закон.

(Да, он умел без оговорок,
Внезапно — как уж припечет —
Любой своих просчетов ворох
Перенести на чей-то счет;
На чье-то вражье искаженье
Того, что возвещал завет,
На чье-то головокруженье
От им предсказанных побед.)

Сын — за отца? Не отвечает!
Аминь!

И как бы невдомек:
А вдруг тот сын (а не сынок!),
Права такие получая,
И за отца ответить мог?

Ответить — пусть не из науки,
Пусть не с того зайдя конца,
А только, может, вспомнив руки,
Какие были у отца.

В узлах из жил и сухожилий,
В мослах поскрюченных перстов —
Те, что — со вздохом — как чужие,
Садясь к столу, он клал на стол.
И точно граблями, бывало,
Цепляя

ложки черенок,
Такой увертливый и малый,
Он ухватить не сразу мог.

Те руки, что своею волей —
Ни разогнуть, ни сжать в кулак:
Отдельных не было мозолей —
Сплошная.

Подлинно — кулак!

И не иначе, с тем расчетом
Горбел годами над землей,
Кропил своим бесплатным потом,
Смыкал над ней зарю с зарей.

И от себя еще добавлю,
Что, может, в час беды самой
Его мужицкое тщеславье,
О, как взыграло — боже мой!

И в тех краях, где виснул иней
С барачных стен и потолка,
Он, может, полон был гордыни,
Что вдруг сошел за кулака.

Ошибка вышла? Не скажите,—
Себе внушал он самому,—
Уж если этак, значит — житель,
Хозяин, значит, — потому...

А может быть, в тоске великой
Он покидал свой дом и двор
И отвергал слепой и дикий,
Для круглой цифры, приговор.

И в скопе конского вагона,
Что вез куда-то за Урал,
Держался гордо, отчужденно
От тех, чью долю разделял.

Навалом с ними в той теплушке —
В одном увязанный возу,
Тянуться детям к их краюшке
Не позволял, тая слезу...

(Смотри, какой ты сердобольный,—
Я слышу вдруг издалека,—
Опять с кулацкой колокольни,
Опять на мельницу врага.—
Доколе, господи, доколе,
Мне слышать эхо древних лет:
Ни мельниц тех, ни колоколен
Давным-давно на свете нет.)

От их злорадства иль участия
Спиной горбатой заслонясь,
Среди врагов Советской власти
Один, что славил эту власть:
Ее помощник голоштаный,

Ее опора и боец,
Что на земельке долгожданной
При ней и зажил наконец,—
Он, ею кинутый в погибель,
Не попрекнул ее со злом:
Ведь суть не в малом перегибе,
Когда — Великий перелом...

И верил: все на место встанет
И не замедлит пересчет,
Как только — только лично Сталин
В Кремле письмо его прочтет...

(Мужик не сметил, что отныне,
Проси чего иль не проси,
Не Ленин, даже не Калинин
Был адресат всея Руси.
Но тот, что в целях коммунизма
Являл иной уже размах
И на газетных полосах
Читал республик целых письма —
Не только в прозе, но в стихах.)

А может быть, и по-другому
Решал мужик судьбу свою:
Коль нет путей обратных к дому,
Не пропадем в любом краю.

Решал — попытка без убытка,
Спроворим свой себе указ.
И — будь добра, гора Магнитка,
Зачисли нас
В рабочий класс...

Но как и где отец причалит,
Не об отце, о сыне речь:
Сын за отца не отвечает,—
Ему дорогу обеспечить.
Пять кратких слов...

Но год от года

На нет сходили те слова,
И званье «сын врага народа»
Уже при них вошло в права.

И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа...

Клеймо с рожденья отмечало
Младенца вражеских кровей.
И все, казалось, не хватало
Стране клейменных сыновей.

Недаром в дни войны кровавой
Благословлял ее иной:
Не попрекнув его виной,
Что душу горькой жгла отравой,
Война предоставляла право
На смерть и даже долю славы
В рядах бойцов земли родной.

Предоставляла званье сына
Солдату воинская часть...

Одна была страшна судьбина:
В сраженьи без вести пропасть.

И до конца в живых изведав
Тот крестный путь, полуживым —
Из плена в плен — под гром победы
С клеймом проследовать двойным.

Нет, ты вовеки не гадала
В судьбе своей, отчизна-мать,
Собрать под небом Магадана
Своих сынов такую рать.

Не знала,
Где всему начало,
Когда успела воспитать
Всех, что за проволокой держала,
За зоной той, родная мать...
Средь наших праздников и буден
Не всякий даже вспомнить мог,
С каким уставом к смертным людям
Взывал их посетивший бог.

Он говорил: иди за мною,
Оставь отца и мать свою,
Все мимолетное, земное
Оставь — и будешь ты в раю.

А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.

Забудь, откуда вышел родом,
И осознай, не прекословь:
В ущерб любви к отцу народов —
Любая прочая любовь.

Ясна задача, дело свято, —
С тем — к высшей цели — прямиком.
Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком.

И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.

Любой судьбине благодарен,
Тверди одно, как он велик,
Хотя б ты крымский был татарин,
Ингуш иль друг степей калмык.

Рукоплещи всем приговорам,
Каких постигнуть не дано.
Оклевещи народ, с которым
В изгнанье брошен заодно.

И в душном скопище исходов —
Нет, ни библейских, наших дней —
Превозноси отца народов:
Он сверх всего.
Ему видней.
Он все начала возвещает
И все концы, само собой.

Сын за отца не отвечает —
Закон, что также означает:
Отец за сына — головой.

Но все законы погасила
Для самого благая ночь.
И не ответчик он за сына,
Ах, ни за сына, ни за дочь.

Там, у немой стены кремлевской,
По счастью, знать не знает он,
Какой лихой бедой отцовской
Покрыт его загробный сон...

Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий,
И не видать еще конца.

3. О памяти

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить
Живую былль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль — забыть!

Забыть родных и близких лица
И стольких судеб крестный путь —
Все то, что сном давнишним будь,
Дурною, дикой небылицей,
Так и ее — поди забудь.
Но это было явной быллью
Для тех, чей был оборван век,
Для ставших лагерьною пылью,
Как некто некогда изрек.

Забыть — о, нет, не с теми вместе
Забыть, что не пришли с войны,—
Одних, что даже этой чести
Суровой были лишены.

Забуть велят и просят лаской
Не помнить — память под печать,
Чтоб ненароком той оглаской
Непосвященных не смущать.

О матерях забыть и женах,
Своей не ведавших вины,
О детях, с ними разлученных,
И до войны,
И без войны.

А к слову — о непосвященных:
Где взять их? Все посвящены.
Все знают всё; беда с народом! —
Не тем, так этим знают родом,
Не по отметкам и рубцам,
Так мимоездом, мимоходом,
Не сам,
Так через тех, кто сам...

И даром думают, что память
Не дорожит сама собой,
Что ряской времени затянет
Любую бль,
Любую боль;

Что так и так — летит планета,
Годам и дням ведя отсчет,
И что не взыщется с поэта,
Когда за призраком запрета
Смолчит про то, что душу жжет...

Нет, все бывшие недомолвки
Домолвить ныне долг велит.
Пытливой дочке-комсомолке
Поди сошлись на свой Главлит;

Втолкуй, зачем и чья опека
К статье закрытой отнесла
Неназываемого века
Недоброй памяти дела;

Какой, в порядок не внесенный,
Решил за нас

Особый съезд
На этой памяти бессонной,
На ней как раз
Поставить крест.

И кто сказал, что взрослым людям
Страниц иных нельзя прочесть?
Иль нашей доблести убудет
И на миру померкнет честь?

Иль, о минувшем вслух поведав,
Мы лишь порадуем врага,
Что за свои платить победы
Случалось нам втридорога?

В новинку ль нам его злословье?
Иль все, чем в мире мы сильны,
Со всей возвращенной нами новью,
И потом политой, и кровью,
Уже не стоит той цены?
И дело наше — только греза,
И слава — шум пустой молвы?

Тогда молчальники правы,
Тогда все прах — стихи и проза,
Все только так — из головы.
Тогда совсем уже — не диво,
Что голос памяти правдивой
Вещал бы нам и впредь беду:
Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу...

Что нынче счесть большим, что малым,—
Как знать, но люди не трава:
Не обратить их всем навалом
В одних непомнящих родства.

Пусть очевидны поколения
Сойдут по-тихому на дно,
Благополучного забвенья
Природе нашей не дано.

Спроста иные затвердили,
Что будто нам про черный день

Не ко двору все эти были,
На нас кидающие тень.

Но все, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!

А я — не те уже годочки —
Не вправе я себе отсрочки
Предоставлять.

Гора бы с плеч —
Еще успеть без проволочки
Немую боль в слова облечь.

Ту боль, что скрытно временами
И встарь теснила нам сердца
И что глушили мы громами
Рукоплеканий в честь о т ц а .

С предельной силой в каждом зале
Они гремели потому,
Что мы всегда не одному
Тому отцу рукоплекали.

Всегда, казалось, рядом был,
Свою земную сдавший смену,
Тот, кто оваций не любил,
По крайней мере знал им цену.

Чей образ вечным и живым
Мир уберег за гранью брэнной,
Кого учителем своим
Именовал о т е ц смиренно...

И, грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали,
Как будто суть была одна.

А страх, что всем у изголовья
Лихая ставила пора,
Нас обучил хранить безмолвье
Перед разгулом недобра.

Велел в безгласной нашей доле
На мысль в спецсектор сдать права,
С тех пор — как отзыв давней боли
Она для нас — явись едва.
Нет, дай нам знак верховной воли,
Дай откровенье божества.

И наготове вздох особый —
Дерзання нашего предел:
Вот если б Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел...

Уж он за всеми мелочами
Узрел бы ширь и глубину.
А может быть, пожал плечами
И обронил бы:
— Ну и ну!

Так, сяк гадают те и эти,
Предвидя тот иль этот суд,—
Как наигравшиеся дети,
Что из отлучки старших ждут.

Но все что стало или станет,
Не сдать, не сбить нам с рук своих,
И Ленин нас судить не встанет:
Он не был богом и в живых.

А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите —
Он богом был —
Он может встать.

И что он легок на помине
В подлунном мире, бог-отец,
О том свидетельствует ныне
Его китайский образец...

...Ну что ж, пускай на сеновале,
Где мы в ту ночь отвергли сон,
Иными мнились наши дали,—
Нам сокрушаться не резон.

Чтоб мерить все надежной меркой,
Чтоб с правдой сущей быть не врозь,
Многостороннюю проверку
Прошли мы — где кому пришлось.

И опыт — наш почтенный лекарь,
Подчас причудливо крутой,—
Нам подносил по воле века
Его целительный настой.
Зато и впредь как были — будем,—
Какая вдруг ни грянь гроза,—
Людьми
 из тех людей,
 что людям,
Не пряча глаз,
Глядят в глаза.

ЧИТАТЕЛИ О ПОЭМЕ А. Т. ТВАРДОВСКОГО «ПО ПРАВУ ПАМЯТИ»

Поэма Александра Трифоновича Твардовского «По праву памяти» впервые была опубликована в журнале «Знамя» № 1 в 1987 году и вызвала огромный поток читательских писем.

Вот лишь некоторые из них.

Дорогие товарищи! Мы, старые большевики, живущие в Доме ветеранов партии, хотим сказать вам большое спасибо за то, что опубликовали замечательную и очень нужную поэму А. Твардовского «По праву памяти». Она помогает видеть подлинную, трудную, героическую историю нашей страны такой, какой она была на самом деле, а не через «розовые очки».

Сердечная вам благодарность

Чекина, Токарева, Бичман и др.

Московская обл., Переделкино

Жалкие либералы!!! Именно из-за таких либералов, как Твардовский и ему подобных, все эти пороки в нашем обществе, из-за них распущенность, вседозволенность, безнаказанность, безответственность, безбоязненность за содеянные преступления!

Вот вам итоги вашего либерализма!

Нет, народу — нашему тем более — нужно строгое, энергичное и суровое руководство со спросом. Ибо наш народ имеет чудное свойство превратиться в козло-пьяных скотов, грязных свиней, готовых пить, воровать, гадить, где только возможно.

Вот вам ваш либерализм! Плоды демократии.

И редакция с тупостью смакует тенденциозные писульки Бека и Трифонова, а теперь и Твардовского. Позор вам и проклятье за такие дела!

От киевлян-читателей

(Без подписей и обратного адреса)

Взяться за письмо побудила меня публикация в вашем журнале поэмы Александра Твардовского «По праву памяти». Описанные в поэме собы-

тия для меня не явились откровением — это страшное время коснулось и нашей семьи. Не умаляя достоинств этого произведения, замечу, что реальная жизнь порой бывала значительно страшнее, чем это описано у Твардовского. Но отнюдь не желание описывать трагедию нашей семьи вынуждает меня писать, а те последствия, которые в значительной степени повлияли на духовное состояние всего нашего общества и причиной которых были не только те годы, годы культа, но и время всеобщего благодушия, умолчания, полуправды, лжи. Именно оно, это время, не позволило опубликовать поэму еще 18 лет назад. К сожалению, подобная судьба постигла не только это произведение Твардовского. Уже в наше время, во второй половине 80-х годов, когда общество всколыхнулось и с превеликим трудом начинает стряхивать с себя коросту лжи, мы (я подразумеваю здесь в основном средства массовой информации) продолжаем полунемеки, полутона и избегаем честной и правдивой характеристики «эпохи благополучия»... Неужели нам мало тех уроков, которые преподнесла история? Неужели у вас, журналистов, сердце не обливается кровью, глядя на целые поколения, выросшие в душевной атмосфере показухи, лжи и потерявшие всякий интерес к общественной жизни? Может быть, это одна из главных причин того, что перестройка пробуксовывает, с трудом продвигается вперед. Сейчас все газеты пестрят заголовками: «Нам нужно учиться жить в условиях демократии». Правильно. Согласен. Но только давайте не играть в демократию, а осуществлять ее на деле.

С уважением

Сенников Николай Михайлович

г. Ленинград

Многое в последнее время уже сделано, подняты многие вопросы. Как говорится, перестройка идет. Вот ее последние на сегодня шаги: полная наконец-то реабилитация Бориса Пастернака и напечатанная в журнале «Знамя» поэма «По праву памяти». Именно эта поэма и послужила непосредственным поводом адресовать это письмо журналу.

Вот что не дает мне покоя. Есть Пискаревское кладбище, Мамаев курган. Будет Поклонная гора. Пионеры и энтузиасты много сделали и еще будут делать многое для неизвестных героев Великой Отечественной войны. И это правильно.

А как нам быть с другой памятью, о которой писал А. Т. Твардовский?

Должен, должен быть Мемориал погибших безвинно! И неважно где: в Москве, в Магадане или в Воркуте...

Лично я представляю Мемориал таким: серая, гранитная стена, очень долгая — почти бесконечная, — а на стене проступающие из камня контуры лиц человеческих... Женские, детские, мужские... Тысячи, десятки тысяч лиц! И никаких фамилий, никаких дат. Только лица, в каменных глазах которых на века застывший вопрос: «За что?»

И мы будем приходить к этой стене, взглядываться в каменные глаза, искать ответ на немой вопрос. Искать ответ будут и наши дети, внуки,

правнуки... Пусть горит у стены Вечный Огонь, предупреждая нас, что бдительность нужна не только в борьбе с международным империализмом.

Создавать Мемориал надо на добровольные пожертвования. Пусть Минфин СССР определит счет, и сразу станет ясно — будет Мемориал или все затеи ни к чему.

Нам бы только уяснить, что стоит мучительной памяти о тридцатых годах раствориться во времени, они в любую эпоху могут вернуться, медленно обволакивая нас парализующим ужасом.

Я — Колесник Владимир Иванович. Мне 39 лет. Рабочий. Беспартийный. Женат, растут три сына. Да, в моем роду, насколько я знаю, пострадавших в годы культа нет, так что мое личное пристрастие исключается.

г. Херсон

Спасибо, уважаемые редакторы, за поэму Александра Трифоновича Твардовского «По праву памяти». Жаль, что нет его в живых! Это народный и уважаемый, любимый и после смерти поэт! Расскажите о нем, его потомках. Пусть всенародная любовь и признательность будут и после его смерти!

Носкова Н. К.

г. Курган

Я и раньше любил Твардовского за его хорошие, правдивые стихи таких поэм, как «Василий Теркин» и «За далью — даль», но впервые опубликованная поэма «По праву памяти» поразила меня своей смелостью, настоящим патриотизмом, глубоким, я бы сказал, ленинским анализом эпохи Сталина. От правды никуда не скроешься, с каким бы лицом она ни была.

Звучат пророческие строки: «Но за всеобщего отца мы оказались все в ответе...» и т. д.

Все правильно.

Очень благодарю редакцию за публикацию поэмы.

Смирнов М.

г. Ярославль

По силе духа, боли и горечи утраты, страданию и душевной нежности, человечности и мудрости, по всей своей художественной выразительности поэма стоит рядом с «Памятником» Пушкина, «На смерть поэта» Лермонтова, с «Письмом к матери» Есенина.

...Она как песня лебединая для самого поэта, Александра Твардовского, оставившего нам вместе с песней грусти и печали вечно живого, по-русски простого и задорного, никогда не унывающего, страстно верящего в себя и в жизнь Василия Теркина.

П. М. Чаплин, ветеран труда, инвалид Великой Отечественной войны, член КПСС с 1944 г.

Московская обл., г. Мытищи

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю. Ю. Буртин	3
Василий Теркин. Книга про бойца	5
За далью — даль	159
Теркин на том свете	263
По праву памяти	315
Читатели о поэме А. Т. Твардовского «По праву памяти» . . .	333

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Александр Трифонович Твардовский

П о э м ы

Зав. редакцией Н. В. Ганиковская
Редактор И. М. Анисимова
Художественный редактор И. К. Борисова
Технический редактор В. М. Скробнева
Корректор О. И. Поливанова
Наборщики Т. В. Кострюкова, Т. И. Мишутина

ИБ № 3

Сдано в набор 14.10.87. Подписано в печать 16.12.87. Формат 60×90/16. Бумага кн.-журн. для офс. печ.
60 г. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,69. Уч.-изд. л. 17,03. Изд. № 28.
Тираж 100 000 экз. Заказ 3507. Цена 4 р.

Издательство «Книжная палата», 103009, Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Фотонабор выполнен Экспериментальной типографией ВНИИ полиграфии
при Госкомиздате СССР.
103051, Москва, Цветной бульвар, 30

Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Александр Твардовский

«Родился я в Смоленщине, в 1910 году, 21 июня, на «хуторе пустоши Столпово», как назывался в бумагах клочок земли, приобретенный моим отцом Трифоном Гордеевичем Твардовским через Поземельный крестьянский банк с выплатой в рассрочку. В жизни нашей семьи бывали изредка просветы относительного достатка, но вообще жилось скудно и трудно... Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-нибудь книги.

Хорошо помню, что первое мое стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнезд, я пытался записать, еще не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения.

Со «Страны Муравии», встретившей одобрительный прием у читателей и критики, я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора...

А мое участие в создании фельетонного персонажа «Васи Теркина» в газете «На страже Родины» (ЛВО) — это, по существу, начало моей основной литературной работы в годы Отечественной войны.

«Теркин» был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем — моей ли-

рикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю.

Могут сказать, что если Смоленщина, со всей ее неповторимой и бесценной для меня памятью, досталась мне, как говорится, от отца с матерью, то уже, например, Сибирь, с ее суровой и величественной красотой, природными богатствами, гигантскими стройками и скажочно широкими перспективами я обрел для себя уже сам в зрелые годы.

Эту новую мою связь — связь с «иными краями» — я сознательно развиваю и укрепляю с конца сороковых годов, когда впервые побывал на востоке страны, и она непосредственно сказалась в главной моей работе пятидесятых годов — книге «Задалью — даль».

Одновременно с этой книгой, а также лирикой, очерками и статьями в эти годы писалась поэма «Теркин на том свете»... Она возникла из иного, главным образом сатирического, задания и обращена к некоторым сторонам послевоенной действительности в том духе, как их оценивали XX и XXII съезды нашей партии».

А. Твардовский
(Из автобиографии)